

Марк Салимов

ТОВАРИЩ МАРКЕТОЛОХ

Написанный в поджанре альтернативной истории научно-фантастический, несмотря на некоторую лёгкость изложения, роман магистра маркетинга о похождениях четверых молодых специалистов, подготовленных для особой миссии в СССР эпохи тотального дефицита и запертых в голове деревенского комсомольца.

Непередаваемая атмосфера золотого застоя семидесятых годов, обычные и не очень обычные советские люди, а также их простые человеческие потребности, через призму критического осмысления которых автор воссоздаёт дух того во многих отношениях замечательнейшего времени.

Приятного чтения, уважаемые коллеги, сотрудники смежных подразделений рекламы и продаж, прочие представители офисного планктона и остальные читатели, желающие на пару-другую часов вырваться из стыллой рутины серых будней, чтобы нырнуть в манящее неизведанными тайнами море научной фантастики!

Практические основы маркетинга для теоретизирующего попаданца

Глава первая, которая знакомит с хозяином гостеприимного теремка и его обитателями

Вот это ж хренасе ветроган!!! Окошко настезь, горшки с маминой геранью на полу, сам весь мокрый! Ощущение такое, будто мозги даже промыло. до последней извилины... А, кстати, и впрямь ничего не помню. это ж надо так допитаться! Ничего не помню: кто я?!

— Сегодня суббота первое июля 1978 года, — услужливо подсказало, кажется, деревенское радио. А кому ещё бухтеть проникновенным женским голосом с бархатистой хрипотцой, взбаламутившей гормональный планктон в его озабоченном океане молодой крови?

Ага, мне сразу легче стало, говорилка колхозная. Имя, сестра, имя?! И где это я? Я ж не спрашиваю тебя, какой сегодня день, число, месяц и год, радиоточка ты трёхпрограммная!

— Вы — Иван Ильич Шкворин, семнадцатилетний житель деревни Перловка, чтс находится в Кыштовском районе Новосибирской области[i], — продолжал глумиться матюгальник.

Вспомнил! Я ж Ванька Шкворин! Ох и стыдобища-то! А всего-то по паре-другой глотков бормотухи из горла вчера опрокинули за клубом после танцев. Хотя, куды же я денусь, сегодня опять пойду, ровно как та, что в анекдоте про регулярно насилуемую...

И вдруг, не по-детски страдающий от жуткого абстинентного синдрома Ванька Шкворин, которого деревенские за его рост и нескладную худощавую фигуру звали в глаза и за глаза просто Шкворнем, вскинул на репродуктор свои страдающие похмельной головной болью и, в то же время, ошарашенные внезапным недоумением, васильковые глаза.

Не, ну правда, когда человек, пусть даже совсем ещё молодой и не совсем ещё опытный в житейских делах, начинает, пусть даже мысленно, разговаривать с местной радиоточкой, пусть даже трёхпрограммной, значит, пора сдаваться врачам с добрыми и понимающими душевных больных или хронических алкоголиков глазами. И совсем не обязательно при этом, чтобы эти мудрые глаза тоже были обязательно васильковыми.

— Э! — грозно гаркнул Ванька на всякий случай, поморщившись от вызванного этим рыком нового приступа головной боли, — Я ща кому-то, у-у-у, короче, понял, да? Не слышу!..

Однако, как бы Ванька ни прислушивался мучительно больно за бесцельно напряжённые уши завязтого колхозного меломана, как бы он старательно ни таращил свои васильковые глаза годного к строевой службе допризывника в этот грёбаный недорадиоприёмник, из того кроме обычного шипения так больше ничего содержательного и не прозвучало.

Померещится же такое с бодуна, умиротворённо подумал Ванька, прислушиваясь к по-матерински ласковой волне расходящегося по нутру предусмотрительно заначенного ещё с вечера живительного деревенского самогона.

— А сейчас вы слышите слабый шум дождя за деревенским окном, у которого сидите, — ни с того ни с сего вдруг снова заговорил убеждающий бархатистой хрипотцой голос, — Шум приближается, приближается, он усиливается и наконец окошко распахивается...

Уже было поймавший первую эйфорическую волну, Ванька испуганно вскочил и в страхе кинул взгляд сначала на по-прежнему шипящий гадюкой репродуктор, а затем и на

окно, которое после того, как его надёжно прикрыли, распахиваться больше не планировало.

— ... под сильными порывами ветра, — невозмутимо продолжал голосок, — И ворвавшиеся струи летнего ливня сметают на своём неудержимом пути последние барьеры вашего не знающего поражений молодого сознания, — торжествуяще ликовала владелица хрипотцы, — Разрывающего на себе ослабевшие пути пространства и времени!

— Ма-а-ама-а-а!!! — истошно завопил Ванька, в ужасе пролетая через свою захлавленную радиодетальями комнату, заботливо прибранный мамой зал с неизбежным телевизором на ножках, диваном и столом, узкий тёмный коридор, широкую светлую веранду и наконец вылетая в гомонящий разнообразной птичьей живностью двор.

Захлопнув за собой калитку и выйдя на довольно широкую, хотя и изрядно перерытую тракторами и прочей сельхозтехникой деревенскую улицу, тут же воровато огляделся и одёрнув на себе не то бывший школьный пиджак, не то полезную спецовку аж с четырьмя карманами, широко зашагал по направлению к местному радиоузлу.

Радиоузел располагался в сравнительно недавно отстроенном здании сельсовета, что для ленивого Ваньки было только на руку, поскольку позволяло убить сразу двух ушастых грызунов-вредителей: забрать выписанный паспорт с листком убытия у паспортистки, во-первых, и, собственно, нанести визит джентльменской вежливости в радиоузел, дабы дать по морде одному возомнившему о себе радисту, во-вторых.

— Таки вы нас покидаете, Иван Ильич? — томно мурлыкнула тридцатилетняя паспортистка Наталка, пытаясь при этом втянуть предательски выпирающий животик и одновременно выпятить не слишком-то большую отвисающую грудь.

— Ну да, Наталка, — неуверенно промямлил покрасневший как рак Ванька, тщаь, чтобы его враз осипший голос звучал совсем по-взрослому, то есть, предельно мужественно.

— Вот, поступать буду, — пробормотал он, пряча глаза, потому как точно помнил, что вчера уходил с танцев в обнимку с Наталкой в одной руке и початой бормотухой в другой. Что там было дальше, Ванька, как не силился, вспомнить, однако, никак не мог. А помнить ох как следовало бы, потому как разговоров потом не оберёшься.

Деревня ить она не город, как часто любили, многозначительно переглядываясь, судачить колхозные бабульки на завалинке в ожидании возвращающихся с выпаса коров, намекая на тот общеизвестный факт, что почти вся интимная жизнь паспортистки по прозвищу Наталка-давалка находится в деревне у всех на виду как на ладони.

Нафиг-нафиг, подумал Ванька, чуть ли не судорожно выхватывая серпастый-молоткастый из рук укоризненно глядящей на него паспортистки. Самой под сраку лет, а мужика как не было, так и нет и по дому у неё уже трое бегают мал мала меньше. Более того, четвёртым, по ходу дела от кого-то откровенно брюхата. Не, нафиг-нафиг нам такое семейное счастье!

— А Лёшка-то радист у себя? — спросил уже просто лишь бы что спросить, будучи заранее уверенным в ответе и направляясь к двери. Ответ вчерашней великовозрастной подружки сначала пригвоздил к ещё пахнувшему масляной краской и не успевшему даже затереться сапогами немногочисленных посетителей деревянному полу, а затем броситься к выходу.

— Дык Лёха-то уже два дня как уехал, Ванюша! Грит, опять будет пробовать поступать на свой недогрёбанный радиотехнический факультет, белобилетник несчастный! Геморрой у меня сплошной с его воинским учётом. А ты, Вань, как, небось тоже в НЭТИ[ii]?

— Тоже! — сердито буркнул Ванька, с силой захлопывая за собой дверь, будто боясь,

что та так и не закроется и не скроет от него взирающую с немым укором Наталку, поведавшую ему горестную весть про безвременно свинтившего из деревни Лёшку-радииста.

Как же так, угрюмо думал он, подбегая к двери колхозного радиоузла, ведь вместе с ним договаривались ехать в Новосибирск поступать. Я ведь в отличие от него там никогда не был и ничего не знаю. Мне-то за мою недолгую жизнь и райцентра как-то всегда хватало.

Когда только подбегал к заветной двери, ещё на что-то надеялся, но узрев на ней висячий в стальных проушинах траурного вида замок с белеющей в нём бумажной контрольной и чьей-то неразборчивой подписью, сообразил, что чуда и в самом деле не предвидится, а ехать в огромный незнакомый город придётся всё-таки одному.

— А-а-а, мать твою гребсти раз по девяти!!! — пытался успокоить Ванька сам себя малым петровским загибом, молотя костлявым кулаком дверной косяк, — Бабку в спину, деда в плешь, а тебя, сукина сына, жеребьячьим прямо в спину и тихонько вынимать, чтобы мог ты понимать, как имут твою мать[iii], а-а-а!!!

— Ты чего это тут, Ванюш, разорался с утра пораньше, а? — выглянули из соседней двери насмешливо-добродушные усищи колхозного счетовода Поликарпа Матвеевича, — Слова-то запиши мне, обязательно запиши, мне они по осени пригодятся для общего собрания. А ты никак повадился к нашей Наталке? Свадьбу, бабы бают, на Яблочный Спас сыграете? А что, очень даже хорошая примета! Ты мне морду-то давай не вороти, «бисов сын»! Прошёл с красной девицей по деревне у всех на виду, так женись!

— По-по-по-... Поликарп Матвейч... Честное слово... И вообще она... — испуганно заблеял Ванька, — Я в том смысле, что она может быть, конечно, и красная, но уж давно никаким таким вашим Макаром сто лет в обед совсем даже и не девица!

— Ладно-ладно, Вань, считай отмазался! — гулко заржал Поликарп Матвеевич, — Шучу я, сынок! Наталка-то наша, может быть, баба и хорошая, да только не для тебя расцвела эта роза без шипов! Зайди-ка лучше ко мне, дело к тебе одно есть на сто-пятьсот мильёнов.

Один из старейших и уважаемых работников колхозного правления таинственно поманил за собой ещё не отошедшего от испуга Ваньку, прошёл к своему заваленному бумагами и прочей ерундой столу, вытащил из его выдвижного ящика какую-то серую коробку.

— Дорогой Ваня! — неожиданно торжественно начал счетовод, — От имени и по поручению отсутствующего здесь по причине подготовки уборочной техники правления, разреши мне вручить тебе ценный подарок в ознаменование, так сказать, успешного окончания школы и неопенимых услуг нашему колхозу на ниве рационализаторства и изобретательства, во!

Протянув Ване под эту трогательную речь невзрачного вида картонную коробку, Матвейч крепко пожал ему руку и, по-отечески приобняв, подвёл к свободному краешку стола, где стояла четвертная бутылка мутноватой жидкости и какая-то немудреная закуска.

— Вот, Ваня! — с потаенной гордостью произнёс Матвейч, отродясь не слыхавший ничего о фуршете или шведском столе, — Так сказать, банкет, прям как в лучших домах Лондона и Парижа! Давай-давай, сынок, сегодня нам с тобой можно. Так сказать, повод есть!

— А что, Поликарп Матвейч, — ехидно поинтересовался Ванька, — Вам в Лондоне и Париже тоже приходилось бывать? Не иначе как проездом на тракторе «Беларус»?

— Не, Вань, куда уж мне! Я только так, разве что немного по Берлину на танке

покатался...

Чтобы скрыть разом нахлынувшее смущение и заалевшее стыдом лицо, Ваньке пришлось наклонить голову, притворившись, что внимательно рассматривает только что вручённый ему подарок колхозного правления. Посмотрел сначала на рисунок и, не поверив, прочёл тогда вслух найденное тут же на коробке название, модель и страну производителя.

— Программируемый микрокалькулятор «Электроника БЗ-21» для инженерных и научных расчётов, сделано в СССР... Поликарп Матвейч!!! Да это же... это же сумасшедши денег стоит! Я ведь даже и мечтать о таком не смел! А я тут уже логарифмическую линейку себе прикупил за три пятьдесят. Но теперь, теперь, Поликарп Матвейч... [iv]

— Ну а теперь, Ванюша, — прервал его Матвейч, донельзя довольный произведённым им самим эффектом, — Попробуй только не поступи! Душу выну! Триста пятьдесят рублей, копейка в копеечку, стоит! У самого, как у, так сказать, потомственного счетовода, душа кровью обливается, но если для дела надо, то Матвейч в лепёху расшибётся! Чего стоишь как не родной? Давай наливай, обмыть такую дорогую технику надо бы, а не то, не ровён час, сломается ведь, железяка бессловесная, ить как пить дать, сломается!

Против подобного аргументированного опытом поколений довода Ваньке возразить было, собственно, нечего, да и, по большому счёту, просто неохота. Башка, конечно же, после пары пропущенных ещё дома стаканов уже не ломилась куда-то в дубовую дверь, однако, настроение для абстинентного синдрома было пока достаточно показательным. А потому, больше не мудрствуя лукаво, Ванька разлил обоим по полному гранёному стакану, на что счетовод только довольно крякнул и уважительно прокряхтел в усы что-то неразборчивое.

— А даму-то на светский раут никто так и не догадался пригласить! — неожиданно, вплоть до испуганного плеска благородной жидкости в поднесённых ко рту стаканах, прозвучал от двери полный внутреннего страдания и наружной укоризны голос всеми забытой, но так и никем не сломленной паспортистки.

— Да мы тут с Ванюшей, — ужом засуетился счетовод, застигнутый врасплох одновременно по двум преступлениям сразу, включающем в своём составе распитие спиртосодержащих напитков на рабочем месте и спаивание несовершеннолетнего лица, как ни странно, тем не менее, достигшего половой зрелости.

— Эх, мужчины! — снисходительно вздохнула Наталка, — Время-то уже к обеду, давайте-ка заодно поснедаем что ли. Куды ж вы без нас, женщин, денетесь-то? Я вот тут кое-чего из дому принесла нормально закусить, благо недалече живу. Да и Ванюшу, Матвейч, надо бы в город достойно проводить, «так сказать, от имени и по поручению правления».

— А вот это ты, Наталка, здорово придумала, дай я тебя поцелую! — приосанился Матвейч, протягивая руки и практически скрытые под пышными усами губищи по направлению к молодой паспортистке, — Давай-давай, солдат ребёнка не обидит!

— А вот не дам! — решительно выпалила Наталка, поднося маленький, но задорный кукиш к самым усам Матвейча, — Больше никому не дам, хватит, наотдавалась уже! Последний, можно сказать, нормальный мужик из нашей деревни уезжает. Кто остаётся в деревне, а, Матвейч? Только алкаши, сосунки, да вы, старики! Ладно уж, Матвейч, не пыжься! А ты, Ванюша, хороший парень, но больно доверчивый. Ох и непросто же будет тебе в городе! Ты думаешь, почему Лёха-радист укатил поступать без тебя? Не знаешь, Ваня? А я знаю! Да обзавидовался он, когда на днях увидел, какой тебе хотят подарок вручить! Поначалу-то он думал, что это ему приготовили. Ага, шас, лодырю и трусу? Кто в тот раз

убежал, а кто остался один против тех озверелых шабашников, что меня хотели... Вот зря ты, Ваня, плохое в людях так быстро забываешь и только хорошее помнишь, зря! А я вот всё всегда помню, и плохое и хорошее! Но о тебе, Ваня, я буду помнить только хорошее, потому как ничего другого от тебя никогда и не видела. За тебя, мой хороший, за тебя!

— Ик к-к-куда ж вы удалились, ик?! — недоумённо обиженно спросил Ванька у ржаного мякиша, который он уже пять минут безуспешно пытался окунуть в болгарский кетчуп...

К родному клубу после почти целого дня, проведённого в ставшем за это время не менее родным сельсовете, Ванька подходил уже и совсем даже в очень хорошем настроении. За бухлом для вечернего проставления среди пацанов в честь предстоящего отъезда заходить в сельпо, как он планировал ранее, не пришлось. Раздобывший к концу застолья Матвейч махнул рукой и отдал ему остатки четвертной, где оставалось ещё около полутора литров.

Это ж, почитай, три бутылки водяры, думал Ванька. А три бутылки водяры, развивало эту глубокую мысль его затуманенное благородным напитком сознание, три бутылки водяры по цене составляет почти полтора чирика, которые в городе лишними никогда не будут. Какой же замечательный экономический эффект получается, однако! Так может, осеняло его мозг гениальная мысль, как это частенько бывает у подвыпивших мужиков, может мне тогда лучше поступать на экономику, а не на электронику?

— Хи-хи! — хихикнул утренний внутренний голос, который почему-то резко изменил свой женский с бархатистой хрипотцой тембр и помимо того возмутительного факта, что стал почему-то чисто мужским, заговорил с ним теперь ещё и удивительно слаженным хором, насчитывающим, кажется, аж четыре опять же мужских голоса.

— Вот видите, товарищи братья по несчастью, — продолжил мужской хор с энтузиазмом во всех своих голосах, — По крайней мере, у нашего реципиента есть слух, а значит он уже и, вроде как не совсем пропащий! Высоцкого перепевать, ясен пень, несколько поздновато, а вот если, к примеру, Слепакова, зайку мою или там джагу-джагу... Да, пацан, ты угадал, так уж, извини, получилось, но нас и правда четверо сидит в твоём бедном теремочке...

— Четверо, да ещё и хором ... — ошарашено прошептал Ванька, — Что, в натуре четверо?!

— Нас четверо-о-о, — воодушевлённо заорал хор в его голове, — Пока ещё мы вместе! И дело есть, и это де-е-ело чести! Девиз наш — все за одного, лишь в этом наш успе-е-ех![v] Стойте, этот фильм впервые покажут по телевидению только к следующим новогодним праздникам! Да нет, Витёк, батя рассказывал, что песни из него чуть ли не два года гоняли в хвост и в гриву по «Утренней почте», пока сценарист судился с песенником. Слушай, пацан, а тебя правда Иваном зовут? Ты Иван Ильич Шкворин, житель деревни Перловка Кыштовского района Новосибирской области? Какое сегодня число, месяц и год? Короче, нам нужно срочно к товарищу Сталину, дабы слепить промежуточный патрон и перепеть Высоцкого! Хорош прикалываться, Марк! Ты ему ещё Кукурузника предложи замочить!

— Не, ребята-демократы, только чай! — послушно всплыла тут в памяти у Ваньки строчка из песни Высоцкого, — Ладно там голос в голове, всяко-разно бывает. Ладно ещё хор, у какого-нибудь там Пятницкого или Александрова тоже небось после работы хор в голове гудит. Но, ёпэрэсэтэ, чтобы хор грёбанутых дуриков, спорящих сами с собой?!

— Сам ты грёбанный, алкаш несовершеннолетний! — искренне возмутился квартет голосов, похоже, оскорблённый в своих самых лучших чувствах, — за метлой-то следи,

переросток колхозный, а то ведь мы тебе можем и вот так сделать!

Ванька, бредущий до сей поры уже вполне уверенно, неожиданно заплёл правую ногу за левую, будто собираясь взлететь нелепо взмахнул руками, и совершенно при этом потеряв равновесие, упал, увлекаемый неумолимой силой инерции нескладного физического тела. Сразу же вслед за этим очень даже эпическим падением в наступившей вечерней тишине раздался сначала приглушенный холщовой сумкой, но от этого не менее страшный, хруст, а спустя несколько томительных секунд, извергающий в сознании потоки идиоматических выражения хор уже из пяти крайне обозлённых мужских голосов.

— Какого хрена, Миха?! — орал а капелла сам на себя хор из четырёх голосов, — Ты, Миха, совсем охренел в своём спецназе, что подсечку вздумал реципиенту проводить? А ничего, дуболом, что его ощущения теперь и наши ощущения, то бишь, кстати, и твои?

— Какого хрена, Ораера?! — мысленно им вторил, если можно так выразиться, Ванька пятым голосом, — Бутыль мне, суки, разбили, мать вашу имать раз по двадцать пять, деда в дупу, бабу в зад, а самих через косяк, коромысло затолкать и почаще вынимать, чтоб могли в конец понять, как опять и опять вдругорядь вашу мать[vi]!!!...

Смеркалось, сообразил Ванька, в какой-то момент почувствовав, что уже целую минуту, как он не слышит доставшего его до печёнок хора мужских голосов. Встал, оглянулся, не видел ли кто его грандиозного падения. Отряхнул пыль с брюк и пиджака.

— Мужики, — наконец-то дал знать о себе никуда не девшийся из головы квартет, — Нет, вы это слышали? Вот куда Гайдаю надо было Шурика за фольклором посылать! В общем, я так понимаю, наш человек! Только... Слушай, Ванёк, а что такое ораера?

— Хор такой грузинский! — сердито отозвался Ванька, ещё не окончательно отошедший от горечи понесённых потерь, — И вот что, мужики, не знаю, кто вы, откуда, зачем, почему и надолго ли окопались в моей башке, но только зовите меня отныне...

— Хозяином?! — на редкость в этот раз единодушно радостно завопили все составляющие его внутренний квартет и, от чего-то, не на шутку развеселившиеся в нём голоса.

— Зачем хозяином?! — крайне изумился Ванька, — Сами же знаете, что меня так не зовут...

— Знаем- знаем! — ещё больше развеселился хор внутреннего мужского монастыря, — Тебя не зовут, ты ведь и сам приходишь к своим врагам аки ужас, летящий на крыльях ночи!

— Тьфу ты, приякоренный раздолбай! — сплюнул в сердцах возмущённый Ванька, — С вами, мужики, совершенно невозможно серьёзно говорить! Зовите меня просто Ильич, ясно?

Но сам же, не выдержав, запрокинул голову и от души расхохотался, вспугнув при этом парочку каких-то гуляющих по вечерней деревенской улице соплюшек. Хохотал, долго не успокаиваясь и самозабвенно, пока снова не услышал свою странную шизу.

— Петрович, видишь, у парня самая настоящая истерика! Ну сделай с ним что-нибудь, а то ведь он скоро вынудит деревенских вызвать нам психушку! Да делаю уже, не мешайте! Я ему, в смысле, теперь уже нам баланс между адреналином и эндорфином в крови пытаюсь отрегулировать. Да вот только, мужики, есть у меня тут одна загвоздка. Мне ведь изнутри это впервые приходится делать. У тебя-то, Миха, тоже, наверное, не сразу получилось, как бы правильно выразиться, заставить споткнуться нашего реципиента? Что ты, Петрович, я вовсе не собирался заставлять его спотыкаться, я хотел его просто развернуть домой....

Стараниями ли неведомого Ваньке Петровича либо по причине охватившей его усталости, но изнуряющий гомерический ржач в конце концов иссяк и Ванька смог сначала

спокойно перевести дух, а затем и попробовать более-менее объективно взглянуть на сложившуюся с его психическим здоровьем тревожную ситуацию.

— Поговорим? — в очередной раз прервал его душевные терзания незванный квартет, — Как ты отнесёшься к тому, что мы с тобой сейчас всё-таки осторожно развернёмся ровно на сто восемьдесят градусов и так потихонечку, шаг за шагом, двинемся по направлению к нашему, теперь уже несомненно ставшим общим, дому?

— Хренасе заявочки?! — искренне восхитился Ванька, — А может вам и ключ тогда дать от моего, повторю для тех, кто в танке, именно моего дома, где деньги в зачатке лежат?

— Да брось ты, Вань! — пренебрежительно фыркнул квартет, — Ну какие у тебя могут быть деньги? Вот наш товарищ маркетолох поможет тебе сделать такие деньги, что эти слова ты потом просто не сможешь без смеха вспомнить! Правда, Марк? Не вопрос, мужики, если только договоримся с этим дуриком, который ещё не понял своего щасья. Слышал такое заграничное словечко как «маркетинг», деревня? Так как насчёт поговорить, Ванёк?

— Говорите поговорить, мужики, от чего ж не поговорить, очень даже можно поговорить! Иван Шкворин никогда ещё не бегал от нормального мужского разговора! Тем более, что после того, как вы мне, мужики, которые совсем даже и не мужики, тоже мне мужики, бутыль с полтора литрами первоклассного самогона двойной очистки разбили, мне теперь сегодня в клубе делать нечего! Понимаете? Эх, ничего-то вы в жизни не понимаете...

Горестно вздохнув, Ванька уже совершенно добровольно, то есть безо всякого стороннего внутреннего или внешнего воздействия, но, тем не менее, демонстративно заложив руки за спину, словно конвоируемый заключённый, развернулся и опустив голову побрёл прочь от полного ярких огней и весёлой зажигательной музыки деревенского клуба.

По острым иглам яркого огня
Бегу бегу дорогам нет конца
Огромный мир замкнулся для меня
В арены круг и маску без лица
Я шут я Арлекин я просто смех
Без имени и в общем без судьбы
Какое право дело вам до тех
Над кем пришли повеселиться вы[vii]...

— Мужики, да это же «Арлекино», — заорал в восторге узнавания хор мартовских котов, обрывая душевно подпевающего клубным колонкам Ваньку в самом душещипательном месте, — Господи, Боже ж ты мой. Какое ретро, какое ретро! Песня Эмила Димитрова на стихи Бориса Баркаса, верно, Вань?

— Всё верно, придурки вы спетые, — проворчал недовольный Ванька, — А если так?..

Всю дорогу до дома Ванька с незваными гостями в его многострадальной голове, таким образом, посильно развлекались, поочередно задавая друг другу фрагменты самых разных песен самого различного жанра.

— Ага, порядочек! — довольно констатировал квартет тоном потирающего невидимые руки знатока, когда Ванька уже подходил к дому, — Нет, Канье Уэста или там, не дай бог, Филю какого-нибудь, ясен пень, он не знает и не может знать, но всё остальное, типа попа, рока и даже немного классики, в пределах приличий, моём, моём!

Матери, по всей видимости, уехавшей на вечернюю дойку своих колхозных бурёнок, дома ещё не было, впрочем, как и младшей сестрёнки, которой в противовес маме уже не было по причине субботних танцулек в клубе, куда Ванька, по независящим от него

причинам, дойти так и не сподобился.

— Ну что, дурики незваные, начнём, что ли? — спросил Ванька в пустоту своего потолка, с наслаждением валясь на аккуратно застеленную кровать с по-деревенски неизменной на ней пирамидой различного размера подушек и подушечек. Короче, мальчишки-онанисты, давайте бухтите мне, кто вы, откуда, зачем и почему?

— А с чего это ты заподозрил нас вдруг в сём непотребном занятии? — после озадаченного молчания спросил хор, — Не, понятно, подростки там какие типа тебя занимаются этим в полном соответствии со статистикой напропалую, хотя и никогда не признаются, но...

— Эй-эй, хорош там, ребзя! — заорал покрасневший Ванька, — Вы что, шуток не понимаете? Я в том смысле, что более приличных мыслей у меня просто ваш туда-сюда дёрганный хор с самого вашего незваного появления не вызывает и никоим Макаром вызвать не может!

— Ладно-ладно, Ванёк, — пошёл на попятную хор, — Ты уж прости нас убогих, это мы так стибаемся как можем! Так вот, давным-давно, в далёкой галактике... Тьфу ты! Короче, в далёком отсюда две тысячи двадцатом году в параллельной для вас России...

[i] Автор ничего не знает о существовании деревни Перловка ни в Новосибирской области, вообще, ни в её Кыштовском районе, в частности, а потому целиком и полностью относит это к авторскому вымыслу.

[ii] НЭТИ — Новосибирский электротехнический институт, ныне НГТУ — Новосибирский государственный технический университет.

[iii] Один из многочисленных вариантов так называемого Малого Петровского Загиба (иногда также называемого Малым Морским Загибом Петра Великого), адаптированного к требованиям Роскомнадзора.

[iv] «Электроника БЗ-21» — программируемый микрокалькулятор для проведения инженерных и научных расчётов. Относится к первому поколению советских программируемых калькуляторов. Разработан в 1975 году и серийно производился с начала 1977 года.

[v] Фрагмент песни «Песня мушкетёров» на слова Юрия Ряшенцева и музыку Максима Дунаевского.

[vi] Жалкие потуги автора на тему Малого Морского Загиба Петра Великого.

[vii] Песня болгарского автора Эмила Димитрова на стихи Бориса Баркаса. Есть запись из Гостелерадиофонда СССР 1964 года с её исполнением автором на болгарском языке. В 1975 году песня появилась в репертуаре Аллы Пугачёвой, когда она была выпущена на первом сольном миньоне певицы «Арлекино».

Отступление, в котором повествуется о несчастном Билли, которого не любили

Дабы мой далёкий от психиатрии (впрочем, как и я) в силу своей нормальности читатель не счёл наличие четырёх дополнительных самостоятельных личностей в одной голове проявлением непомерно буйной фантазии автора, хотелось бы рассказать о полной трагизма жизни некоего Билли Миллигана и других несчастных с похожей судьбой.

Конечно же, человеческая личность предполагает неразрывное единство памяти, сознания и чувства собственной идентичности, но в психиатрии известны случаи, когда личность расщепляется на две, три и более переключаемых между собой в определённые моменты относительно самостоятельных субличностей, диагностируемые как «диссоциативное расстройство идентичности» или «расстройство множественной личности».

Части одной и той же личности при этом могут по-разному реагировать на происходящие события, обладать разным темпераментом, характером, полом, возрастом, голосом и даже национальностью. Симптомы подобного расщепления могут быть обнаружены у людей, которых самая строгая медицинская комиссия признает абсолютно здоровыми.

По оценке профессора психологии Тоусонского университета Бетани Бранд, от болезни страдает от 1 до 3 % мирового населения, примерно столько же, сколько от шизофрении или биполярного расстройства, но эти люди об этом даже не подозревают и ничего не предпринимают для того, чтобы исправить сложившееся положение.

В 1987 году заболевание множественной личности было внесено в «Диагностическое и статистическое руководство по психическим заболеваниям» Американской ассоциации психиатров, а уже в 1998 году более 20 клиник в США специализировались на лечении множественных личностей.

Несмотря на доказанные подтверждения существования данного диагноза и официальное признание, далеко не все психиатры верят в существование множественных личностей, а почти у каждого из тех, кто верит, свое представление о механизме расщепления сознания и о том, каким образом следует ставить такой диагноз.

Тем не менее, проблема диссоциативных расстройств существует и широко обсуждается среди профессионалов, а истории их пациентов с этим психическим отклонением, стали основой сюжетов для фильмов и книг, наиболее известные из которых — «Таинственная история Билли Миллигана», «Три лица Евы», фильм «Сибилла» и недавнее творение Ольги Львовой «Людно внутри».

Билли Миллиган (1955–2014) — один из самых известных в истории психиатрии людей с диагнозом «множественная личность», в голове которого с разным успехом уживались 24 разных личности, включая 10 основных во главе с самим Миллиганом.

В конце семидесятых годов прошлого века судебный процесс, в котором Билли обвинили в нескольких ограблениях и трёх изнасилованиях, получил широчайшую известность из-за заявления его адвокатов, утверждающих, что преступления были совершены двумя его альтернативными личностями и без его ведома.

По решению суда Миллиган был направлен на психиатрическое лечение и стал первым человеком, оправданным по причине «множественной личности», а после десятилетнего

пребывания в психиатрической клинике он был признан выздоровевшим и выписан.

Во время нахождения в психиатрической больнице Миллиган сообщил о живущих в нём десяти различных личностях. Позже его психиатр обнаружил у него ещё четырнадцать личностей, маркированных как «нежелательные».

Первые субличности, в числе которых были безымянный мальчик для игр и заботящаяся о младшей сестре девочка Кристин, у Билли появились в возрасте 3–4 лет. Число личностей возросло в возрасте 8–9 лет, когда Билли неоднократно насиловал и избивал его отчим.

Базовыми у него были десять личностей, среди которых был увлекавшийся медициной англичанин Артур, мошенник и манипулятор Аллен, физически сильный югославский коммунист Рейджен Вадаскович и девятнадцатилетняя лесбиянка Адалана.

Власть была завоевана альтернативными личностями, когда шестнадцатилетний Билли хотел покончить жизнь самоубийством, после чего они его «усыпили» и взяли на себя ответственность за его безопасность.

У героини книги «Три лица Евы» Кристины Сайзмор нашли 3 личности, но впоследствии их оказалось гораздо больше. Психиатр Корнелия Вильбер выманила из пациентки Сибил 16 личностей. Доктор Корнелия Уилбур, применявшая в числе прочего «сыворотку правды», выявила у пациентки Ширли Мейсон также 16 личностей. А чтобы пережить многолетние издевательства отца Джени Хэйнс расщепилась на 2500 субличностей...

(по материалам общедоступной универсальной интернет-энциклопедии «Википедия»)

Глава вторая, в которой обитатели теремка обретают новое имя, а его хозяин — друзей

— Тэк-с, молодой человек, что тут у вас? — окинув небогатый даже для сельской местности Ванькин прикид пренебрежительным взглядом поверх очков в дорогой импортной оправе, бормотала совсем юная пигалица, по всей видимости, только закончившая первый курс и довольная предоставленной ей возможностью показать свою значимость. — Ага, аттестат у вас есть, медицинская справка по форме 286 наличествует, обе характеристики имеются, автобиография присутствует. Тэк-с, а это что такое? Ага, грамота райотдела милиции за помощь в задержании особо опасных преступников-рецидивистов! Нет, молодой человек, это не нужно. Приписное свидетельство тоже не к нам, паспорт... В нашем общежитии нуждаетесь? Тогда, вот вам квитанция о приёме документов, только не потеряйте, а вот направление в общежитие номер шесть. Направление отдадите коменданту, она вас там и оформит как полагается. Адрес? Ну какой ещё там может быть адрес, молодой человек? Спросите шестёрку, вам тут любой из студентов подскажет! Ох, с этими беспомощными абитуриентами просто беда какая-то в этом году, не правда ли, Женечка?

— Блюхера тридцать два! — подсказал скучающий парень за соседним столом, который не снизошёл до ответа на риторический вопрос недавней первокурсницы, ибо выглядел, по меньшей мере, как выдавший виды третьекурсник. — Да сразу там увидишь, земляк, самая высокая общага, серая такая девятиэтажка из силикатного кирпича. Короче, братишка, как чернокожих где бредущих увидишь, так за ними иди, не ошибёшься!

— Негров, что ли?! — изумлённо воскликнул Ванька, выдавший людей с чёрным цветом кожи разве что только на экране колхозного клуба или по телевизору, но последний не в счёт, так как старенький домашний «Рекорд» толерантно, как сказали бы в следующем веке, не делал никакой разницы между чернокожими и просто загорелыми людьми.

— Да какие же это негры? — снисходительно рассмеялся местный старожил, — Кубинцы они в основном! Негры, они ведь в Африке где-нибудь живут или в Америке, на худой конец, но там их жутко притесняют. А ты-то сам, откуда будешь, с области, небось?

— Да я-то сам с Перловки Кыштовского района! — отвечивший повеселевший Ванька, — А вот за адрес, превеликое спасибо, а то я бы, наверное, долго бы ещё здесь плутал. Раньше-то здесь в городе я никогда не был, как-то не пришлось. Мне всегда райцентра хватало, да и там-то был два раза в жизни: в роддоме, когда родился, и в военкомате, когда комиссию в девятом классе проходил. Мы ведь с земляком вместе собирались сюда приехать, а вон вишь как получилось-то! Может знаешь Лёху Понамарёва, нет?

— О, святая пасторальная наивность, более десяти тысяч студентов и около полутора тысяч преподавателей! — едва слышно пробормотал куда-то в сторону третьекурсник, — Нет, зём, никакого Лёху Понамарёва я не знаю и знать не хочу! Своих проблем, знаешь ли, хватает!

— Во-во! — с воодушевлением согласился Ванька, — Да я Лёху тоже отныне знать не хочу, да только вишь, тётя Маша, мать его, значит, передать ему кой-чего просила по мелочи...

Однако в этом месте неуместных откровений от Ивана, к его собеседнику подошла

целая делегация поступающих и, вынужденный прерваться, тот только неопределённо махнул рукой в направлении входной двери, мол, иди и устраивайся, не видишь, я занят.

— Ты бы, Ванёк, ему ещё бы про свою первую любовь рассказал! — ехидно заметил квартет в его пухнувшей от накопившихся дневных впечатлений голове, — Или показал бы, куда ты резервный наличный капитал в своих синеньких семейных трусиках зашил. Женечка, как нам кажется, это бы по достоинству оценил! Да-да, по достоинству, хи-хи!

— Креститься бы надо, когда что-то кому-то кажется! — уже привычно буркнул Ванька себе под нос. — Слышь, мужики, а давайте я вас буду Гришей, Гришаней или, если вам больше так нравится, Григорием называть, а? Или, может быть, вам всё-таки больше нравится, когда я вас называю хором мальчиков-... э-э-э-...

— Нет-нет! — поспешно возразил хор, который сегодня как раз косил под Большой детский хор Всесоюзного радио и Центрального телевидения. — Гриша, Гришаня или пусть даже и Григорий — это очень хорошее имя! Но только почему Григорий, Вань?

— Во, тупые! — устало восхитился Ванька, — Неужто не понятно? Сами же мне бухтели, что представляете собой ментальный конденсат, который рождён мыслями и эмоциями одной группы специального назначения, то бишь, эгрегор, верно? Значит, давайте для краткости тогда будем называть вас Григорием, поскольку очень уж созвучно! Ну а, под настроение буду звать Григорьюшка, Гриха, Гриша, Гришко, Гришака, Гришука, Гришаня, Гришата, Гришоня, Гришуня, Гришута, Гришуха, Гриня, Гринюка, Гринюха...

— Петрович!!! — тревожно заорал детский хор имени Попова, — Ванюшку опять заклинило! Давай расклинивай срочно, а то у всех нас опять будет башка трещать как в прошлый раз, помнишь? Ладно бы с бодуна, было бы не так обидно!

— Да не заклинило, а зависло! — возмутился тут же хор сам на себя, но уже немного в более минорной тональности, — А зависание, это уже не по моей части. Вить, ты как там, ещё не разобрался с Ванькиной ментальной архитектурой? Головной проц его ещё не хакнул?

— А чего там у него, собственно, хакать? — уже с более мажорной и самоуверенной ленцой пропел хор, продолжая накручивать сам себя, — Вы знаете, мужики, как в этом временном периоде ремонтируют в домашних условиях эти страшные ламповые телевизоры, нет? Ну тогда смотрите! Мих, ну-ка, покажи, как ты тогда нечаянно его уронил?

— ... Гринюша, Грика, Горя, Гора, Григоря, Григора или даже Григория! — как ни в чём ни бывало, завершил наконец Ванька свой именной список, упираясь лбом в размягчённый июльским солнцем асфальт, — Что в переводе с греческого, как говорила мне когда-то моя покойная бабушка, царствие ей небесное, означает «бодрствую»!

— Ибо сказано в писании: тот, кто спасает от зависания одну голову, тот спасает целый мир! — довольно констатировал наречённый Григорием хор, перефразируя на самом деле некое изречение из Талмуда. — Однако, Витёк, во-первых, это было довольно болезненно, а во-вторых, мужики, вам не кажется, что несколько последних названных Ванюшей имён были, как бы это мягче сказать, женскими?

Итак, подумал Ванька, довольный не менее своего единоутробного эгрегора, если можно так выразиться, после успешной сдачи документов в приёмной комиссии, адрес общаги мне уже известен, а как туда добраться, я пока ещё не знаю. Вот это вот проспект Карла Маркса, коль здесь расположен шестой корпус с приёмной комиссией, а где же тогда эта грёбаная улица Блюхера? И спрашивать как-то стрёмно.... Эх, гулять так гулять, возму-ка я такси, таксисты-то ведь, как мне кажется, ну просто обязаны знать свой город!

Первый же разморённый практически до студнеобразного состояния в своей машине на ближайшей от института стоянке таксист, к которому Ванька подошёл с простодушной просьбой довезти его до улицы Блюхера, сначала мгновенно встрепенулся, а затем, после того как уточнил адрес, как-то странно хрюкнул и с готовностью согласился.

Нет, уверенно заключил Ванька после того как щерящийся широкой советской улыбкой таксист выскочил из своей «ласточки», гостеприимно распахнул перед ним её двери и сам забросил в багажник его скромный чемодан и охотничий рюкзак с припасами. Нет, что бы там кто ни говорил, но наши сибиряки — это самые отзывчивые люди на всём необъятном пространстве нашей советской Родины, весьма патриотично рассуждал Ванька, блаженно развалившись на почётном, хотя и несколько продавленном, заднем сидении шикарной отечественной «Волги» стандартной светло-салатовой окраски.

— Слушай, Вань, — задумчиво произнёс «Григорий», когда они проезжали мимо довольно мрачного, но величественного здания с огромными буквами «Аэропорт Толмачёво», — А тебе не кажется странным, что студенческое общежитие может находиться так далеко от учебных корпусов да и, вообще, совсем на другом берегу такой огромной реки, как Обь?

Ванька же, несмотря на своё сугубо колхозно-крестьянское происхождение и практически безотрывное проживание исключительно в сельской местности, конченным дураком всё ж не был, а потому и сам уже начал тревожно озираться, тщетно пытаясь рассмотреть какие-либо детали городского ландшафта сквозь заботливо задёрнутые самодельные шторы.

— Ладно, Ванюш, не ссы! — весело подбодрил его григорианский хор, — Прорвёмся! Только давай на сей раз сделаем всё по-нашему, по-григориански, а ты в сторонке пока постоишь, поучишься. Как только мы дадим тебе отмашку, так ты все наши имена вспоминай!

Мудрые люди говорят, что всё на этом белом свете, как хорошее, так и не очень, так или иначе, но обязательно когда-нибудь, да заканчивается. Закончилась наконец-то и эта в высшей степени подозрительная поездка. С уже обесточенным зажиганием и вкрадчиво шуршащими по асфальту шинами такси уверенно подкатила к самому входу общежития, слегка качнула кузовом, гася тормозами остаточную инерцию, и окончательно замерла.

— Неплохо прокатились, а, зёма! — радостно осклабился таксист, выразительно постукивая окаймлённым траурной каймой ногтем по стеклу таксомоторного счётчика, — Почти чирик набежал без каких-то жалких копеечек! Ну, чего уж там, ты ж парень видный и не будешь жадничать из-за каких-то копеек, а то, неровён час, девушки увидят, не так ли, зём?

В это время, из стеклянных дверей девятиэтажного общежития на его широкое крыльцо и впрямь дружной стайкой выпорхнули три совсем ещё юные особы, более похожие скорее на старшеклассниц, чем на студенток, из чего Ванька счёл их тоже абитуриентками.

— Пора, Ваня! — неожиданно прозвучала в его голове резкая как приказ команда, — камлай!

Зачем и почему он должен вдруг ни с того ни с сего камлать, Ванька не совсем понял, но, тем не менее, будучи жителем Сибири, он прекрасно понимал оккультное значение этого слова. А постольку, поскольку в критических ситуациях Ванька, как деревенский житель, с самого детства привык всегда и везде полностью полагаться на старших, он, ничуть не задумываясь, приступил к речитативу своей новоявленной мантры.

— Григорьюшка, Гриха, Гриша, — начал он, вновь впадая в какой-то непонятный транс, в то время как его снулое тело начало жить самостоятельной жизнью. Совершенно чудесным образом развернулись достаточно широкие плечи не чурающегося самой тяжёлой работы сельского паренька. С хорошо слышным хрустом распрямились стесняющиеся его роста, а потому постоянно скрюченные спина и шея.

— ...Гришко, Гришака, Гришука, Гришаня, Гришата, — Захлопнув по-детски приоткрытый вечно рот, ожили внезапно на его выступающих полумонгольских скулах и выразительно заиграли на лице упругие славянские желваки. Сжалась упрямо челюсти, выпятив вперёд волевого вида мощный и почти квадратный подбородок.

— ...Гришуня, Гришута, Гришуха, Гриня — ещё продолжал колотить импровизированный шаманский бубен где-то на задворках его сознания, а телом уже практически полностью овладел эгрегор, и на губах уже играла несвойственная в обычной жизни самоуверенная улыбка знающего себе цену молодого человека двадцать первого века.

На самом деле, все неожиданно случившиеся с ним метаморфозы только вербально могут занимать изрядное время для их подробного описания, для стороннего же наблюдателя в инерциальной системе отчёта, коим в данном случае являлся таксист, всё прошло почти незаметно. Сидел, просто скрючившись, на заднем сиденье наивный уставший пацан из сельской глубинки, а как доехали до места кружным путём, так распрямился и глянул на ушлого таксиста насмешливым взглядом васильковых глаз уже матерый волчара.

Всколыхнулось испуганным воробушком и пропустило от растерянности ровно один удар сердце выдавшего виды сорокалетнего работника общественного транспорта. Не иначе как десантура, а то и из органов, мелькнула и забилась в силках пугливая мысль. Хотя, навряд ли из органов, пытался успокоить себя таксист, вроде как не по возрасту. Да и с чего тогда парню подкатывать к студенческому общежитию с таким задрипанным чемоданом?

— Багаж на крыльцо! — коротко и властно бросил пассажир, спокойно выходя из машины и даже не собираясь захлопнуть за собой дверь. Оглянулся вокруг, задержал оценивающий взгляд на восхищённо замерших у входа в общежитие девчонках, подмигнул им и полез за бумажником во внутренний нагрудной карман потёртого школьного пиджака.

Ну в смысле как, за бумажником, конечно же, за его достойным заменителем, в качестве которого выступала записная книжка в дерматиновой обложке за поля которой, как раз, и закладывались Ванькины кровно заработанные, потому как отродясь ни то что у Ваньки, во всей Перловке бумажников ни у кого никогда не водилось.

Нет, сами денежки-то у колхозников вроде водились, ушли уже, как-никак, в совсем ещё недалёкое прошлое и ни чем не обеспеченные нищенские трудодни, и натуральная оплата колхозного труда, однако, назвать при этом колхозников зажиточными людьми язык не повернулся бы даже у самых ярых защитников колхозно-социалистического строя.

— Пожалуйста, ваш багаж! — угодливо пробасил таксист, поднося Ванькины вещи чуть ли не к самому входу и небрежно отстраняя в сторону замешкавшихся было девчонок, тут же принявшихся, как бы спохватившись, за подобающий ситуации возмущённый галдёж.

— Получите и распишитесь! — всё так же уверенно лязгнул странно напоминающий собой хор Ансамбля песни и пляски НКВД СССР голос не менее странного молодого человека, с покровительственным видом протягивающего измятый бумажный рубль.

— Ну а где расписаться-то? — только что и успел крикнуть неожиданно осипшим и от того давшим петуха голосом ошеломлённый таксист вслед проходящему как атомный ледокол через ледяные торосы стеклянных дверей счетверённому коллективному разуму.

Войдя в проходную студенческого общежития, Ванька неожиданно сник и покачнувшись мягко стёк на стоящий у стены диванчик. Пошли по лицу обратные метаморфозы, отвисла на своё более привычное место челюсть, укатились в щёки волевые желваки. Впала грудь и поникли плечи. Стеснительно скрючилась спина и согнулась костлявая шея.

— Вам плохо, молодой человек? — участливо спросила его седовласая старушка-вахтёрша и слегка привстала с места за обшитой текстолитом стойкой, поскольку от подполковника КГБ в отставке Елены Васильевны Железновой, которую обитатели шестого общежития знали как «Железную тётю», не укрылись все эти странные изменения.

Впрочем, многоопытная тётя Лена особо не удивлялась и не тревожилась, хотя дело было даже вовсе не в коснувшейся и её очерствляющей профессиональной деформации, какая рано или поздно, но овладевала большинством выдавшими виды сотрудниками седьмого комитетского управления, отвечающего за наружное наблюдение.

Не надо множить сущности без необходимости, вспомнила тётя Лена своего начальника, любившего повторять в таких случаях методологический принцип, сформированный ещё в четырнадцатом веке английским философом схоластического толка Уильямом Оккамом и часто называемый также бритвой или лезвием Оккама.

Благо, что эти самые отнюдь не многочисленные симпатичные сущности в своих лёгких ситцевых платьицах и в количестве аж трёх полногрудых штучек до сих пор достаточно хорошо виднелись тёте Лене сквозь стёкла входной группы, недавно омытое неутешными слезами и мокрыми тряпками незадачливых студентов-штрафников.

— Нет-нет, что вы, бабушка, спасибо вам за заботу, но со мною всё нормально! — возможно слишком и поспешно ответил вернувшийся в тело Ванька, сам того не ведая заработавший своей обычной деревенской вежливостью первые баллы благосклонности подполковника Гераскиной, — Простите, а вы не подскажете, учебные корпуса далеко отсюда?

— Да как же далеко, внучок, — искренне изумилась «бабушка», чисто по профессиональной привычке автоматически перестраиваясь под собеседника, — Как выйдешь из дверей, так загляни за угол и увидишь сразу же через проспект Карла Маркса самый высокий шестой учебный корпус, в котором ажно одиннадцать этажей. Смекаю, и триста метров не будет.

— Ясно, бабушка спасибо большое за разъяснения! — всё так же вежественно поблагодарил вахтёршу Ванька, как-то разом потерявший веру не только в ушлых таксистов, но и во всё прогрессивное человечество, тем не менее, незаметно для себя продолжая всё накручивать пойнты её расположения, — А где я могу найти коменданта, бабуля?

Надо ли говорить, что Ванькино крайнее обращение подняло его и без того поднявшийся в глазах «бабули» авторитет до недостижимых простым смертным высот? Только этим и можно, наверное, объяснить тот ранее никем невиданный в истории шестого общежития факт, что «Железная» тётя встала со своего насиженного места и, преувеличенно кряхтя, собственноручно сопровождала вновь прибывшего абитуриента к кабинету коменданта.

Комендантом общежития оказалась довольно симпатичная и улыбчивая, хотя и, правда, не очень то и разговорчивая женщина лет так тридцати пяти, которая молча выдала ему комплект постельного белья и заветный ключ от комнаты, страшно себе представить, аж на четвёртом этаже. Это Ваньке-то Шкворину, никогда ранее не подымавшемуся выше

собственного чердака на крыше родного перловского дома!

— Всё выше, выше, и выше, — подбадривал Ваньку, с замиранием сердца поднимающегося по лестничным пролётам на четвёртый этаж, весьма фальшиво распеваящий «Авиамарш» «Григорий», — Стремим мы полет наших птиц!

— И в каждом пропеллере дышит! — не более музыкально орал уже и сам Ванька, пинком открывая двери, сначала в тамбуре сдвоенного четырёхэтажного шестого блока, а затем и в свой первый подблок, — Спокойствие наших границ!

— А это что ещё за пропеллер такой двоякодышащий? — с удивлением воззрился на него стоящий среди комнаты невысокий крепыш в безрукавной тельняшке, — К нам, что ли, подселили? Абитура? Да ладно, земля, не ссы! Все мы тут немножко поступаем!

Как оказалось, в четырёхместной комнате, куда Ваньку определил комендант общежития, уже жили двое ребят. Первый из них, Саша Корин из Прокопьевска, после техникума и трёхлетней службы в подводном флоте не стал напрасно рисковать и решил поступать в институт через его подготовительное отделение. Вторым, очкарик Малик Салимов, ни то татарин, ни то башкир среднего роста, приехавший откуда-то из далёкой казахстанской степи, как и Ванька, закончивший обычную сельскую школу только в этом году.

— На какой факультет? — по-настоящему заинтересовано спросил морячок, — Хотя, зачем я спрашивал, на этих двух этажах одни только наши, ну в смысле, с факультета электронной техники и живут. Тогда, ты лучше ответь, на какую специальность? Надеюсь, приборист? Или, не дай бог, всё-таки на промышленную электронику?

Узнав, что Ванька тоже поступает на специальность 0611 «Электронные приборы» совсем уже обрадовался и предложил это дело как следует отметить, на что встретил мягкий, но категорический Ванькин отказ, мотивированный столь же решительным намерением его симбионта воспитывать здоровое во всех отношениях подрастающее поколение.

— Слушайте, мужики, — обратился Ванька к ребятам со встречным предложением, заметив их вмиг поскучевшие лица, — Там внизу у входа три классные девчонки стоят и скучают. Давайте лучше их позовём и чаёк тут у нас организуем! Со своей стороны разносолов не обещаю, но кой чего из дому я прихватил как раз на такой случай.

— Замётано! — с энтузиазмом подхватил повеселевший Сашка, — Это ты здорово придумал, Вань! Я тогда щас электрочайник поставлю, где-то он здесь у нас завалился, от студентов ещё остался мною заныканный. А ты, как инициатор сего благого начинания, дуй давай за гёрлами. Малик, на тебе — музон! Где взять? А где хошь, там и возьми! Любишь кататься на лошадках, друг степей калмык? Ну хорошо, не калмык, а башкир, но электродомбру какую-нибудь ты нам всё-таки обеспечи! Помнится мне, где-то на этаже звучало...

Вообще говоря, в этом месте нашего повествования следовало бы отметить, что эта самая музыка во всех её возможных видах, конечно же в Новосибирском электротехническом институте с его тысячами увлечённых радиолюбителей и электронщиков всегда имелась практически в любой комнате любого из шести имеющихся в те годы общежитий.

Однако, когда студенты разъезжались почти на всё лето после более или менее успешно сданных сессий, вся эта звуковоспроизводящая аппаратура, как правило, классом не ниже второго, либо отправлялась домой, либо сдавалась в местную камеру хранения, либо, что

случалось гораздо реже, забиралась с собой в студенческий строительный отряд.

Приветливо кивнув улыбнувшейся ему вахтёрше, Ванька выбежал на улицу, где и застал трёх грустных девчонок на том же самом месте, где и разминулся с ними буквально ещё только полчаса назад, поскольку ему даже и в голову не пришло, что они могли бы за это время уже давно куда-нибудь свинтить по своим делам.

Даже не обладая особой природной наблюдательностью, Ванька никак не мог не обратить внимания на то, какими взглядами провожали его эти небесные создания при выходе из злополучного такси. Даром что воля-то его может и была им добровольно отключена, но сознание-то зафиксировало всё, начиная с первой и до последней секунды.

А потому, не будучи, как мы уже знаем, не умеющим делать правильные выводы круглым идиотом, уже выбегая из комнаты, Ванька зачастил свою волшебную мантру. Зачастился как в детстве, когда водил в прятки и надо было как можно быстрее оттарабанить считалочку, дабы друзья и подружки не успели слишком хорошо спрятаться.

— Григорьюшка, Гриха, Гриша, Гришко, Гришака, Гришука, Гришаня, Гришата, Гришоня, Гришуня, Гришута, Гришуха, Гриня, Гринюка, Гринюха, Гринюша, Грика, Гора, Григоря, Гора, Григора, Григория...

Неизвестно откуда, так как эгрегор ничего об этом вроде как не говорил, но Ванька, тем не менее, уже знал, что со временем эта искусственная самозаморозка будет требоваться ему всё реже и реже, а естественный для любого человека внутренний гомеостаз сольёт все пять сознаний в одно целое и целостное как пять капелек ртути нечаянно разбитого им в недалёком детстве медицинского градусника.

Такое единое целое и целостное человеческое сознание, в котором каждое из его прежних отдельных ментальных составляющих будет чувствовать себя изначально существующим и единственно возможным хозяином, сохраняя при этом индивидуальность и жизненный опыт каждой из составляющих его прежних личностей.

Даже уже после первых двух камланий, включая самое первое и абсолютно случайное, а также второе и, если можно так выразиться, боевое, Ванька не так сильно стал скрючивать спину и шею, не так широко приоткрывать рот и не так глубоко втягивать грудь.

Безусловно, и эти, хотя и заметные, но достаточно незначительные перемены давались его молодому и гибкому организму не очень-то и легко. Многообещающе ныли все мышцы, причём не только относящиеся к опорно-двигательной системе, но и те, о существовании, а тем более, и назначении которых Ванька раньше вообще ничего не знал.

Как бы там ни было, но к обладательницам прелестных фигурок и симпатичных мордашек подошёл уже настолько обаятельный и уверенный в себе молодой человек, что его одежда и прочие компоненты габитарного имиджа перестали иметь какое-то особое значение.

— Девушки, а у вас в сумочке случайно не завалялся пистолет, из которого можно было бы пристрелить одного наглого абитуриента, а двух его друзей ещё и с особой жестокостью?

— Запомни, Ванюша, — вещал одновременно с этим эгрегор, словно комментирующий свои действия, — Ещё сам Зигмунд Фрейд в своё время заметил, что самым простым способом понравиться любой девушке является проявление чувства юмора, а шаблонные фразы по типу «Разрешите с вами познакомиться?» или бесцеремонные по типу «Вашей маме зять не нужен?» в лучшем случае не вызовут ответной реакции, а в худшем...

Да, подумал Ванька, когда две из трёх девушек сначала впали в некоторый лёгкий ступор, а потом прыснули в кулачки, буквально искрясь от охватившего их веселья. Да,

какой же, всё-таки умный мужик, этот Фрейд. Надо бы обязательно его почитать!

— Пистолет, к сожалению, продан, — с совершенно серьёзным видом ответила ему третья девушка, которая так и не рассмеялась, вместо этого зачем-то раскрывая свою изящную дамскую сумочку, — Но могу предложить...

— Неужели никелированную кровать? — игриво перебил ни то эгрегор, ни то сам Ванька, с первых же слов девушки зачарованный бархатистой хрипотцой её голоса и окончательно потонувший в невозможной глубине её синих, как июльское небо, глаз.

— Ложись!!! — истошно заорал эгрегор Ванькиным голосом, вырывая из рук девушки уже лишённую предохранительного кольца противопехотную оборонительную гранату Ф-1, предназначенную для поражения живой силы противника в оборонительном бою.

Граната, точно запущенная умелой рукой капитана войск специального назначения ГРУ, полетела прямиком бетонную канавку по одну сторону крыльца, а ловко подсечённые им девушки упали прикрываемые Ванькиным рослым, но худощавым телом, по другую.

— Эффективность данной гранаты обеспечивается разлетом осколков, образующихся из ее чугунного корпуса в момент взрыва, — зазвучали в памяти капитана слова инструктора по огневой подготовке из его курсантской молодости, — Убойная сила осколков сохраняется до двухсот метров и метать её можно только из укрытия, бронетранспортёра или танка...

Отступление об особенностях системы высшего образования в Советском Союзе

Петровские реформы государственной и общественной жизни России, осуществлённые в период с конца семнадцатого по начало восемнадцатого веков, подкреплённые развитием отечественного мореплавания, промышленного производства и международной торговли, создали мощные предпосылки для развития отечественной системы высшего образования.

В 1724 году Пётр Первый основал Академический университет в составе Петербургской Академии наук, предшественник Санкт-Петербургского государственного университета, ставший первым светским высшим учебным заведением в России и призванный готовить для страны столь необходимые для неё научно-преподавательские кадры.

Однако, проблему это до конца так и не решило и в 1755 году был учреждён Московский университет, в основу которого легли организационная структура, учебные программы и планы, предложенные Михаилом Ломоносовым, всегда придававшего большое значение созданию и развитию системы высшего образования в России.

Михаил Ломоносов стремился заменить церковно-схоластическое образование светским, основанным на изучении естествознания и математики, поэтому Московский университет, не имея, в отличие от европейских университетов того времени богословского факультета, стал колыбелью материалистического учения, школой подготовки отечественных учёных.

Повсеместное внедрение изобретённой во второй половине восемнадцатого века паровой машины в результате перехода мануфактурного способа производства к фабричному способствовало промышленному перевороту в Англии, а затем и в других европейских странах, обусловив развитие высшего технического образования.

Отражая эти веяния времени, в 1773 году в Петербурге было основано Горное училище, предшественник Ленинградского горного института, положившее начало инженерному образованию в России и готовившее специалистов широчайшего профиля.

Дальнейшее развитие промышленности и рост культурных интересов общества после отменённой крепостное право крестьянской реформы 1861 года потребовали не только увеличения численности специалистов, но и повышения качества их подготовки.

В конце девятнадцатого века по примеру Америки и некоторых европейских стран была сделана попытка открыть доступ к высшему образованию среди женщин и в России, где для них были организованы высшие женские курсы, но полноценные права на высшее образование наравне с мужчинами они получили только после Октябрьской революции.

Цели и задачи отечественной системы высшего образования резко изменили вектор её развития после Октябрьской революции, когда она была перестроена в соответствии с подписанным Владимиром Лениным в сентябре 1921 года декретом, утвердившим новое Положение о вузах РСФСР.

В основу новой организации учебного процесса в советской высшей школе отныне была положена ленинская идея об органическом соединении теории с практикой, существенно была усилена практическая подготовка студентов.

В постановлении ЦК 1925 года «О ближайших задачах в деле установления связи вузов с производством» указывалось, что всё построение преподавания и вся жизнь вузов должны связываться с практикой возможно ближе и эта связь должна увеличиваться из года в год.

В целях создания у слушателей более наглядных представлений об их будущей рабочей среде, объёмы производственной практики значительно возросли и стали неотъемлемой частью учебного плана каждого советского ВУЗа.

Таким образом, отечественная высшая школа стала готовить специалистов, владеющих не только теорией, но и соответствующими практическими и организационными навыками, способных включиться в производственный процесс сразу же после окончания ВУЗа и без какой-либо дополнительной подготовки.

Структура профессиональной направленности советской системы высшего образования наглядно отражала потребности народного хозяйства страны, демонстрируя выраженное преобладание инженерно-технических и экономических специальностей, доля которых в семидесятых годах составляла чуть менее половины всех остальных.

Развитие системы высшего образования и расширение подготовки необходимых в стране специалистов шло в непосредственной связи с планами развития всех отраслей народного хозяйства, в результате чего по числу студентов высших учебных заведений на 10 тысяч человек населения СССР превзошёл крупнейшие страны Западной Европы.

В докладе директора Исследовательской Службы Конгресса США «Научно-техническое образование и кадровые резервы в СССР», подготовленного в 1959 году для комитета по вопросам науки НАТО, отмечалось, что «сорок лет назад в стране безнадежно не хватало обученных кадров, чтобы вывести советский народ из трудной ситуации, а сегодня СССР оспаривает право США на мировое господство. Это достижение, которое не знает равных в современной истории...».

Там же и по этому же поводу заявлялось, что «государства, в одиночку соревнующиеся с СССР, впустую растрачивают свои силы и ресурсы в попытках, обречённых на провал. А если невозможно постоянно изобретать методы, превосходящие методы СССР, стоит всерьёз задуматься над заимствованием и адаптацией советских методов...».

В этой связи, советский подход к образованию послужил основой для сформированной в США и других западных странах концепции социального конструктивизма, опирающейся на концепцию советского психолога Льва Выготского и оказавшей значительное влияние на стратегию развития образовательной сферы в США.

Для дальнейшего повышения квалификации получивших высшее образование и занятых в народном хозяйстве специалистов и лиц преподавательского состава с периодичностью не реже, чем раз в пять-шесть лет, были организованы специальные институты и факультеты повышения квалификации.

Государственные студенческие льготы, стипендии на уровне трети от средней заработной платы по стране, бесплатное обучение по трём различным формам, места в общежитии, дополнительные оплачиваемые отпуска и сокращённый рабочий день для обучающихся без отрыва от производства, широкая сеть курсов по подготовке в ВУЗ были основными отличительными признаками системы высшего образования тех лет.

Говоря об отличительных достоинствах советской системы высшего образования, было бы справедливо указать и на её неизбежные для любой подобной системы недостатки, в числе которых, прежде всего, необходимо назвать идеологическую перегруженность всех гуманитарных дисциплин и одностороннее представление экономических.

Кроме того, застойные явления во многих сферах жизни страны, к сожалению, не обошли и систему высшего образования, в результате которых резкое расширение студенческой аудитории предыдущих лет вызвало существенное снижение качества

преподавания во многих вузах в течение семидесятых-восемидесятых годов.

К числу прочих недостатков советской системы высшего образования можно было бы отнести и заметное падение престижа инженерно-технических специальностей в этот же период, а также обязательное распределение по окончании ВУЗов, но первое произошло вследствие установленной в стране несправедливой системы оплаты труда, а второе при любых обстоятельствах гарантировало выпускникам рабочие места.

Глава третья, в которой герой продолжает обретать приятные знакомства

— В чём дело, товарищ? — обманчиво спокойно спросила Ваньку лежащая прямо под ним синеглазая коротко стриженная брюнетка, в то время как её так и не дождавшиеся невесть чего подружки уже вставали с бетонного покрытия через пару бесконечно длящихся для Ваньки минут, тщетно отряхиваясь и истерически похохатывая.

— Так ведь граната же! — неубедительно ответил Ванька, судорожно пытаясь найти в своей полной сумбура голове и призвать к ответу куда-то технично слинявшего эрегора вместе с капитаном спецназа ГРУ и прочими конкретно подставившими его безответственными личностями, какие бы там они вокальные партии не исполняли в его внутреннем квартете.

— Так ведь флакон такой! — довольно похоже передразнила его синеглазка, — Французский мужской одеколон «Адъё оз Арм» или в переводе на русский язык «Прощай, оружие!». Ты Хемингуэя, случаем, не читал? Да писатель это такой американский, что ж ты так сразу от меня шарахаешься-то, дурашка? Хотя верно, давай слезай с меня, а то неровен час увидит кто из институтского или комсомольского начальства и отчислят нас с тобой за аморалку, так и не успев принять в ряды доблестного советского студенчества!

— Ты понимаешь, Ванюша, у нас девчонок просто деньги кончились, — продолжила чуть позже брюнеточка, которую, как оказалось в процессе их скомканного знакомства, звали Викторией, и которая в данный момент задумчиво крутила в руках источающее ароматы зелёное пластиковое колечко, — Вот я и хотела тебе предложить на свою беду. А теперь...

— Сами-то мы не местные, — продолжила за Вику шатенка по имени Зоя, заставив кого-то из глубоко спрятавшихся в Ванькиной голове симбионтов нервно захихикать, — Мы все из Приморского края приехали сюда поступать, аж из Таёжногорска. Никогда не слышал? Правильно, у нас даже телевидения до сих пор нет, а телеграф с перебоями работает. Вот из-за него-то и сидим тут без денег. Простой-то почтовый перевод оттуда до сюда обычно недели две идёт. стыдно признаться, Вань, но последний раз мы ещё вчера утром поели...

— Ага, — мечтательно улыбаясь своим сытым воспоминаниям поделилась третья девушка, назвавшаяся Зиной крашенная зеленоглазая блондинка с пышными формами, — Макароны!

— Так что ж мы тогда тут с вами сидим?! — с жаром воскликнул от природы сердобольный Ванька, — Девчонки, пошли к нам! У пацанов там уже, наверное, чайник давно закипел, у меня с собой из дома деревенских вкусностей семерым на неделю хватит, а вы тут сопли зелёные на кулак мотаете. Что значит, неудобно? Неудобно гамаши на голову надевать!

— Нет, ну ты понял, Фрейд несчастный, как он тебя сделал! — не удержался кто-то из хора в Ванькиной голове, — А то, чувство юмора, шаблонные фразы, тьфу на тебя, Петрович! Не, Виталька, ну с кем мы с тобой связались, с кем связались?! Один крутого съёмщика из себя строит, взломщик мохнатых сейфов понимаешь, а другой ни то Рэмбо, ни то Командо изображает, причём в нашем российском ремейке с Кошей Гуценко в главной роли!

— Физкульт-привет товарищу Сухову и освобождённым женщинам Дальнего

Востока! — подняв над головой свои сомкнутые в шутовском приветствии морщинистые руки, ехидно приветствовала возвращающуюся во главе с Ванькой живописную девичью процессию всевидящая и всезнающая вахтёрша «Железная тётя».

— Где взяли? — охотно поддержал Ванька игру скучающей вахтёрши, кивая головой себе за спину и с удовольствием вспоминая при этом один из забавных эпизодов о находке ящика динамита из фильма «Белое солнце пустыни».

— Давно-о-о здесь сидим! — с не меньшим удовольствием и в полном соответствии с этим сценарием ответила тётя Лена, которой в силу её возраста даже не пришлось как-то особо напрягаться, чтобы вполне натурально изобразить голос седобородого аксакала.

И снова эти ступеньки, и снова заходящееся от восторга сердце уже без участия стыдливо прячущегося эгрегора, воспевающее всё выше, выше и выше стремимых в небо стальных краснозвёздных птиц, в каждом из пропеллеров которых, как оказалось, прямо так и всё дышит, дышит и ещё раз дышит спокойствие наших нерушимых советских границ.

Да и как же тут не воспевать, когда тебе уже целых семнадцать лет, на дворе прекрасное, хотя и довольно короткое сибирское лето, рядом с тобой три симпатичных девчонки, а впереди тебя ждут только все возможные и не возможные радости человеческого бытия!

— Растрякоренный ты среднеазиатский Раздол-бабай! — услышал Ванька, торжественно открывая перед девчонками дверь в комнату, которую абсолютно справедливо считал уже и своей, — Это, по-твоему, музыка, да, музыка?

— Почему сразу среднеазиатский? — обиженно отвечал Малик Сашке, — Ну сколько раз мне тебе говорить, что я живу не в одной из республик Средней Азии, а в Казахстане, который большей своей частью относится к Центральной Азии!

— Да ну нафиг?! — притворно изумился Сашка, — А меньшей частью ты куда относишься?

— К Восточной Европе! — вильнув взглядом и гордо выпятив подбородок, ответил Малик.

— Ты?! К Восточной Европе?! — уже совершенно искренне изумился Сашка, — Нет вы это видели, нет? Ванёк, ты это слышал? О, привет, девчонки! Проходите-проходите, я вас тут сейчас с одним истинным арийцем познакомлю! Маленький, кривоногий, скуластенький, узкоглазый, но зато наш, ей-богу, наш! Из ГДР, наверное! Посмотрите, какую классную полуакустическую электрогитару он нам развлекаться притащил, нет-нет, полюбуйте!

— Саш, ну ты же и сам просил, хотя бы электродомбру какую-нить найти! — оправдывался монголоидный брюнет, — Я думал, ты будешь нам играть весь вечер...

— Ага-ага, — с ироничной готовностью согласился Сашка, — Пока вы за меня вкусняшки прямо на моих же глазах будете трескать, да?! Я имел в виду музыку какую-нибудь, то есть, магнитофон там кассетный, к примеру, или там радиоприёмник транзисторный... Нашёл, понимаешь, великого гитариста! Это Паганини мог на одной струне играть, когда фашисты все остальные струны на его гитаре порвали, а я на трёх аккордах не смогу...

— Ванюша-а-а! — нежданно раздался в Ванькиной голове дрожащий от возбуждения голос уже почти забытого им Григория Хорового, — Ванюш, это только Петрович сейчас с тобой говорит. Миха наш с расстройства, что флакон с лимонкой спутал и тебя чуть не подвёл, ушёл виртуальную водку пьянствовать, Марк с Виталькой от скуки фантастику

советскую в твоей памяти перечитывают, а я одним глазом тут остался дежурить, для врача-то дело привычное. А тут, смотрю настоящий раритетный полуакустический Гибсон серии ES, а судя по форме резонаторных отверстий, чуть ли не легендарный ES-150S! Вань, хотя бы подержать на минуточку, а? Пожалуйста-пожалуйста, ну пожалуйстачки!!!

От природы обладающий не только по-христиански сердобольной душой, но и простым русским великодушием, Ванька молча протянул Малику руку и тот с явственно слышным вздохом облегчения, но так же молча, передал ему инструмент.

— Послушай, Петрович или как там тебя, — решил только сразу уточнить Ванька у своего дежурного хориста, — Во-первых, что это ещё за такая вертолётная водка, которую Миха там у меня пьянствует, а, во-вторых, откуда она в моей голове взялась? Вы что, её с собой притащили? Или вам её некто в голубом вертолёте привёз, отсюда и название?

— Да не заморачивайся ты, Ванюша, — отмахнулся Петрович, — Виртуальная, по крайней мере, в данном случае, означает как бы воображаемая. А по поводу того, откуда она тут у тебя в голове взялась, так есть такая технология бинауральных биений Хемисинк, которая, в принципе, и не такое может, вплоть, как говорят, до виртуального секса. Я тебе всё это потом, когда тебе восемнадцать лет исполнится, как-нибудь расскажу.

— А чего это ты, вдруг, Петрович, — донёсся откуда-то из-за подкорок ехидный голос окосевшего от виртуального пойла Михаила, — Чего это ты вздумал на гитаре чуть ли не самого Орвила Гибсона поиграть? Лавры коллеги Розенбаума покоя не дают?

— Ну как тебе сказать, Миха, — с притворным смущением замялся Петрович, — Наверное, это то же самое, что и тебе из маузера товарища Дзержинского пострелять!

— Григорьюшка, Гриха, Гриша, Гришко, Гришака, Гришука, Гришаня, Гришата, Гришоня, Гришуня, Гришута, Гришуха, Гриня, Гринюка, Гринюха, Гринюша, Грика, Горя, Григоря, Гора, Григора, Григория...

— Акын, однако! — с уважением отметил Малик, — У нас в Тургайской степи такие тоже в южных районах местами до сих пор водятся. Они как что увидят, так об этом всё и поют. Выпьют кумыса, выйдут из юрты, вскочат на лошадку и поют. Едут и поют, поют и едут!

— Это ты, Вань, так собственный голос распеваешь, что ли? — с интересом спросила Вика, — А почему тогда у тебя вся распевка про каких-то Гришек? Может лучше про Викусек?

Вместо ответа, проштрафившийся сегодня Петрович в Ванькином обличье, не прекращая важнейшего процесса точной настройки, и в самом деле, очень неплохой, хотя и не совсем акустической гитары, только неопределённо пожал широкими плечами, улыбнулся Вике и пихнул ногой переполненный припасами рюкзак по направлению к Сашке с Маликом.

Пока, дружно охая и ахая при появлении каждого очередного деревенского гостинца из, кажущихся бездонными Ванькиных закровов, Сашка с Маликом заставляли яствами стол, три голодные девчонки сновали между ним и раковиной туалетной комнаты, отмывая всю имеющуюся немудрёную посуду, быстро и умело сервируя безалкогольный банкет.

— Застенчивый Александр Яковлевич тут же пригласил пожарного инспектора отобедать чем бог послал, — не совсем точно процитировал Сашка, наконец-то довольно оглядывая готовый к пиршеству стол голодными глазами, — Меня, правда, Александр Владимирович зовут, а не Яковлевич, и зубровки у меня нет, но, один хрен, девчонки, прошу к столу!

— Точно» — охотно подтвердила сглатывающая слюну пухленькая Зина, — Если не считать имевшейся у голубого воришки бутылки зубровки, то почти всё остальное на нашем столе присутствует. Домашние грибочки есть? Есть! Форшмак из селёдки есть? Ну, рыба какая-то точно есть, а форшмак это или не форшмак мы сейчас проверим! О, курочка домашняя! Опять же нам без разницы, с рисом там она или нет, как у Альхена. Борщ с мясом первого сорта я вам, мальчики, как-нибудь в другой раз сварганю, а вместо компота будет чай!

— Тогда у меня сразу три вопроса! — закричал Малик, по всей видимости, также давно уже забывший подобное изобилие, сравнимое, разве что, только с богатыми дастарханами не менее богатых степных начальников, — Во-первых, почему воришка голубой? Во-вторых, Зина, я тебе заказываю приготовить почки заячьи верчёные и головы щучьи с чесноком! А в-третьих, Ваня, у вас в колхозе уже наступил обещанный Хрущёвым коммунизм?!

— Отвечаю тебе в обратном порядке, о мой восточно-европейский друг, — прорычала Зина, яростно вгрызаясь в гусиную, как оказалось, а вовсе не куриную ножку, — Коммунизм в отдельно взятом Ванюшином колхозе, как говорили классики марксизма-ленинизма, уже определённо наступил, если судить по степени откормленности его отдельно взятого гуся. По второму вопросу тоже всё очень просто. Обеспечиваешь для меня марксистский базис в виде икры чёрной, красной, заморскую баклажанную можешь при этом сам слопать, и я тогда дам тебе повертеть мои почки и нафаршировать мою собственную голову...

— Что с тобой, Малик? — участливо спросил поперхнувшегося товарища Сашка, заботливо охаживая его по спине матросским кулачищем, — Ты б поосторожнее лопал с голодухи-то!

— Ну а по поводу первого твоего вопроса, Малька, — как ни в чём ни бывало продолжила Зина, с хрустом разгрызая уже совершенно голую гусиную косточку, — А хрен его знает, почему воришка в «Двенадцати стульях» голубой, но, как мне кажется, дело тут вовсе не в его половой ориентации, поскольку в те годы, насколько мне известно, содомитов так ещё никто не называл (автор сомневается и на счёт 1978 года, но это ж параллельный мир)...

М-да, с лёгкой грустью думал в это время дежурный Петрович, перебирая струны и лады достаточно сильными, но до сей поры не знавшими гитары Ванькиными пальцами, это не совсем то, на что я надеялся, но для камерного исполнения громкости должно хватить. А ну-ка, попробуем сыграть и подпеть на злободневную голубую тему!

Неужели из-за масти

Мне не будет в жизни счастья?

Я обижен злой судьбой...

Ах, зачем я голубой?[i]

— Голубой! Голубой! Не хотим играть с тобой! — непонятно чему радуясь, захлопали в ладоши девчонки, — Голубое ухо, голубое брюхо, голубой чубчик, как дела, голубчик»?!

— Какой же у тебя красивый сильный голос, Ваня! — первой заметила бурно вздымающая грудь Зина, не замечающая бросаемых на неё Викой и Зоей злобно ревнивых взглядов.

Певческий голос у ранее всегда стеснявшегося петь Ваньки, стимулированного вокальным опытом выросшего в музыкальной семье Петровича, действительно оказался на редкость сильным и сочным, более всего напоминающим лирический баритон Георга Отса в самые лучшие его годы или, может быть, молодого Муслима Магомаева, хотя сравнивать эти

два уникальных голоса едва ли возможно.

— Гм-гм, — смущённо прочистил Петрович Ванькино горло, — Эх, девочки, гитару Малик достал нам на этот вечер, кроме шуток, конечно же, классную, но без усилителя она всё-таки заметно уступает по громкости и сочности тембра хорошей акустической гитаре. Она больше для джазовых или блюзовых вещей подходит. Ну да за неимением гербовой... Да вы ешьте, ешьте, девчата мои милые, а я вам как раз почти про ужин спою!

Ты сказала мне любимый ты ничего, не замечаешь?

Ничего ли не заметил, ты особенного вдруг?

А я сказал тебе, родная, я отлично все заметил.

ты стоишь в своем халате и у тебя в руках утюг[ii]...

— Сразу предупреждаю, — поспешил Ванька-Петрович откреститься о всегда претившего ему в самиздатовской литературе сомнительного авторства чужих песен, — Сам я песен не пишу, никогда не писал и не собираюсь писать. А песня эта принадлежит одному очень интересному человеку, который родится, м-м-м, примерно через год, хотите верьте, хотите нет. Поэтому, мальчики и девочки, сейчас пока ничего не записывайте и не запоминайте, а вот лет так через сорок вспомните наш сегодняшний вечер и улыбнитесь!

А ты сказала нет, любимый, я не то ввиду имела.

Может что-то изменилось с нашей встречи в прошлый раз?

А я сказал тебе, родная, ты совсем не постарела.

Не поправилась нисколько и что на ужин там у нас?[iii]

Пацаны откровенно ржали в некоторых, довольно смелых для абсолютного большинства нынешних беззубых песен, солёных местах, которые Петрович намеренно не сглаживал, а девушки либо подхихикивали, как Зоя с Зиной, либо, как Вика, прикрывая рот ладошкой, смущённо улыбались и опускали долу смеющиеся глаза.

А ты сказала, на, лови-ка, горячо тебе, скотина?

Борщ хотел, так на покушай, прямо с лысины твоей!

А я сказал, ах как же больно, сука, сука, сука, сука!

На держи две половинки, шубы норковой своей![iv]

Ванька же, слушающий исполняемую Петровичем песню в специфически пассивном, как впрочем, и все остальные присутствующие на этой вечеринке молодые люди, regime, был охвачен каким-то донельзя странным чувством, которое можно было бы охарактеризовать как ощущение несвоевременной современности заблудившейся во времени песни.

Вот так вот, ни больше, ни меньше, как бы всё это малопонятно ни звучало, ибо всё вроде бы в этой забавной песне было узнаваемое и своё чуть ли не исконно русское с извечным конфликтом диаметрально противоположных интересов мужского и женского начал.

А в то же время, и вроде бы какое-то малость чужеватое, потому как подобный накал не очень-то, пусть даже и условно шуточных, страстей в песне зашкаливал все мыслимые и немыслимые для традиционно сдержанного, если только не сказать закомплексованного, советским воспитанием человека, пределы.

По крайней мере, даже схожие по бытовой тематике песни Владимира Высоцкого, при всей их безусловной непревзойдённости, после того что Ванька сегодня услышал, теперь казались ему чересчур уж то ли невинными, то ли осторожными, что ли. Впрочем, вполне справедливо рассуждал он, возможно, это всего лишь только первое впечатление, которое,

смягчив яркие эмоциональные краски, со временем обязательно пооботрётся и уложится в прокрустово ложе стереотипов его комсомольского восприятия.

Здесь было бы необходимо отметить, что независимо от правомерности его рассуждений, в данном случае, незаметно для себя, простой как сибирский валенок, хотя и получивший добротное среднее образование в советской школе, семнадцатилетний деревенский парень мыслит, уже довольно активно пользуясь понятийными аппаратами и богатыми наборами ассоциативных связей всех членов своего внутреннего квартета.

— Ванюш, а можно я буквально на минуточку прерву твои размышлизмы, пока они, не дай бог, не завели тебя слишком далеко в идеологически выдержанном, а потому и в заведомо ложном направлении? — очень мягко и тактично обратился к нему Петрович, — Автор этой песни, как бы и любой другой бард на его месте, стремился к тому, чтобы она оставалась современной в любые времена и при любом общественно-политическом строе. К тому же, насколько мне известно, автор и сам однажды выразил желание попасть в твои времена, о жизни в которых он говорил как о более чистых и простых[v]...

— Ванюш, а кто такой Джон Сноу? — недоумённо спросила Зина, как самая простодушная из трёх девчонок, две из которых тут же сделали многозначительно безразличные лица, мол, об этом даже и говорить не стоит, до того всем известно, кто это такой.

— Ну, Петрович, — захихикали в Ванькиной голове сразу два других пока трезвых хориста, фанатеющих по хорошей фантастике, — Разъясняй девочкам, а заодно и мальчикам, кто же это такой, Джон Сноу, являющийся незаконнорожденным сыном верховного лорда Севера Эддарда Старка? Но при этом у нас с Виталькой будет две просьбы, Петрович. Во-первых, не вздумай перепутать его со шпионом-перебежчиком Эдвардом Сноуденом, а, во-вторых, ни в коем случае не забудь, что «Песнь льда и огня» Джордж Мартин начнёт писать году так только в девяносто первом и никак не раньше!

— Джон Сноу, девчата, — отмазался Петрович, по множеству причин эксклюзивно личного свойства откровенно и люто ненавидевший нечаянно воспетый им же сериал, — Это такая нехорошая американская Снегурочка, но только, как бы сказать, мужского рода!

Пока Ванька, пользуясь отсутствием в конец, что называется, оконфузившегося и куда-то спешно на сегодня удравшего Петровича, закидывался уцелевшими остатками ужина, три девицы с умным видом муссировали этимологию заокеанских Снегурочек. Ну как же, как же, ведь Сноу в переводе с английского как раз и означает снег! А в Ванькиной голове всё не утихал вызванный сбежавшим Петровичем истерический ржач двух великовозрастных оборотов, как и Петрович давно излечившихся от фанатичной любви к этому сериалу.

— Откройте!!! — нарушил вдруг безмятежное и по-сибирски величественное спокойствие летнего вечера ор неизвестных властных голосов, забарабанивших в предусмотрительно запёртую дверь неожиданно и требовательно, — Откройте, Комсомольский Прожектор!!!

— И что это за осветительный прибор узконаправленного действия?! — крайне удивившись, спросил любивший чёткие определения хорист Марк, — В такую погоду свои дома сидят, телевизор смотрят, только чужие шастают. Не будем дверь открывать![vi]

— Не будем дверь открывать! — решительно повторил Ванька, дожёвывая пирожок.

— Придётся открыть, Вань! — обречённо вздохнул Сашка, вставая и направляясь к двери, — Это же по прямому указанию аж самого деканата. А, кроме того, прожектористов обычно и окодэшники сопровождают. А это, братишка, уже сплошь каратисты!

— Не знаю, Вань, что это за окодэшники такие, — придирчиво заметил вмиг протрезвевший в его голове ради такого зрелища капитан спецназа ГРУ, — Но каратисты они, как по мне, так себе, если судить даже только по их крупной моторике, а про мелкую я вообще молчу! Мелкой моторикой эти доходяги, как мне очень сильно кажется, всерьёз вообще никогда особо не заморачивались, поскольку, скорее всего, даже не подозревают о её наличии.

Между тем, в широко распахнувшуюся от очередного удара дверь вальяжно вплыла, по другому и не скажешь, весьма представительная делегация, возглавляемая пожилого вида комсомолкой, которую почтительно сопровождали прочие официальные лица в составе ехидно улыбающегося комсомольца с фотоаппаратом и двоих анонсированных Сашкой окодэшников с соответствующими красными повязками «ОКОД НЭТИ» на руках.

— Да ты, Миха, просто завидуешь, наверное, этим ребятам! — насмешливо заметил Марк, — Посмотри лучше на них непредвзятым взором, какие они юные, стройные и подтянутые. Да, карате только-только появилось в стране. Да, из-за отсутствия международных связей в этой среде методики только-только формируются и кое-где они откровенно наивные, а по нашему времени порой даже и смешные. Но ощути их боевой дух! Посмотри, какая уверенность во всемогущество любимого карате светится в их глазах!

— Ага, голубчики, попались! — с ходу торжествующе заверещала пожилая комсомолка, — Андрюша, отними-ка тут всё быстренько, пока они все бутылки не попрятали! А, кстати, молодёжь, где бутылки-то, я вас спрашиваю, куда бутылки дели?! Нам поступил сигнал от заслуживающих доверия товарищей, что у вас тут целую оргию девушки из Таёжногорска во главе с новеньким из Перловки организовали!

— Мы н-н-нне... — дрожащим от обиды голосом начала встающая со своего места Вика, на глазах которой бриллиантом сверкнула непрошенная слезинка, — Мы ничего такого...

Вот и доказывай им теперь, что ты не верблюд, затравленно мелькнула паническая мысль в дебрях Ванькиного сознания, испуганно уступившая тут же место слепой безотчётной ярости советского комсомольца, друзей которого безвинно оклеветали в его присутствии.

— Да постой же ты, Павка Корчагин наш недоделанный! — отчаянно закричал в его голове Петрович, — Для начала, пока ты тут дров не наломал, я тебе немного заторможу участки мозга, отвечающие за столь деструктивные эмоции, а ты успокойся и выслушай, времени во внешнем мире это много не займёт, ты же знаешь уже. Вот так, молодец! Слушай, эта пожилая величественная дама вовсе не старая комсомолка, как ты для себя её определил, а замдекана по учебно-воспитательной работе Татищева. Я её фотку краешком глаза с доски почёта срисовал, когда ты искал приёмную комиссию. Так что, братан, ты бы с ней как-то поосторожнее, иначе враз вылетишь не только из общежития, но и с абитуры! Ну а теперь, давай-ка нашу любимую мантру, только потихонечку, почти про себя, а мы с мужиками тут поможем тебе ситуацию разрулить без потерь для любой из сторон. Ты же не хочешь ведь себе лишних врагов здесь нажить на ровном месте?

Врагов, а тем более лишних, уже успокоившийся и взявший себя в руки Ванька, и впрямь не горел желанием себе наживать, а потому быстренько, но, как посоветовал Петрович, очень тихо, припомнил всех своих внутренних Гришек до седьмого колена.

— Здра-а-авствуйте, Нина Григорьевна! — радушно приветствовал замдекана по учебно-воспитательной работе стройный молодой человек с обаятельной улыбкой на

скуластом славянском лице, — Как хорошо, что вы пришли, присаживайтесь, пожалуйста! А мы тут решили комсомольское собрание абитуриентов факультета электронной техники провести за чашкой чая. Кстати, Нина Григорьевна, он у нас на травах заварен. Вы какой больше предпочитаете, с ромашкой или со смородиновым листом?

— Здрасьте! — плюхнулась растерявшаяся от такого напора замдекана на ловко подбивший ей ноги стул, — Какое ещё такое комсомольское собрание, товарищи абитуриенты, какое, я вас спрашиваю, такое собрание?!

— Ну как же, как же, Нина Григорьевна, — непритворно заволновался решившийся вдруг присоединиться к диалогу сам Иван, — Вы представляете, тысячи и тысячи комсомольцев, покидая в эти дни ряды своей школьной комсомольской организации и выезжая по месту поступления в другие учебные заведения, остаются не только вне комсомольского учёта, но и без какой бы то ни было поддержки своих товарищей, в которой они сейчас особенно нуждаются! Вот мы и решили провести такое собрание, по крайней мере, среди тех, кого сумели найти своими скромными силами. Мы же, Нина Григорьевна, здесь пока ещё на факультете практически никого не знаем...

— Bravo, Киса! — Получил Ванька мысленный пинок под ляжку сразу от всех засевших в его голове симбиотических паразитов, от всей души поощривших подобное проявление неожиданной ими Ванькиной самостоятельности — Что значит наша школа!

— Безобразие! — стукнула по столу круглым кулачком замдекана в порыве чувств, — А куда же тогда смотрит партком и факультетская комсомольская организация? Вас, если я не ошибаюсь, Иваном зовут? Так вот, Ваня, чай мне, пожалуйста, с ромашкой, если можно. Она, знаешь, когда правильно заварена, медком душистым отдаёт!

— А партком, Нина Григорьевна, — вступил в разговор и осмелевший Сашка, — Партком я решил поставить в известность после собрания, а чего раньше времени огород городить? Да-да, Нина Григорьевна, в партию я вступил, когда ещё на флоте служил! Так что, на этом собрании присутствует и один коммунист, который горячо поддержал прекрасную инициативу этих настоящих комсомольцев и просто замечательных ребят!

— Та-а-ак! — зловеще зашипела Татищева, — Какая-то жалкая тварь, какое-то профсоюзное ничтожество вздумало оклеветать пятерых комсомольцев-активистов и одного честного коммуниста-краснофлотца! Это уже на явную антисоветчину тянет... Ой, не обращайтесь внимания, это я о своём, девичьем! Но кое-кто ответит за ваши девичьи слёзки, девочки... Но какие же, ребята, вы всё-таки молодцы! Это же, это ж как всесоюзная комсомольская инициатива может прокатить, если приурочить к шестидесятилетию комсомола...

— Нина Григорьевна, — отряхивая запylённые брюки, вылез в это время из-под кровати более рьяный окодэшник, — Под кроватями, к сожалению, бутылок тоже не обнаружено! А можно, я их личные вещи осмотрю, может быть, они их по чемоданам заныкали? Нет, таких полномочий, конечно у меня нет, но если с их добровольного согласия...

— Каких ещё таких бутылок?! — выпучила на того изумлённые глаза замдекана, витавшая, по всей видимости, уже где-то между замаячившими перед ней должностями проректоров по учебной и воспитательной работе, если не замещении самого ректора Вышинского, — Слушайте меня сюда, товарищи прожектористы! Если в сторону этой комнаты, не дай вам бог, хотя бы кто-нибудь из вашей братии косо посмотрит, то я вам устрою такой почётный перевод, что ничего сложнее электрического прожектора вам

больше не придётся изучать! Вы меня хорошо поняли, товарищи электронщики? Тогда идите, и передайте это вашему комсомольскому и, персонально, профсоюзному руководству факультета! А мы тут пока с ребятами продолжим первое в Советском Союзе комсомольское собрание абитуриентов. Ваня, а можно мне ещё чайку с ромашкой, а то пока воспитывала этих дармоедов, в горле всё пересохло. Ах, какая же это мука, воспитывать этих балбесов! Да, вспомнила!..

— Неужели вымыть руки?! — не выдержал оживший после исчезновения прожектористов Малик, перед глазами которого встало подлинное воплощение фрекен Бок, — Нет, Нина Григорьевна, еды-то у нас, а точнее у нашего Вани хватает, но, сколько уже можно руки с самого утра мыть? Как утки уже, однако!

— Не знаю, о чём вы, товарищ абитуриент, — рассеяно ответила Нина Григорьевна, — Но гигиена лишней не бывает. Кстати говоря, контроль соблюдения правил личной гигиены среди поступающих комсомольцев тоже можно возложить на первичные комсомольские ячейки абитуриентов. Так, внесите моё предложение в протокол собрания, как инициативу деканата! Как это, нет протокола? Безобразия! В такой исторический момент они не вели протокол! Впрочем, что с вас, абитуриентов, возьмёшь? Девочки, на вас протокол!

[i] Стихи Юрия Сергеевича Энтина из мультипликационного фильма «Голубой щенок» режиссёра Ефима Гамбурга по сценарию: Юрия Энтина, композитор Геннадий Гладков

[ii] «Песня про новую стрижку» Семёна Сергеевича Слепакова — российского комедийного актёра кино и телевидения, сценариста, продюсера, автора-исполнителя песен, певца, гитариста. В прошлом — капитан команды КВН «Сборная Пятигорска».

[iii] Там же.

[iv] Там же

[v] «...мне до сих пор кажется, что в Союзе была невероятно светлая и трогательная жизнь, пусть и с кучей неудобств. Когда папа и его братья начинают вспоминать то время, мне часто хочется туда попасть. Кажется, они жили чище и проще». Фраза, приписываемая Семёну Слепакову, взята с сайта Коммерсантъ по адресу: <https://www.kommersant.ru/doc/2649602>

[vi] Фраза из советского мультипликационного фильма «Трое из Простоквашино», снятого в 1978 году режиссёром Владимиром Поповым по мотивам повести Эдуарда Успенского «Дядя Фёдор, пёс и кот».

Отступление о жизни советского студенчества от сессии до сессии и в прочие дни

Первые европейские университеты двенадцатого века породили и студенчество, ставшее не только источником пополнения квалифицированных кадров и учёной интеллигенции, но и, несмотря на первоначальную неоднородность, достаточно сплочённой социальной группой, которая, отличаясь на всех этапах развития высокой политической активностью, играло заметную роль в общественной жизни любой страны.

Присущая студентам всех времён и народов сплочённость, даже при существовавших иногда между ними возрастных, сословных, национальных и материальных различиях, объяснялась, прежде всего, общностью видов их деятельности, которая неизбежно превращала студенчество в единую социально-профессиональную группу.

С развитием промышленных способов производства и, вызванным этим, повышением социальной значимости высшего образования, начиная с середины восемнадцатого века растёт и роль студентов в жизни общества, а научно-техническая революция середины двадцатого века влечёт за собой крупные сдвиги в их положении и составе.

Острая общемировая потребность в квалифицированных кадрах вызывает стремительный рост численности студентов, которая с 1950 по 1966 годы вырастает во всём мире более чем в два раза, причём преимущественно в молодёжных возрастных группах.

В бурно растущих высших учебных заведениях увеличивается концентрация студентов, делая студенческие городки всё более и более многолюдными, а массовость высшего образования размывает его традиционную однополую элитарность, делая студенческую среду более демократичной по своему социальному происхождению и полу.

Общая деятельность студентов, подкрепляемая не только совместным профессиональным обучением, но и активным участием в политических, культурных, спортивных и бытовых студенческих организациях в сочетании с возрастной однородностью и территориальной близостью, порождает у них такую социальную общность, которой не имеет ни одна другая социально-профессиональная группа.

История советского студенчества неразрывно связана со становлением системы высшего образования в стране, но появление понятия студенчества связывают не с Петровскими и даже не с Елизаветинскими или Екатерининскими временами, а с началом девятнадцатого века и именем Александра Первого, при котором был принят новый регламент Академии наук, обязывающий заботиться о подготовке академиков из студентов университетов.

Именно при Александре Первом в 1803 году было принято первое в России положение об устройстве учебных заведений на основе принципов бессословности, однако, в условиях крепостного права оно не могло быть реализовано из-за своей утопичности, поскольку, в её основе лежало открытие школ для крестьян самими помещиками.

Спустя 80 лет Александр Третий ограничивает автономию университетов, а его циркуляр «О сокращении гимназического образования» от 1887 года, прозванный «циркуляром о кухаркиных детях», фактически возвращает в них сословные ограничения, так как резко ограничивает приём в гимназии детей крестьян и городской бедноты.

В 1917 году декрет Совета народных комиссаров РСФСР передаёт все учебные заведения Народному комиссариату просвещения, а в 1918 году другой декрет «О правилах

приема в высшие учебные заведения» предоставляет право поступления в ВУЗы всем трудящимся, достигшим 16 лет, независимо от их предыдущего образования, гражданства и пола.

Одновременно выходит и постановление о преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей рабочего класса и беднейшего крестьянства, которым после их поступления выплачивается повышенная стипендия, а плата за обучение отменяется

С первых же лет своего существования советское студенчество принимает самое активное участие в хозяйственной, социально-политической, научно-просветительской, культурной и спортивной жизни страны, помогая осуществлять индустриализацию, коллективизацию, ликвидацию безграмотности и внедрение всеобщего семилетнего образования.

В годы Великой Отечественной войны сотни тысяч студентов встают на защиту Родины, оставшиеся учатся под девизом: «Всё для фронта, всё для победы!», причём многие из них совмещают свою учёбу с работой на производстве, а после окончания войны помогают восстанавливать разрушенное народное хозяйство страны.

В шестидесятые годы появляются студенческие строительные отряды, которые во время каникул работают на промышленных, сельскохозяйственных и строительных объектах, в сфере обслуживания, в торговле и на транспорте, что становится школой общественно-политической и трудовой закалки для будущих специалистов.

Огромную роль в жизни советских студентов играют их комсомольские и профсоюзные организации, членами которых к концу семидесятых годов являются, за очень редким исключением, почти все студенты, более тысячи из них являются депутатами Верховных Советов союзных республик и местных Советов депутатов трудящихся.

Как и в других странах мира, за период двадцатых-семидесятых годы в Советском Союзе значительно возрастает численность студентов, но если в остальном мире она вырастает более чем в два раза, то в СССР за тот же период она возрастает более чем в двадцать раз.

Такой впечатляющий рост требует и адекватных мер в отношении обеспечения студентов соответствующими жилищно-бытовыми условиями, а потому рядом с ВУЗами вырастают, как отдельные корпуса студенческих общежитий, так и настоящие студенческие городки, отличающиеся по степени капитальности, этажности, ёмкости и комфортности.

Внутренняя планировка студенческих общежитий обычно была коридорной, если двери комнат выходили в общий коридор с общим санузлом и кухней, или реже блочной, когда несколько комнат объединялись в блок с общим санузлом и другими удобствами. Первый этаж был нежилым, но мог иметь, например общий для всех этажей душ.

Стоимость проживания в студенческих общежитиях составляла символическую сумму на уровне от одного рубля в месяц, в общежитиях с коридорной планировкой, до трёх рублей в месяц и выше, в общежитиях блочного или квартирного типов.

Студенческие общежития отличались строгими правилами внутреннего распорядка, в соответствии с которыми на их территории запрещалось распитие спиртных напитков, пребывание гостей допускалось после изымания их документов и только до 23 часов, категорически запрещалось совместное проживание семейных пар и их детей.

За соблюдением этих правил неусыпно следили неподкупные пожилые вахтёрши и сам комендант общежития, которым при необходимости всегда были готовы помочь члены

оперативных комсомольских отрядов дружинников (ОКОД), председатели студенческих советов общежитий и сотрудники деканатов.

В бытовом отношении студенческие общежития, по сути дела, представляли собой самые настоящие коммунальные квартиры, в которых в полном соответствии с их названием всё было общим, начиная от санузлов и кухонных плит с вечными тараканами и заканчивая разваливающейся мебелью с неистребимыми клопами.

С другой стороны, так или иначе, но общежитие превращало вчерашнего беспомощного школьника во вполне самостоятельного и самодостаточного человека, обеспечивая его бесценным опытом самообслуживания, социальной адаптации, а также умения всегда и везде отстаивать свои насущные интересы.

Глава четвёртая, о курсе молодого бойца и неправильных роялях в подозрительных кустах

— Рота, подъём!!! — таким истошным ором и именно с тремя такими же восклицательными знаками начиналось отныне после первых нот передаваемого по радио Государственного гимна СССР каждое разнесчастное Ванькино утро.

Но только после первых нот, ибо практически все последующие ноты гимна заглушались самыми разнообразными идиоматическими выражениями, изрыгаемыми в адрес капитана войск специального назначения не только и не столько остальными членами нерушимого внутреннего квартета, сколько наиболее искусным в этом деле самим Ванькой.

Далее следовала безропотная трёхкилометровая утренняя пробежка, начинавшаяся от дверей студенческого общежития, проходившая по почти безлюдным сонным городским улицам и заканчивающаяся где-то у старого понтонного моста на левом берегу Оби.

Уже к концу первого километра потихоньку иссякала фантазия хористов, а после второго начинала истощаться и фантазия Ваньки, чему активно способствовали свежесть раннего сибирского утра, первые трамвайные звонки и, конечно же, перепоясанная километровым Октябрьским мостом, прикрытая лишь утренним туманом, величественная красавица Обь.

Хористами членов внутреннего квартета Ванька называл уже больше по укоренившейся привычке, потому как хором эти члены, к его немалому облегчению, говорили всё реже и реже, а главное, как по-врачебному откровенно выразился Петрович, членораздельно.

Вот и сегодня, в то время как Миха занимался Ванькиной общефизической подготовкой, а означенный подопытный исправно пыхтел на третьем километре, трое незадействованных членов Бильдербергского клуба, периодически виртуально позёвывая, вели неспешное заседание по поводу подведения итогов первой недели своего пребывания.

— Итак, господа, гм, простите, товарищи, — по причине хронического недосыпа несколько путано начал Петрович, по хромотипу относящийся к типичным совам, — На дворе трава, тьфу ты, на дворе воскресенье девятого июля 1978 года, то есть, вчера завершилась первая неделя нашего с вами пребывания в этой пространственно-временной области. Но я, товарищи, лучше бы выразился чисто по-русски. Ваня, закрой уши! Ох, господи, что я несу, он же нас не ушами слышит! Что, Виталий? Заморозить ему речевые центры? И ты туда же! А посредством какого внутреннего интерфейса, выражаясь твоим техническим языком, мы все тут, по-твоему, общаемся между собой? Нет, слава богу, я уже почти его расчленил на сегменты и мы можем понемногу осваивать индивидуальные каналы, но...

— А вот за это, Петрович ты мой родной, — радостно заорал Виталий, словно девочка с туго заплетёнными косичками, вечно чему-то радующийся, — Моё тебе персональное спасибо! А то ведь надоело хором с вами вместе орать по любому поводу!

— Так, Виталий, в чём дело? — возмутился прерванный на самом важном месте своей речи Петрович, — Я не закончил! На чём я то бишь остановился? Ах да, ладно, товарищи. Ваня у нас уже взрослый, а мы с вами в глубокой жопе!

— В какой ещё жопе? — переспросил Марк, — Ваня, не обращай внимания, нет такого слова!

— Как это так, нет? — возмутился вслух задыхающийся на последних метрах Ванька, —

Она ведь есть! Больше вам скажу, товарищи эгрегории, она у меня теперь болит не переставая из-за всех ваших растяжек и подтяжек! А вы говорите, нет...

— Разговорчики! — голосом строгого старшины гаркнул на всех Михаил, — У него из-за вас дыхание сбивается, между прочим, товарищи попаданцы!

— Вот!!! — радостно завопил Ванька, доволакивая с некоторых пор общественные ноги до приметного валуна и без малейшей задержки переходя к отжиманиям от каменной плиты на одной руке, — Попа ведь есть, а жопы нет! Не-е-ет, мужики, так не бывает! Ой!!!

— Наряд вне очереди! — ехидно бросил Михаил, — Нет-нет, не с Викой, а с Маликом. Он сегодня как раз грозился какой-то бешбармак всем сготовить. Картошки ему начистишь, что ли, ну и там по мелочи, что попросит. Как это, в бешбармаке картохи нет? И что это за блюдо тогда без картохи? Ох уж эти неруси, что хотят, то и делают! Ножи тогда поточи! Любой мужчина должен уметь ухаживать за холодным оружием!

На целую минуту все тут же пристыжено примолкли, вспоминая, как часто и насколько правильно они точили в бывшей жизни кухонные ножи матерям и подругам. Выводы, по всей видимости, оказались для всех не слишком-то и утешительными, поскольку говорить дальше на данную тему никто желания так и не изъявил.

— Гм-гм, — смущённо откашлялся Петрович, — Ну, так вот, товарищи, на сегодняшний день мы с вами находимся в глубочайшей, прошу прощения, заднице! Во-первых, наш крайний сеанс бинаурального погружения был неожиданно прерван самым грубым образом. Что у них там произошло, я даже предположить не могу, слишком мало исходной информации. Но факт, как говорится, налицо. Вот уже неделю, товарищи, целую неделю мы находимся здесь без всякой связи с нашими телами, а то, что наш эгрегор находится здесь, указывает, либо на нашу коллективную кому, либо на смерть. К примеру. В результате теракта...

— Петрович, а ты не исключаяешь какой-нибудь третий вариант? — вмешался в процесс их обсуждения Михаил, — Ведь могло оказаться, к примеру, и так, что у них просто техника их бинауральная отказала, ну, деталь дефицитная сгорела, а мы там сидим в твоём номере и от скуки квасим всю эту неделю?

— Третий вариант, мужики, к нашему превеликому сожалению, я вынужден решительно и бесповоротно исключить по той простой причине, что душа у человека одна и копировать эту душу, тиражируя затем под копирку в любом произвольном количестве экземпляров в целях её разбрасывания по различным пространствам и временам, невозможно. Поверьте мне просто на слово, друзья, как врачу, пусть даже и молодому, но успевшему повидать уже немало смертей. Эта уверенность сидит во мне где-то на иррациональном уровне как ощущение того же чужого взгляда у людей в зонах боевых действий.

— Можешь не продолжать, Петрович, — глухо оборонил Михаил, — Я всё понял, а ребятам об этом лучше никогда не узнать. Но коматозное состояние я отношу к ещё более слабым вариантам. Это ведь как в том мультике про одного чересчур самостоятельного мальчика, папа которого не без оснований утверждал, что с ума поодиночке сходят, а вместе только гриппом болеют.[i] Я в том смысле, что вряд ли мы все вместе в коме лежим.

— Я бы хотел только добавить, — встрял Виталий, — С технической точки зрения, третий вариант, ты уж прости, Миха, но тоже выглядит абсурдно. Нет, техника-то вполне может выйти из строя, но насколько я понимаю, там ничего сложнее обычного стереоплеера не используется. Ну, всякая там автоматика и телеметрия, разумеется, не в счёт, потому как

в крайнем случае им было бы достаточно даже и обычного стереомагнитофона и генератора частот звукового диапазона выпуска семидесятых годов.

По наступившему вдруг в озабоченной тяжёлыми физическими упражнениями Ванькиной голове напряжённому молчанию Виталий сначала заподозрил что-то неладное, но затем, сообразив куда дует ветер, бурно запротестовал.

— Эй-эй, сожители, вы чего себе это в своей, тьфу ты, то есть, в нашей голове вообразили? Никогда, никогда ещё Воробьянинов, тьфу ты, Князев, не работал задарма! Никог-да!

— Расплевался тут, понимаешь, мозжечок ты наш недоделанный! — недовольно проворчал Петрович, — Где же твоя комсомольская совесть? Я ж тебе и кислород могу перекрыть в самом что ни на есть прямом смысле этого слова! В то время как Миха доводит нашего реципиента до нужных физических кондиций, а я занимаюсь его общим оздоровлением, вы с Марком только жрёте ценнейшие питательные вещества, поступающие в его мозг!

— А чего сразу Марк?! — завопил возмущённый до глубины души Марк, — Мы ж сегодня на эту, как её, на балку поедем! В смысле, на местную барахолку. Мне ж надо для начала там цены промониторить, реальную конъюнктуру рынка понять. Я что, бизнес-план должен на основании цен только в их «Рыгаловке», простите, студенческой столовой составлять?

Некоторое время в голове было слышно только тяжёлое Ванькино дыхание, да ощущались частые толчки пульсирующей в ритме сердца крови, отвлекающие заседателей от тяжёлых дум о преходящей бренности их земного существования.

— А вот мне интересно, — задумчиво протянул Виталий, — Если бы здесь была электронная торговля, то как бы они тогда назвали сетевой вариант своей барахолки? «Е-балка»?

— Попрошу не отвлекаться! — строго прикрикнул Петрович, — Вот тут-то, товарищи, мы и переходим к моему «во-вторых». Так вот, если, как я уже сказал «во-первых», мы с вами находимся в глубокой заднице, то, во-вторых, в этой связи нам надо решить, что же нам делать дальше? Лично я, и здесь вижу только два варианта наших дальнейших действий. В первом варианте, памятуя о том, что президент так и не успел передать нам сведения о главной цели проекта 630, мы забываем о нём и, используя все свои профессиональные возможности, живём в своё удовольствие, помогая Ваньке как можно лучше устроиться в этом несовершенном мире. Во всеоружии, так сказать, дожидаемся перестройки, делаем быстрые деньги и сматываемся доживать свой век куда-нибудь на остров в Тихом океане!

— Эх, Петрович, Петрович! — горестно вздохнул Михаил, — А я-то думал, что присяга для тебя ещё что-то значит... Видать, ошибался! В таком случае, товарищи, которые отныне мне совсем не товарищи, я тогда буду просто вынужден, товарищи, которые отныне ...

— Да подожди ты, Миха со своими товарищами! Сначала уж определись тогда с ними, ну а потом и встречай! Но, Петрович, уж как-то это всё... — неопределённо крутанул в воздухе виртуальной рукой Виталий, — Ну а в чём состоит второй вариант? Сидим на попе ровно и ждём до прояснения ситуации? Кстати, мужики, а на островах Кирибати кто-нибудь был?

— Нет, в самом деле, Петрович, — недовольно поддержал приятеля Марк, — Уж насколько я люблю возиться со всякого рода денежной массой, особенно M0[i], и абсолютно не против хорошей жизни даже в этом непростом времени, но как бы тебе это

объяснить...

— Ничего мне не надо объяснять, товарищ маркетолох! — с улыбкой перебил его Петрович, — Мы никогда не смогли бы слиться в едином коллективном сознании, если бы кто-то из нас думал по-другому! Во втором варианте мы делаем, что должно и будь, что будет!

— То есть, в каком смысле, ребята? — включил дурака Михаил, желая до конца прояснить настроение членов группы специального назначения, прежде чем принять окончательное решение о возможности её дальнейшего физического существования, — Ванька, хватит на сегодня! Давай, ополоснись в речке и домой, а то нам сегодня ещё на барахолку ехать!

— Ты давай нам Бородача не включай! — возмутился Марк, — А то «я не в кутсе, гебята»! Всё-то ты верно понял, Миха. Лично я, как уже сказал, оценю конъюнктуру товарного рынка и только затем приступлю к исполнению своих функциональных обязанностей по финансовому обеспечению. Ну и плюс кое-какие дополнительные функции по охране.

— Да и меня ты тоже правильно понял, Миха! — поддержал Виталий, — На мне техническое обеспечение, но чтобы что-то вам в этом плане наваять, мне нужны финансы, которые, к нашему превеликому сожалению, пока только и могут, что петь романсы в замечательном гитарном исполнении нашего многоуважаемого Петровича.

— А что это вдруг сразу Петрович? — в свою очередь возмутился и Петрович, — По моему, круг своих функциональных обязанностей я осветил достаточно полно и вполне понятно!

— Короче, дармоеды вы, ребяташки, если только я вас правильно понял! — совершенно справедливо подытожил Михаил, — А вы знаете, что здесь есть одна очень интересная статья уголовного кодекса про тунеядство? Ну да ладно, всё это лирика, но ты, Марк, что-то говорил там про какие-то дополнительные функции по охране или мне это показалось?

— Нет, тебе это не показалось, — тихо произнёс Марк, напряжённо прислушивавшийся к какофонии городских шумов, — Разве тебе Вениамин Михайлович не говорил, что у меня, как и у многих плохо видящих, повышенные по сравнению со зрячими способности по контролю окружающего пространства? Вот сейчас, например, за нами наблюдают из-за тех кустов, что на два часа правее вашего с Ванькой «отжимательного» валуна... Как я это определил? Да они там, кстати, их трое, активно обсуждают сценарий наезда!

Никем не предупреждённый Ванька, слышавший всё до последнего слова и завершавший в это время водные процедуры, не сдержал присущего ему природного любопытства и, на миг замерев, кинул взгляд в указанном направлении, что, по всей видимости, не укрылось и от скрывавшихся в кустах разговорчивых наблюдателей.

— Как водичка, бухенвальдский крепьш? — с иронией спросил у Ваньки один из давешних окодэшников, неделю назад старательно собиравший на коленях пыль под его кроватью, а сейчас вышедший слева от засвеченного куста, — Хайль Гитлер и добро пожаловать в ад!

— А худенький-то какой? — с наигранной жалостью всплеснул руки к румяным щёчкам второй комсомольский дружинник, — Колхоз, что ли, откормить так и не смог, ибо и без того тридцать лет без урожая, али глисты болезного ещё в Бухенвальде замучили?

— Чё надо? — хмуро бросил Ванька, отбрасывая в сторону казённое вафельное полотенце и спешно натягивая пузырящиеся на коленях треники, — Вам же Нина

Григорьевна уже всё разложила по полочкам, по-моему, разве не так, товарищи комсомольцы?

— Да мы тут шас тебя на травке разложим!!! — не сдержавшись, взвизгнул первый и более нервный из комсомольских дружинников, — Тоже мне, нашёл товарищей комсомольцев!

— Из этих, что ли? — неприятно удивился озадаченный Михаил, обращаясь, скорее, к себе, чем к напряжённо застывшему Ваньке или прочим членам группы, уже заинтересованно закинувших виртуальным попкорном, — Здесь и в семидесятые-то? Да ну нафиг?!!

— Подожди, Гебельс! — обманчиво мягко остановил визгливого щекастый, — Ты что, разве не видишь, этот унтерменьш просто не правильно понимает политический орднунг нашей партии, который мы, как его старшие товарищи должны ему популярно разъяснить. Ведь что нам, то есть, настоящим комсомольцам говорит наш устав?

— И что же он нам говорит? — не понял вконец запутавшийся в стёбе щекастого визгливый.

— А Устав, Гебельс, — назидательно подняв к небу пухлый указательный палец, важно изрёк щекастый, — Устав нам говорит о том, что основным организационным принципом нашей комсомольской организации является принцип демократического централизма, который, в числе прочего, предполагает строжайшую комсомольскую дисциплину, но, прежде всего, Гебельс, подчинение меньшинства большинству.

— Вот, чувачок, под-чи-не-ни-е! — ухватив главное, по слогам повторил визгливый, — Ты же нам подчиняться должен, чувачок, ты нас должен глубоко уважать!

— Не, мужики, этот Гебельс точно из этих! — уверенно заявил Михаил, — Да ещё и, кажется, любитель БДСМ. Слышали, подчинения требует и глубоко хочет, чтобы его убла..., тьфу ты, в смысле уважали, короче, и ещё раз, тьфу!

— Да не БДСМ, а ВЛКСМ! — не сдержав своего же молчаливого напряжения раздражённо поправил Михаила до глубины души задетый Ванька, — Трудно запомнить, что ли? Так что будем делать, ребзя? Чует моя жопа, что драки нам сегодня всё-таки не избежать!

— Ванюша!!! — дружно завопили его несостоявшиеся воспитатели, — Ну нет такого слова!

— Да ладно вам! — досадливо отмахнулся Ванька, — Раз в райвоенкомате признали годным, значит, всё у меня на месте, включая и то, чего, по вашему мнению, у меня нет. Так что же нам с вами, а точнее, с ними, делать? Драться будем или бежать? Только думайте скорее, товарищи эгрегории, а то они нервничать начинают. Как бы с ними чего не случилось!

— Заботливый ты наш! — проворчал Михаил, — когда это русский солдат от врага драпал? Нет, ну всякое бывало, конечно, но чтобы вот так, взять ноги в руки и убежать даже без боя? Правильно, Ванюша, вот эти мы сейчас и займёмся, потому как твои физические кондиции пока ещё далеки даже до этих заигравшихся в гестапо каратистов!

— Подождите, мужики, — вмешался вдруг всё ещё внимательно прислушивавшийся к чему-то Марк, — Там в кустах остался ещё кто-то. И этот кто-то, если я правильно распознал эти подозрительные звуки, собирается снимать нас на любительскую киноплёнку!

— Вот даже как! — искренне восхитился Михаил, — Тогда по ходу дела, мужики, нас либо хотят подставить по-крупному, либо я ничего не смыслю в колбасных обрезках, пардон,

в провокациях! А ну-ка, Вань, заводи нашу любимую «Цыганочку» с моим выходом! Драку заказывали? Будет вам драка! Правда, как в индийском кино, но уж не обессудьте...

— Гриша, Гришенька, Григорий, — как-то обречённо вздохнув, тут же с демонстративно послушным видом затараторил Ванька с недавних пор слегка зарифмованный вариант своего шаманского речитатива, — Гриня, Григорьюшка, Гришоня...

Впрочем, бурлящий в Ванькиной крови адреналин, избыток которого Петрович просто так и не успел полностью нейтрализовать, сыграл с Ванькой не очень остроумную шутку, так как плохо контролируя себя, весь свой шаманский рэп он протараторил вслух. Остроумия же этой несмешной шутке молодых, но ещё очень глупых надпочечников не хватило по той простой причине, что по неудачному стечению обстоятельств щекастого дружинника, как оказалось, тоже звали Григорием, из-за чего тот почему-то жутко комплексовал...

— Но ты, шкилябра колхозная! — неистово завопил щекастый, — Члена ОКОДа дразнить! — и, ломая подельникам весь сценарий хитро закрученной провокации, с истощенным «киай» со всей своей молодецкой дури зарядил в сторону Ванькиной челюсти довольно красивый и безупречно выполненный «маваси».

— Фигасе! — только и успел восхититься капитан спецназа, с трудом успевая подставить Ванькин подбородок с шуршащим свистом распрямившейся ноге щекастого дружинника ровно настолько, чтобы её обутая в кеды пятка всего лишь едва коснулась его.

— Чего это он? — недоумённо спросил щекастый, провожая взглядом улетающего куда-то в противоположные кусты Ваньку, — Я же даже, вроде бы, и не задел этого малахольного!

— О-о-о! — картинно застонал Ванька в Михином исполнении, с напускными трудностями выбираясь из, надо бы откровенно сказать, довольно таки чахлах кустиков и вновь тяжело вставая перед комсомольскими дружинниками, — О-о-о! Что-о-о я-а-а вам сде-е-ела-а-ал?!

— Так я не понял, — не выдержал уже всегда самый выдержанный Петрович, — Кого там наш Миха снаружи пытается изобразить в таких творческих муках? Пострадавшего от главного злодея звезду индийского кинематографа или какого-то несчастного зомби из «Ночи живых мертвецов»^[iii] Джорджа Ромеро?

Есть на свете такой род даже не людей, а людишек, которые как презренные шакалы или гиены почти всегда набрасываются на своего даже более сильного с виду противника, но лишь тогда и только тогда, когда звериным чутьём почувствуют возникшую в нём вдруг по каким-либо причинам подступившую слабость.

Вероятно, к такому типу людишек относился и визгливый окодэшник по кличке Гебельс, не сумевший, а может быть, даже и не пытавшийся удержаться от искушения ударить едва стоявшего перед ним «обидчика», явно не способного достойно ответить ему тем же.

В отличие от нанесённого щекастым Гришаней более квалифицированного первого удара, прилетевшая от визгливого Гебельса безграмотная плюха, особых проблем у Михаила уже практически не вызвала, хотя и заставила за ней немного погоняться, дабы максимально точно и мягко подставить и под этот неуклюжий удар.

Однако же, на этот раз, капитан не менее зрелищно ухитрился отлететь в другую сторону и каким-то неведомым для обоих его противников образом закатиться за наблюдательный куст, откуда тут же послышались уже совсем другие подозрительные звуки.

— Порядочек! — с видом обьевшего тридцатипроцентной сметаны кота довольно

сказал вышедший из-за куста абсолютно невредимый Михаил Ванькиными устами, — Товарищи окодэшники, там я себе рояль в кустах нашёл с каким-то дрыхнувшим организмом, так я хабар предлагаю поделить по-братски. В общем, камеру с кассетником мне, организм, так уж и быть, вам! Что? Так не пойдёт? Ну извините, кто первый встал, того и тапки!

Вместо ответа, визгливый и щекастый молча переглянулись и, не стовариваясь, кинулись на Ваньку. Тот слегка присел, скользнул навстречу более слабому визгливому, поднырнул под гьяку-цуки и одним слитным движением бросил его через себя навстречу щекастому.

Щекастый же, для спортсмена оказавшийся и в самом деле довольно неплохим бойцом, среагировал достаточно грамотно, но для капитана, не ожидавшего от каратиста такой подлянки как применение приёмов из арсенала ушу, совершенно неожиданно, поскольку, уклоняясь от летящего на него визгуна, присел с опорой на руки и молниеносным росчерком технично провёл нижнюю подсечку «хоу сао туй».

— Ах ты, Джеки Чайник электротехнический! — возмутился оскорблённый в своих лучших чувствах Михаил, уходя стремительным домкра..., простите, перекатом после позорного для офицера спецназа приземления на пятую точку от почти детсадовского приёмчика.

Не вставая с земли, тут же резко крутанулся на спине и, используя в качестве противовеса ушедшую в сторону левую ногу, правой ногой подсёк подскочившего к нему щекастого не менее классическими нижними «ножницами».

— Короче, товарищи, которые так себе мне товарищи, — начал свою обличительную речь Михаил, стоя над связанными их же кожаными ремнями комсомольскими оборотнями без погон, — Принцип демократического централизма, вполне возможно, вещь хорошая, но вы знаете, не скажу почему, но меня всякий раз мутит при одном только слове «демократия». Когда я слышу слово «демократия», я снимаю с предохранителя свой, кхм, с катушек, в общем, слетаю. Так что, вы уж извините меня, всего такого колхозного, ибо, слава богу, не дошла ещё до нас ваша демократия и, надеюсь, никогда не дойдёт! Район у нас самый отдалённый в Новосибирской области. Что? Подчинение меньшинства большинству? Ну, это вы лучше пиндосам, пардон, американцам скажите лет так через тридцать — сорок. Но, господи, что я говорю, к этому времени вы, как и большинство нынешней комсомольской номенклатуры будете им одно место вылизывать и повизгивать при этом от удовольствия.

— Ну а что ты тогда скажешь про диктатуру пролетариата, если тебе так не нравится наша комсомольская демократия? — с вызовом спросил хмуро глядящий на него щекастый.

— Не стоит ловить меня на словах, толстый! — кинул на него насмешливый взгляд Михаил откуда-то из глубины Ванькиных глаз, — Именно про комсомольскую демократию я даже и не заикался! Ну а по поводу диктатуры... Кстати, ты знаешь, чем отличается диктатура от демократии? Только местом, которое занимают дураки. При демократии дураки имеют право голосовать, при диктатуре — править. Это не я сказал, а один британский философ по имени Бертран Рассел. Тот самый, который встречался с Лениным и писал потом, что наш век войдет в историю веком Ленина и Эйнштейна. Так что сто раз подумай, прежде чем стучать на меня в связи с этими словами о диктатуре, демократии и дураках.

— Стукачом никогда не был! — с ненавистью выплюнул ему в лицо щекастый, безуспешно пытаясь высвободить связанные «ласточкой» руки и ноги, — Развяжи

немедленно, гнида!

— Ты б лучше не дёргался, толстый! — любезно предупредил того Михаил, — Ремни только себе ещё туже затянешь. Я сейчас уйду, а вы зубами друг друга развяжете, голубочки мои сизокрылые! И вот ещё что, провокаторы хреновы, вашу технику я конфискую в пользу... Короче, просто конфискую, как орудие во всех отношениях преступного замысла.

— Да ты..., — задохнулся от праведного возмущения очухавшийся визгливый, — Ты знаешь, сколько эта техника стоит? Тебе в сраном колхозе вовек столько не заработать, сколько мой дядя за кинокамеру «Красногорск-4» и экспортную магнитолау «ВЭФ-260» нужным людям отвалил! А дядя мой, если хочешь знать, не последний человек среди блатных!

— Идиот! — прошипел щекастый, презрительно сощутив глаза, — Ох, ну какой же ты идиот, Гебельс! А тебе, Шкворин, технику трогать я всё одно не советую, если не хочешь сесть за грабёж, а то и разбой. Ты же явно где-то очень серьёзно чему-то обучался, а это, ты сам понимаешь, как в этом случае расценивается. Кстати, не могу никак понять, что у тебя за система такая? Я хотя бы и на теоретическом уровне, но знаком почти со всеми системами спортивных единоборств, а в японском карате и китайском ушу давно уже перестал быть мальчиком для битья даже в масштабах всей области!

— Ну какие же секреты от старших товарищей? — весело отсалютовал уже вернувшийся к управлению телом Ванька, — Система называется «рессора от трактора Беларусь». Сначала помогаешь сэнсэю снять её с трактора голыми руками, потому как все инструменты ещё на заводе попёрли. Потом выгибаешь её в обратную сторону голыми же руками, потому как запасные рессоры колхозный кладовщик давно пропил. Потом ставишь её на место с помощью одной только парижской богоматери, ибо помощи ужравшегося к вечеру сэнсэя не дождёшься, а затем идёшь в клуб, где весь вечер уворачиваешься от рессор, которыми тебя любезно месят другие адепты рессорного стиля. К окончанию школы можешь смело претендовать на чёрный от мазута комбинезон, жениться и заводить себе собственных учеников! Ну а что касается вашего барахла, то киноплёнку я сегодня же сдам на проявку, а из самых интересных мест магнитофонной записи сделаю звуковую дорожку. Я уверен, ваше сегодняшнее «селфи» заинтересует многих компетентных ценителей антисоветского кино. Короче говоря, прощайтесь с комсомольскими билетами, мажоры!

— Э-э, — озадаченно протянул щекастый, — А что такое «селфи» и кто такие «мажоры»?

[i] Фраза из советского мультфильма «Трое из Простоквашино», поставленного режиссёром Владимиром Поповым по мотивам повести Эдуарда Успенского «Дядя Фёдор, пёс и кот» в 1978 году.

[ii] Денежная масса M0 — это наличные деньги в обращении, то есть, монеты и банкноты.

[iii] «Ночь живых мертвецов» — классический фильм ужасов, снятый независимым режиссёром Джорджем Ромеро в 1968 году.

Отступление про найденный героем хабар или о технике съёма в Советском Союзе

До того, как что-нибудь было, ничего не было! Эта фраза, с которой начинается спектакль «Божественная комедия», поставленный в 1961 году в театре кукол Сергея Образцова по пьесе Исидора Штока, не имеет отношения к любительскому кинематографу, потому как снимать его люди могли задолго до появления доступной техники для осуществления магнитной и цифровой видеосъёмки.

Как и во всём остальном мире, советские кинолюбители семидесятых годов двадцатого века имели возможность производить киносъёмку на два формата 8-миллиметровой и два формата 16-миллиметровой киноплёнки, используя для этих целей достаточно широкий выбор соответствующих киносъёмочных аппаратов.

16-миллиметровый киносъёмочный аппарат «Красногорск-4», отличавшийся от лучшей в СССР любительской камеры подобного класса, своего предшественника «Красногорск-3», только ещё более совершенным объективом, ранее применявшегося в профессиональных камерах, был выпущен всего лишь в 27 экземплярах по причине дефицита такой оптики.

Дефицитность этой оптики на фоне широкой массовости одной из самых популярных в стране любительских кинокамер объяснялась технологической сложностью производства подобного объектива, практически достигшего своего технического предела и помимо высокой светосилы обеспечивавшего десятикратное изменение фокусного расстояния.

С потребительской точки зрения, такие уникальные характеристики обеспечивали камере возможность осуществления чёрно-белой либо цветной киносъёмки, пригодного даже для телевидения профессионального качества, особенно, в условиях низкой освещённости или относительно большой удалённости снимаемого объекта.

Другое дело, что звука у отечественных кинолюбителей тех лет, за редким исключением, действительно, почти не было, поскольку советские любительские кинокамеры не имели возможностей для непосредственной записи звука одновременно с киносъёмкой, требуя для этого дополнительных ухищрений и специальных технических средств.

К числу подобных технических средств относились, прежде всего, наиболее удобные в этом отношении переносные кассетные магнитофоны, к описываемому в романе периоду выпускавшиеся советской радиоэлектронной промышленностью в относительно широком ассортименте, хотя и не в надлежащем качестве, а также различного рода синхронизаторы для точного совмещения записанного звука с демонстрируемыми на экране кадрами.

Именно поэтому, вторым ценным для главного героя новоприобретением, обнаруженным им в подозрительных кустах вместо вождя рояля, стала почти советская кассетная магнитола VEF-260, выпускавшаяся на Рижском государственном электротехническом заводе VEF в Латвийской ССР с начала 1978 года.

Выполненная на интегральных схемах переносная кассетная магнитола 2-го класса VEF-260 предназначалась для приёма радиопередач в диапазонах длинных, двух диапазонах средних, пяти диапазонах коротких и диапазоне ультракоротких волн, а также для записи, стирания и воспроизведения монофонических магнитных фонограмм.

В радиоприёмной части использовалось электронное переключение между амплитудной и частотной модуляцией принимаемых сигналов, автоматическая подстройка

частоты для УКВ-диапазона, светодиодный индикатор точной настройки, подсветка шкалы и разъемы для подключения внешней антенны.

Магнитофонная часть имела светодиодный индикатор состояния автономного источника питания для контроля возможности нормальной записи от батарей, встроенный микрофон, стрелочный индикатор и автоматическую регулировку уровня записи, а лентопротяжный механизм и головки поставлялись из Венгерской Народной Республики.

Общими элементами управления для радиоприёмной и магнитофонной части магнитолы являлись переключатель рода работ «магнитофон» — «приёмник», регулятор громкости и управление настройкой тембра по высоким и низким частотам. Питание осуществлялось от 6 элементов 373 или от сети переменного тока через встроенный блок питания.

Обладая достаточно глубоким и сочным звучанием, магнитофонная часть магнитолы, в принципе, соответствовала своему второму классу и по её техническим характеристикам, а приёмная часть по многим параметрам даже существенно опережала свой класс.

Начальная цена магнитолы составляла 320 рублей, но впоследствии, в том числе и в ходе снижения цен на технику в 1978 году, не раз ещё менялась в сторону снижения, достигнув исторического минимума к снятию с производства в 1987 году на уровне 270 рублей.

К семидесятилетию Л.И. Брежнева, в конце 1976 года, то есть, до завершения разработки полного цикла производственно-технологических процессов, в единственном экземпляре был изготовлен подарочный вариант этой магнитолы в деревянном корпусе VEF-2001. Для сборки на Кубе и латиноамериканского рынка магнитола называлась Varadero.

Глава пятая, про то, как героя не только нормально одели, но и даже немного обули

По улицам уже давно проснувшегося, несмотря даже на воскресное утро, города молча брёл согбенный под тяжестью набитого всякой технической рухлядью охотничьего рюкзака молодой человек в дешёвых, позорно пузырящихся на коленях, трениках и не менее позорно растянутой, влажной от пота, синей майке-алкоголичке.

Впрочем, молча он ковылял потихонечку только с виду, потому как в голове его шёл в это самое время процесс бурного обсуждения итогов произошедших с ним и обитателями его черепного теремка событий, причём некоторые из упомянутых обитателей с упорством, достойным лучшего применения настаивали на разборе их морально-этической стороны.

— Это секса в СССР не было, а техника для любительских киносъёмок уже была! — горячо пытался доказать очевидное зампотех Виталий, — И эта камера, Миха, как раз и является одним из самых совершенных и убедительных доказательств сему непреложному факту!

— Вообще-то, товарищи эгрегории, — виртуально вздохнул Михаил, — Я, собственно, не об этом, а о том, что ну не было этой долбанной кинокамеры у нас, ну и пусть ещё сто лет в обед не было бы! Как вы не понимаете, что наша группа была приравнена к диверсионно-разведывательным, а потому наши сегодняшние действия по изъятию всей этой техники у местного населения можно расценивать не иначе как мародёрство!

— Ну ты и скажешь тоже, мародёрство! — недоверчиво возразил Виталий, — Во всех книгах про попаданцев это всегда называлось сбором хабара или ништяков. В некоторых случаях и сталкерством. Но никак не мародёрством! А книги эти, между прочим, Миха, отнюдь не дураки какие-нибудь писали!

— Ну да, — подозрительно покладисто согласился иногда от скуки почитывавший и такие прикольные, с его точки зрения, книжонки Михаил, — А ещё там эти никогда и нигде не служившие «не дураки» на полном серьёзе советуют не оставлять за своей спиной живых врагов. Так что, вырезать их теперь всех под корень, как Петрович любимый аппендицит?

— Резать к чёртовой матери, не дожидаясь перитонитов! — тут же с готовностью рявкнул не разобравшийся со сна разбуженный Петрович, — Единственно прогрессивный взгляд![i]

— Хи-хи-хи! Слышал, Мих? — захихикал донельзя довольный Виталий, — Так что товарищ командир разведывательно-диверсионной группы, лоханулся ты сегодня немного с этими оборотнями в красных подвязках, ой, простите, я хотел сказать, в красных повязках! Ибо резать их всех надо было к чёртовой бабушке, ре-зать!

— Диверсионно-разведывательная группа всегда действует только в рамках общепринятых норм международного и военного права, — процитировал капитан ГРУ по памяти какой-то документ, — В соответствии с нормами международного права и законами ведения войны, любые диверсионные мероприятия допускаются исключительно в военное время и только в отношении объектов армии, флота, военно-промышленного комплекса, средств связи и транспортных коммуникаций находящегося в состоянии войны государства-противника.

— М-да, — крикнул Марк, — К «общепринятым нормам международного и военного права», ясен пень, тащ капитан, не подкопаешься! Но мы же больше не будем, ведь так,

мужики? Ну, разве что с голодухи только разок и нарушим, когда денежки опять закончатся...

— Нарушение этих правил расценивается как терроризм, — отчеканил Михаил, — И влечет за собой уголовную ответственность по военным преступлениям, как членов таких групп, так и любого ранга политических лидеров, отдавших этот преступный приказ...

— Да ладно уж тебе, преступный политический лидер! — насмешливо прервал Петрович не на шутку разошедшегося капитана войск специального назначения ГРУ, в прямом смысле этого слова прошедшего в своё время «и Крым, и рым», — Ванюш, присядь-ка пока во-о-он на ту скамеечку, мне тебе личико надо бы немного подрихтовать. Что значит зачем? Ты не понял, что ли, кто должен выглядеть пострадавшей стороной? Вот именно, так что садись и начинай камлать. Нет, в принципе, я уже могу и без твоего трансa, конечно, это делать, но с трансом всё-таки оно как-то сподручнее!

— Гриша, Гришенька, Григорий, — бездумно забубнил давно свыкшийся с чудесами своей внутренней медицинской службы Ванька, с удовольствием плюхаясь на стоящую в углу небольшого скверика пустую облупленную скамейку.

И налились почему-то не синим, а зловеще кровавым багрянцем два огромных синяка на до того ещё относительно чистом Ванькином лице. Первый вспух на месте обозначенного щекастым «маваси», то есть, на левой стороне нижней челюсти, а второй, соответственно, на месте какой-то непонятной плюхи визгливого, то есть, прямо на лбу.

— Запомни, Ванюша, — вдохновенно вещал Петрович, ваяя на лице реципиента довольно убедительные, хотя и слишком уж подозрительно живописные «ушибы мягких тканей и повреждения средней тяжести», — В первые часы после непосредственного формирования кровоподтёк имеет багрово-красный цвет, который обусловлен оксигемоглобином. В зависимости от толщины кровоподтёка изменения гемоглобина могут происходить неравномерно, что приводит к изменению окраски от периферии к центру кровоподтёка...

— Гринь, Григорьюшка, Гришоня, — чисто механически продолжал тарабанить шаманскую речетативную песенку Ванька, не обращая какого-либо особого внимания на от природы присущее Петровичу неизбежное занудство.

И лопнула Ванькина кожа по центрам «жестоких побоев», образуя неровные живописные разрывы, слегка обнажая его не слишком-то и жирную подкожную жировую клетчатку в соответствующих хитроумному замыслу военного хирурга локациях.

— Гришка, Гришечка, Гришата, — уже откровенно распевал Ванька себе под нос какой-то в высшей степени легкомысленный мотивчик, подслушанный намеренно у кого-то из своих неутомных головных паразитов.

И заработала в стахановском режиме эндокринная система, выбрасывая в Ванькину кровь всё новые и новые порции болеутоляющих эндорфинов. Завершающим штрихом великого мастера покрылись свежей антисептической корочкой вынужденные ранки, оставляя для внешней показухи страшные кровавые разводы.

— А теперь, Ванюш, дай-ка мне зеркальце, мой свет! Где-то оно у этих, гм, некомбатантов в кармашке рюкзака лежало. Не иначе как твоё избиение из-за угла собирались снимать. А то и, быть может, на самом деле были, как говорит Миха, «из этих»... Ага, спасибо, Вань, вот так и держи. А ничего так стигматы получились, а, мужики? Эх, что бы вы понимали в проктологических обрезках! Ладно уж, Ванюша, почапали дальше до дому, до хаты!

Всю оставшуюся до шестого общежития дорогу, как сам Ванька, так и все его симбионты, прошли в сосредоточенном молчании. Петрович, высунувший от усердия виртуальный язык, сосредоточился на высокохудожественной прорисовке мелких деталей «телесных повреждений». Виталий с Марком сосредоточились на перечитывании фантастической литературы о попаданцах, которой в эпоху тотального дефицита в Советском Союзе было на их разбалованный двадцать первым веком искушённый взгляд катастрофически мало. Михаил сосредоточился на ускоренном восстановлении многострадальных Ванькиных бицепсов, трицепсов и прочих квадрицепсов. Сам же Ванька просто сосредоточенно мял свои булки, с трудом переставляя и без того уже натруженные от пробежки ноги.

— А в самом деле, Ванюша, — задумчиво обратился Петрович к реципиенту, когда тот, пыхтя от натуги, уже открывал тугую дверь, на которую слесари студенческого городка буквально ещё только вчера установили свежую форсированную пружину повышенной мощности, — Откуда в твоём лексиконе появились такие несвойственные этому времени слова как «селфи» и «мажоры»?

— Да что же это такое делается, люди добрые?! — мысленно завопил Ванька, с облегчением сваливая на вестибюльный диван весь отвоёванный сегодняшним утром хабар, — Слова им не скажи, ничего не нравится! Откуда, откуда... С кем поведёшься, от того и зале..., тьфу и ещё раз, тьфу! Нахватался от вас всякой хрени, прямо спасу нет!

— Физкульт-привет! — привычно вскинула руки в спортивном приветствии дежурившая сегодня вне своей очереди за кого-то из вечно бюллетенящих старушек-вахтёрш Железная Тётя», окликаая Ваньку как старого знакомого, — Как водичка в Оби нонче, Ванюш?

— Да вы что, баба Лена? — С подозрением покосился на неё размякший на мягком диване Ванька, — С утра тут сговорились все, что ли? Прохладная нонче водичка в Оби, какая она ещё там может быть в семь утра? Вы мне лучше вот что скажите, Елена Васильевна, у вас в комитете государственной безопасности знакомых, случайно, нет?

— А тебе-то зачем, милок? — не менее подозрительно сощурилась на него проснувшаяся в тёте Лене подполковник Железнова, которая уже более внимательно глянула на объект своей потенциальной разработки, — Господи, да кто ж тебя так-то, внучок? Ладно уж, с этим позже разберёмся! А пока, лучше скажи мне, по какой это части возникла у тебя странная для абитуриента надобность? Или кино про шпиёнов вчера насмотрелся?

— Баб Лен мне б кого-нить из третьего отдела пятого управления! — безмятежно улыбаясь и выжидательно глядя на неё своими василькового цвета глазами, ответил Ванька.

— Кхм, — недоверчиво хмыкнула безумно влюблённая в свою бывшую работу вахтёрша и, слегка прикрыв в ответ когда-то стального цвета глаза, с наслаждением процитировала, — «Контрразведывательная работа на канале студенческого обмена, пресечение враждебной деятельности студенческой молодежи и профессорско-преподавательского состава». Мы с тобой, случаем, не коллеги, Ванюша? А ну-ка, пойдём к нашему коменданту в подсобку и чаёк погоняем с развесистой клюквой. Шучу, конечно, по поводу развесистой, а про чаёк совершенно серьёзно! Иностранцы-то наши по домам разъехались, так что работы у меня сейчас почти нет. Но ты учти, Вань, я ведь не в пятом управлении работала, а в седьмом. Потому могу только свести с кем надо без волокиты. Ну и порекомендую, чего ж там! Вот только, прибахлится бы тебе, Ванюша, немного, да хотя бы и на той же барахолке...

— Правильная бабуля! — всё никак не мог угомониться восхищённый капитан

спецназа, в то время как проинструктированный «Железной тётей» и срочно осмотренный дежурным врачом студенческой поликлиники на предмет освидетельствования побоев Ванька уже трясся в уютном троллейбусе, направляющемся в сторону местной барахолки.

Что же касается целей посещения столь замечательного места Ванькиной личностью и неразлучными с ним четверья его субличностями, то в основном все они, так или иначе, но сводились к навязчивой идее попаданцев приодеть своего реципиента, насколько это вообще мог позволить его выделенный специально для подобных целей относительно небольшой бюджетный лимит.

Однако же, здесь тоже было бы необходимо потихонечку от законопослушного Михаила признаться, указанный Ванькин лимит с некоторых пор, а именно, с сегодняшнего утра, был слегка некоторым образом пополнен, о чём прочие бывшие члены коллективного сознания не горели желанием сообщить командиру группы специального назначения, по его же словам приравненной к диверсионно-разведывательным.

— Вот что значит, Вань, старая школа советских чекистов! — не унимался тем временем в Ванькиной головушке их восторженный почитатель советского гэбистского наследия Михаил, — Холодная голова, чистые руки и горячее сердце! Держись таких бабуль, Ваня, и тогда никогда не пропадёшь! Ну а деньги... что деньги, Вань, Сегодня они есть, а завтра их уже, фьють, и нет! А приодеть, конечно же, тебя не помешало бы, права тут бабулька, джинсы там, хотя бы, китайские какие-нибудь, кроссовочки, опять же турецкие. А насчёт барахолки на месте посмотрим. Ванюш, какой суммой мы с тобой для этого располагаем?

— Э-э, Мих, я, честно говоря, и не помню даже, — не очень-то и технично, но вполне себе убедительно ушёл от ответа крайне смущённый Ванька, — С этой подготовкой к первому экзамену по физике я как-то совсем перестал запоминать такие мелочи. Ты бы лучше у своих согрегориев спросил, Миха. Кто там у вас за финансы отвечает?

— Ага, Вань, как по карманам трофейный хабар шмонать с подачи Петровича с Виталием, пока я Миху отвлекал, так это была командная акция и чуть ли не тимбилдинг, вашу мать, а как перед правдолюбивым Михой краснеть, так я один должен, что ли?!

— Тьфу на тебя, Марк, и ещё раз, тьфу! — сплюнул в сердцах парой порций вспрыснутого в кровь мелатонина Петрович, — Да ты у нас стукачок, однако! А ты, Миха, не обращай на нас особого внимания, мы тут сами разберёмся с нашими трофеями и нашими кротами! И да, забудь про китайские джинсы и турецкие кроссовки, Миха, здесь и сейчас на балке имеются только либо так называемая фирма, либо откровенное палево!

— Так, — мгновенно посуровел Михаил и уже вкрадчиво поинтересовался, — Так всё-таки, товарищи мародёры, кто-нибудь мне скажет, какой суммой мы располагаем по состоянию на сегодняшний день с учётом сегодняшней экспроприации или нет?

— Полторы тысячи без каких-то пяти рублей, Мих, — едва слышно прошептал Марк, — Но, вообще-то, это без учёта тех Ванькиных денег, которые он с собой ещё из дома привёз и, которые мы не сочли нужным взять на барахолку, Мих. Нам ведь и так хватит, правда?

— Сколько?! — не поверил услышанному Михаил, не имеющий, как оказалось, какого-либо реального представления о местной номенклатуре одежды и обуви, но за эту неделю уже вполне успевший в общих чертах ознакомиться с довольно таки смешным уровнем цен и весьма неприятельного сервиса в местных столовых, любовно прозванных обитателями студенческого городка «Рыгаловкой» и «Крематорием».

— А что ты хотел, Миха? — возмутился кипящий благородным негодованием Марк, —

Нам сейчас, как Наполеону, нужны только три вещи: деньги, деньги и ещё раз деньги! Всё же остальное, как ты и сам прекрасно понимаешь, у нас есть в нашей, прошу прощения, в Ванькиной голове. Да, талон на комплексный обед в твоей любимой «Рыгаловке» стоит всего лишь пятьдесят копеек, а стакан вкуснейшей газировки с сиропом только три. Но ты знаешь, тащ военный, что одежда и обувь приличного качества здесь в жутком дефиците и нормальные джинсы, которые мы сможем найти для Ваньки только на местной барахолке, тянут там от двухсот до трёхсот рублей? Приличная рубашка типа «батник» будет, ясный бантик, поменьше, рублей так полста, но тоже не хило! А обувь? А кейс типа «дипломат»? А уж молчу про мелочёвку типа трусов, плавок, носков, маек...

— Даты что, Марк? — неприятно поразился Михаил, — В натуре, что ли? Нет, я, в принципе, всё-то понимаю, но неужели такие деньги здесь нельзя как-то заработать более законным путём и одеть Ваньку в обычных советских магазинах по государственным ценам? Или нам тут теперь всю жизнь по кустам мародёрить прикажешь?

— Да, Миха, да! — запальчиво подтвердил Марк, — Фирменные тряпки на барахолке где-то так и стоят, ну а изделия советского производства надевать на Ваньку я не советовал бы. А по поводу сравнительно честных способов заработка, ты извини, Мих, но я не товарищ Бендер, а товарищ маркетолог, если уж на то пошло! Кстати говоря, мнение цитируемого Бендером Маркса о том, что все крупные состояния нажиты бесчестным путем, никогда и никем не оспаривалось ни в этом, ни в нашем веке. Примерно то же утверждал и Бальзак, считавший, что «за каждым богатством кроется преступление». А работяга Генри Форд попросил, чтобы его никогда не спрашивали, как он заработал свой первый миллион. Да и миллиардер Аристотель Онассис, кстати, тоже сетовал на то, что труднее всего заработать первый миллион долларов. И, наконец, сам Джон Рокфеллер заявил, что может отчитаться за каждый заработанный им миллион, кроме первого. Вот так-то, Миха!

Как ни странно, но, как это чаще всего и бывает с подобными людьми, почему-то именно пример прожжённого банкира и нефтяного магната Джона Рокфеллера, жившего когда-то в столь ненавистной ему стране потенциального противника и ставшего первым в истории всего человечества официальным долларовым миллиардером, оказал на Михаила самое убедительное воздействие среди всех прочих Марковских аргументов.

А потому, пьянящая эйфория предстоящего покупательского праздника, в грядущем веке без излишних для такого серьёзного дела фантазий и прочих там изысков названного нехорошим русским словом «шопинг» и подстраховки ради подстёгнутая сердобольным Петровичем лошадиными дозами эндорфинов, захватила и сурового капитана.

Возбуждённому свежими впечатлениями и нейрофизиологической химией Ванькиному состоянию, впрочем, способствовала и бурлящее море многотысячной людской толпы, хаотично колышущейся во всех возможных направлениях, поскольку основная торговля сегодня шла не в узаконенных рядах «старьёвщиков» и кустарей, а на многочисленных стихийных площадках и «пяточках» за их пределами.

— Ванёк, а Ванёк! — обратился к своему реципиенту буквально сгорающий от нетерпения наконец-то приступить к своей любимой работе маркетолог Марк, — Посиди-ка тут пока, Ванюш, понаблюдай пока немножечко с нашей стороны, а мне надо бы ассортиментно-ценовую матрицу по быстренькому слепить.

С непривычки потерявшийся было в этой людской толчее Ванька, тут же охотно забился куда-то в тихое местечко за собственным левым глазом, откуда и продолжил уже более спокойное наблюдение за мельтешащими вокруг, но пока не очень-то понятными для него

событиями. Камлания в этот раз, то ли в силу естественного транса, то ли по причине в кои-то годы заработавшего ментального гомеостаза, не понадобилось.

Откровенно бедно прикинутого, даже по советским понятиям эпохи тотального дефицита, Ваньку в любой точке барахолки встречали по началу, что называется по одежке, мельком окидывая его сверху донизу пренебрежительными взглядами и мгновенно теряя всяческий интерес к типично деревенского облика парнишке, никак в их представлении не тянущего даже на потенциального покупателя.

Однако, почти каждый раз после нескольких первых вопросов странного «колхозника» очередной его собеседник начинал более пристально приглядываться к нему, переходя от неохотных и односложных ответов к всё более развёрнутым разъяснениям, неизменно виновато разводя руками к концу каждой подобной беседы.

— Да-да, и тебе, зёма, не хворать! Проходи-проходи, не мешай работать! — приблизительно так же началось и это личное интервью с очередным жучком неопределённой внешности и возраста, вполголоса бормочущего чуть ли не себе под нос что-то про имеющиеся у него фирменные джинсы, батники, обувь и прочую дребедень, — Я ж тебе сказал, отойди!

— То есть, как это «отойди»? — обаятельно улыбнулся Марк, вполне сносно научившийся управляться с Ванькиной мимикой, — Зачем же вы поставили на вашей молотилке клеймо «Эх, прокачу!»? Я желаю совершить поездку. Хочу «эх-прокатиться»!^[ii]

— В карете прошлого далеко не уедешь, гражданин барин! — понимающе усмехнулся ему жучок, заставив от чего-то нахлынувшей вдруг печалью защемить ещё молодое Ванькино сердце, — Тоже любишь Ильфа и Петрова перечитывать? Молодец! А то ведь нынешние щеглы совсем книги читать перестали! Ну говори, чего хотел, только учти, парень, цены у меня для тебя могут оказаться больно кусачими, уж не обессудь!

Эх, дядя, дядя! — грустно и не сговариваясь, практически одновременно вздохнули четыре обитателя с некоторых пор захламленного виртуальной литературой Ванькиного чердака, не находившие в своём времени должного понимания неуёмной любовью к чтению среди многочисленных друзей и подруг. Ты ещё просто даже не представляешь, дядя, что такое по-настоящему не читающее поколение «Пепси»!

— А фирменные джинсы «Глория» у тебя есть? — делая морду кирпичом, спросил Марк о современной ему марке, заведомо помня, что её достаточно успешная для отечественного рынка история начнётся не ранее чем через десять лет, когда Владимир Мельников в 1988 году откроет свой первый кооператив «Глория», — Ну или хотя бы «Дольче энд ГаббАна», на худой конец, или какие-нибудь там «Армани»?

— Н-н-нет, зём! — выпучил глаза жучок, даже заикнувшись от неожиданности — «Врангеля» есть, «Ли», «Техасы», «Монтаны», «Райфлы», «Левисы» неплохие. Возьмёшь «Левисы»?

— Только не «Левисы», а «Ливайзы» тогда уж, — поморщился Марк, свободно говорящий на трёх языках, — Ну или «Ливайсы», в крайнем случае, но только никак не «Левисы»!

— А ты чё, в английском сечёшь? — с затаённой надеждой спросил жучок, — Слушай, зёма, сможешь перевести мне несколько страниц? Нет-нет, ты не думай, я ж и заплатить могу, если договоримся, само собой!

— Да не вопрос, — не капризничая согласился Марк, — Если договоримся, ясен пень. А что за тексты-то? Только сразу предупреждаю, никакой антисоветчины, дядя! Иначе...

— Господь с тобою! — испугано замахал на него руками жучок, — Да что ты такое несёшь-то, земляк, ну какая ещё такая антисоветчина?! Нет-нет, никакой антисоветчины, только технические паспорта и инструкции по эксплуатации от кое-какой техники. Возьмёшься, а? По рублю за каждую страницу перевода даю, студент!

— За дурака меня держишь, дядя? — завёлся Марк, — Да госцена у обычных переводчиков от двух рублей за машинописную страницу, а ты мне, с моим техническим английским и знанием предметной области хочешь рубль заплатить?! Категорически отказываюсь! По чирику за каждую страницу, не меньше! И то только из уважения к твоим сединам, дядя!

— К-к-к каким ещё таким сединам? — вновь растерялся жучок, судорожно охлопывая себя по всем карманам в поисках зеркала, — Тьфу ты, зёма, ну нельзя же так, в самом деле! У меня жена ещё молодая, сорок пять, баба ягодка опять и все дела, ну ты понимаешь меня, да? Так что, нельзя мне сесть раньше времени. Ладно уж, не вашим, не нашим, пятёрка за каждую страницу и это моя последняя цена, студент! Окей?

— Ладушки, дядя, так уж и быть, скину на твою бедность, договорились! — кивнул Марк, который, как и многие другие, свободно владеющие английским языком люди, терпеть не мог загрязнять русский язык всякого рода непотребными англицизмами сродни разным «окей», «супер», «хеллоу» и им подобных, — Если только скидку на штаны дашь.

Для дальнейших переговоров высоким договаривающимся сторонам пришлось отойти на охраняемую подозрительными личностями импровизированную автомобильную стоянку, где они и уселись в глухо зашторенную бежевую «буханку» УАЗ-452, которая, насколько это было известно отвечающему в их группе за техническое обеспечение Виталию, в эти годы почти не продавалась в частные руки.

— Брательник у меня во Владике вторым помощником капитана во внешнеторговом флоте работает, — охотно пояснил хозяин грузопассажирского чуда повышенной проходимости, — Соответственно, отвечает на корабле за груз и, вообще..., — неопределённо покрутил он в воздухе рукой, — Вот и помог аж из самой Японии за копейки доставить. Что, удивлён моей откровенности? Разбираюсь я в людях, зёма, да и скрывать мне в этом отношении нечего. Почему именно «буханку» взял? Ну, во-первых, для чего мне более приметной иномаркой светить свои «нетрудовые» доходы? Во-вторых, «буханку» угонять и в голову никому не придёт, мало ли какая служба на ней кататься может. А, в-третьих, охотник я и рыболов заядлый, так что сам понимаешь! Ну да ладно, вот тебе бумажки, что с техникой шли, десять страниц. К завтраму успеешь перевезти? Очень надо!

— А чего ради нам с тобой до «завтрева» эту резину тянуть? — лениво потянулся Марк на жёстком пассажирском сиденье, даже и не делая попыток заглянуть в усеянные мелким иностранным шрифтом бумажки и всё больше и больше осваиваясь в Ванькином теле, — Есть у тебя какой блокнот там или записная книжка с ручкой? Вот и хорошо, записывай!

Только где-то не раньше чем через час с четвертью жучок наконец-то с каким-то явно выраженным на его лице отвращением забросил свежееисписанный блокнот с ручкой в бардачок и, предварительно потеряв покрасневшие глаза, принялся со стоном разминать самым натуральным образом скрюченные от напряжённого скоростного письма пальцы.

— Давненько не писал, — виновато пояснил он Ваньке, — По крайней мере, так много. Но ты гигант, зёма! Слушай, да что это мы с тобой как сидельцы какие, зёма да зёма! Тебя как зовут? Ваня? Ну а что, на Иванах наша Россия-матушка держится! А меня зовут Тимофей Емельянович, дважды атаман получается, ха-ха! Я говорю, молодец ты, Ванюша, если бы не

ты, иметь бы мне завтра бледный вид. Толкнул я, понимаешь, серьёзным людям все эти видики, двухкассетники и прочий металлолом, а они мне предьяву вчера выкатили, давай, мол, перевод и всё тут. Сроку дали до завтрашнего утра, зная, что племянница болеет, вчера и сегодня в школах и институтах выходные, преподаватели в отпусках, студенты на каникулы да в стройотряды разъехались. В общем, если бы не ты... Ладно, вот тебе сотня за скорость, а тексты я жёнушке отдам, она перепечатает. Теперь давай с твоими штанами разберёмся. Какие будешь брать? Поздновато ты приехал сегодня, конечно, Ванюша, всё самое дешёвое с ранья ещё расхватали, остались только совсем уж дорогие Но, так и быть, сегодня я тебе по себестоимости отдам. По той цене, что и с меня взяли.

— Тогда «Ливайзы» давай тридцать четвёртого размера, дядя Тимофей! Батник на меня ещё остался? Только бордовый? Прекрасно, с синими джинсами идеально сочетаться будет! А что у нас с обувью? «Адидасов» или «Найков», ясен пень, нет? Чехословацкие «Ботасы»? М-да, не фонтан, ну да на безрыбье, как говорится, и ёршиком подотрёшься!

Подобрав на смену приличные вельветовые джинсы, пару маек без идиотских надписей, по несколько пар носков и трусов, а также какие-то навороченные кеды, пластиковый кейс с алюминиевой окантовкой, три пакета с рекламой «Marlboro» и французские духи взамен разбитого одеколona для Вики, Ванька выжидательно уставился на продавца.

— Ну а спички-то мне зачем, дядя Тимофей? — удивлённо спросил Марк, вытаращив глаза на протянутый ему обычный коробок спичек, — Я же не курю, да и тебе не советовал бы!

[i] Фраза из советского художественного телефильма «Покровские ворота», снятого режиссёром Михаилом Козаковым на киностудии «Мосфильм» в 1982 году.

[ii] Слегка перефразированная цитата из сатирического романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова, завершённого в 1931 году. В основе сюжета — дальнейшие приключения центрального персонажа их же романа «Двенадцать стульев» Остапа Бендера.

Отступление о советской барахолке как незаконнорожденной дочери товарного дефицита

В докладе Михаила Горбачёва, прочитанного им в 1986 году двадцать седьмому съезду коммунистической партии, впервые констатировалось, что в экономической и социальной сферах жизни советского общества «начали проступать застойные явления».

С этого времени, период советской истории, начинающийся от прихода к власти Леонида Брежнева в середине шестидесятых годов и до начала «перестройки» во второй половине восьмидесятых годов, часто стали именовать периодом, а то и эпохой застоя.

«Эпоха» характерна ухудшением динамики экономического роста и производительности труда в условиях вяло текущей политической жизни, но в то же время и относительной социальной стабильностью и более высоким, чем в предыдущие годы, уровнем жизни,

Именно в этот период, структура отечественной экономики и деформировалась в сторону увеличения доли доходов от добычи нефти и газа с деградацией легкой промышленности и сельского хозяйства, которые и без того пострадали от реформ Никиты Хрущёва,

Соответственно с этим, деградировало и производство товаров народного потребления, необходимых для удовлетворения материально-культурных потребностей населения в одежде и обуви, мебели и бытовой технике, автомобилях и инструментах...

Ещё больше усугубляет сложившееся положение Госбанк СССР, в конце шестидесятых годов запустивший свой «печатный станок» в попытке стабилизировать экономическую ситуацию, начав проводить денежную эмиссию посредством кредитования различных промышленных и сельскохозяйственных предприятий через отраслевые банки.

К концу семидесятых и началу восьмидесятых годов объемы таких денежных эмиссий, неподкреплённых соответствующей товарной массой, существенно растут, тем самым, провоцируя дальнейшую эскалацию инфляционных процессов и ещё больше снижая товарную обеспеченность советского рубля.

В этот же период начинается и серьёзное технологическое отставание Советского Союза от наиболее развитых стран Западной Европы, что, в свою очередь, вызывает всё большее и большее отставание уровня жизни простых граждан.

В их повседневную жизнь отныне прочно входит понятие дефицита, обозначавшего все те товары, которые было трудно приобрести в советских предприятиях розничной торговли по госцене, но можно было найти по более высоким ценам у спекулянтов.

Между тем, ещё в 1920 году американский экономист Людвиг фон Мизес заявлял, что плановой экономике всегда будет присущ дефицит, т. к. централизованное планирование не справится с огромной товарной номенклатурой и меняющимися потребностями людей.

Поэтому, в той или иной мере, но товарный дефицит был присущ советской экономике на всех без исключения этапах её развития, однако, застойные явления в условиях плановой экономики превратили его в острейшую социальную проблему.

Социальный характер данной проблемы в период застоя состоял в расслоении советского общества на тех, кто имел привилегированные возможности получения дефицита и тех, у кого такой возможности не было, на фоне декларируемого всеобщего равенства.

В пределах своих доходов подобными завидными возможностями обладали работники

торговли, лёгкой и пищевой промышленности, партийно-хозяйственная номенклатура, жители Москвы, Ленинграда союзных столиц, промышленных и курортных центров.

Справедливости ради надо отметить, что возможность получения дефицитной продукции на приоритетной основе имели также и члены различных творческих союзов, ветераны войны, Герои Советского Союза и соцтруда, инвалиды, многодетные семьи.

Недовольство населения из числа прочих граждан усиливал и тот непреложный факт, что оставшаяся в их распоряжении доступная товарная масса в большинстве случаев обладала неудовлетворительными, а то и откровенно низкими потребительскими качествами.

Не стремилась облегчить ситуацию и не заинтересованная в этом розничная торговля, которая при отсутствии серьёзной конкуренции и рекламы, отличалась жёстким уровнем установленных государством цен и крайне низким качеством обслуживания.

Кроме того, и само население, испытывая регулярные перебои в его обеспечении теми или иными товарами народного потребления, начинало создавать запасы, увеличивая закупки и тем самым ещё больше усугубляя ситуацию с дефицитом.

В условиях товарного дефицита процесс вымывания из ассортимента недорогих изделий принял массовый характер. Особенно это сказалось «на ассортименте товаров для детей, молодёжи и лиц старшего возраста.

В описываемый период конца семидесятых годов в дефицитную товарную номенклатуру могли входить импортная одежда и обувь, мебель и бытовая техника, сантехника и даже туалетная бумага, различные пищевые деликатесы и многие другие товары.

В этих условиях, вещевые рынки, впервые появившиеся в стране в период Гражданской войны и давшие людям возможность решить их финансовые и материальные проблемы путём продажи и покупки подержанных вещей, стали уникальным явлением советской действительности, поскольку здесь можно было, если и не купить, то найти практически всё, начиная от жвачки и сигарет, заканчивая джинсами и электроникой.

В конце двадцатых годов власти закрыли большинство вещевых рынков, но в 1932 году эти рынки были узаконены с разрешением торговать на них подержанными вещами, то есть «барахлом», отчего и стали называться в народе «барахолками.

Впоследствии, когда в шестидесятых годах вещевые рынки начали постепенно закрывать, вся узаконенная торговля подержанными вещами и спекулятивная перепродажа дефицита перешли в окрестности официально существовавших «колхозных рынков».

Гусинобродский вещевой рынок Новосибирска располагался вдоль Гусинобродского шоссе и существовал, по одним сведениям с 1974 года, а по другим аж с шестидесятых годов и до осени 2015 года, когда и был наконец-то с огромным трудом закрыт после серии нашумевших, но так и нераскрытых убийств.

И тогда и в последующие годы эта известнейшая во всей Западной Сибири барахолка, площадь которой с годами достигла тридцати пяти гектаров, а численность торгующих — десяти тысяч человек, являлась крупнейшим вещевым рынком по эту сторону Уральского хребта, став для Сибири примерно тем же, чем стал Черкизовский рынок для Центральной России или «Людмила» для Северного Кавказа.

В будни барахолка торговала подержанными вещами и изделиями народных промыслов, так как перепродажа новых вещей была запрещена, а по воскресеньям сюда съезжались за дефицитом тысячи покупателей со всей Новосибирской области и из-за её пределов.

В начале девяностых годов либерализация розничных цен и другие элементы политики экономических реформ Бориса Ельцина привели к насыщению частной торговли товарами зарубежного производства и, как считается, барахолки потеряли свою актуальность.

Однако, ещё долгое время подавляющая часть оптовой торговли всей Западной Сибири базировалась исключительно на Гусинобродском рынке, куда продолжали приезжать за товаром бесчисленные караваны более мелких оптовиков из Томска, Омска, Кемерово, Красноярска, Братска, Кызыла, Нефтеюганска и многих других городов.

Глава шестая, в которой герой без джинсов учит торговать джинсами торговца джинсами

— Держи-держи, деревня! — продолжал настаивать добродушно усмехающийся Тимофей Емельянович, протягивая Ваньке услужливо приоткрытый спичечный коробок и необидно намекая на его сельское происхождение, — А как же ты ещё качество покупаемых у меня джинсов проверять будешь, Ванюша? Или я за тебя шоркать по штанам наслюнявленной спичкой должен, по-твоему, так что ли?

— Ах вот ты о чём, дядя Тимофей! — рассмеялся Марк, — Ну нет, таким методом джинсы проверять, ты и меня когда-нибудь по незнанию обманешь, хотя вряд ли, да и сам хорошо подставишься перед очередными «сурьёзными» людьми. Я же сразу определил, что джинсы подлинные, а не сшиты где-нибудь в Одессе из контрабандной ткани, которая, кстати, тоже будет окрашивать наслюнявленную спичку. Как определил? Да по целому ряду признаков! Во-первых, оригинальная ткань джинсов «Ливайз» производится из предварительно скрученного хлопкового волокна и при плотности более четырнадцати унций на квадратный ярд относится к тяжеловесным. Можешь не пересчитывать в наши меры, потому как у нас в Союзе тяжелее этой ткани может быть только брезент. А если посмотреть на её изнанку, то видно характерные диагональные полосочки. Во-вторых, на фирменные «Ливайзы» ставят только фурнитуру с обозначением YKK, а собачка молнии имеет двойной фиксатор и не сползает, даже если молния не застегнута до конца. При этом, на собачке и обратной стороне клёпок и пуговиц оттиснуто L.S.&Co-S.F. На наружной стороне язычка молнии выбито LEVI'S, а изнутри «YKK 45» и буквы USA или U. Кроме того на всех моделях категории Red Tab установлены заклепки на углах всех передних карманов. На задние карманы ставятся заклепки только на фэшн моделях и некоторых моделях для женщин. Медные заклёпки имеют надпись L.S.& Co. S.F. на внешней и внутренней стороне. На джинсов цвета индиго они всегда медно-красные...

— Ты что, Ванюша, оттуда, что ли?! — хриплым шёпотом спросил Тимофей Емельянович после целой минуты внезапно наступившего ошарашенного молчания, — Впрочем, нет, ничего мне лучше не говори! Ты здесь пока ещё ни на кого не работаешь? Ну а как тогда насчёт подработки по выходным и праздничным дням, студент? Зарплату тебе для начала положу триста, нет, даже пятьсот рублей в месяц. На тебе будут технические переводы, экспертиза поступающих шмоток и отслеживание забугорной моды. Ну и сопровождать меня иногда будешь для солидности на переговорах с нужными людьми. А с меня — все твои представительские расходы, в том числе и рестораны плюс соответствующий прикид для них по себестоимости, если у тебя и приличного костюма тоже нет. Идёт?

— Может быть, дядя Тимофей, может быть, — задумчиво глядя на него протянул Марк, — А можно сначала задать один нескромный вопрос? Ага, ну спасибо за доверие, дядя Тим! Так вот, почему ты сегодня один работаешь? Или ты всегда один работаешь? Это ведь и крайне опасно и совершенно несерьёзно для такого дела!

— Всё те же «сурьёзные» люди, Вань, — сразу же помрачнев и отвернувшись к боковому окну, глухо ответил Тимофей Емельянович, — Обложили меня они со всех сторон, Ваня, обложили. Разве стал бы я с тобой, с незнакомым парнишкой так откровенничать раньше. В лицо посмеялся бы, скажи мне кто про такое. Видать и правда, Ванюша, хреновые

мои дела, коли до такого маразма дошёл, что совсем перестал бояться вполне возможных подстав со стороны бандитов и ментов. Беда у меня, сынок, однако, большая беда. Детей, понимаешь, нам с моею супруженицею бог не дал, а племянница, радость наша с женой единственная... Эх, да что там размусоливать, Ванюша, рак у неё в крайней стадии, все деньги в эту хворь поганую уходят, в большие долги к этим серьёзным людям залез, на перо грозятся поставить... Ну вот, разоткровенничался тут с тобой, пятидесятилетний дурак, и тебя небось изрядно напугал, да? Ладно, Ванюша, рассчитываемся и разбегаемся тогда, ни к чему тебе в мои проблемы влезать, хороший ты парень по любому. И ещё раз спасибо тебе за перевод, на самом деле хотя бы сегодня выручил!

— Я согласен, Тимофей Емельянович! — просто ответил «товарищ маркетолох», — А про рак у своей любимой племянницы ты правду сказал, только честно, дядь Тим, или на жалость мою незачерствевшую решил всё-таки попробовать надавить?

— А народ-то уже, ты смотри-ка, расходится потихоньку, — задумчиво произнёс Тимофей Емельянович, вновь выглядывая в боковое окно машины после очередной минуты какого-то на редкость тягостного молчания, — Времечко, значит, уже совсем к обеду и торговли у меня, соответственно, сегодня уже точно больше не будет. Вот что, Ванюша, поехали ко мне, пообедаем, а заодно я тебя в курс дела введу!

И даже не дожидаясь Ванькиного или чьего там ещё согласия, решительно повернул ключ в замке зажигания своей «буханки», которая, будто весь день дожидаясь именно этого счастливого момента, тут же радостно завелась с пресловутой половины оборота своего электрического стартера и по-кошачьи довольно заурчала.

— Всю мою «ласточку», — радостно, как будто ничего не случилось, похвастался Тимофей Емельянович, прогревая мотор, — До последнего винтика на заводе «Тойоты» перебрали! Они там, говорят, любую поступающую им в продажу иностранную машину перебирают.

Насколько это сейчас припоминали маркетолог Марк с технарём Виталием, высказанная их собеседником похвальба отнюдь не было каким-то преувеличением, так как подобная практика на японских заводах действительно существовала и, как писал как раз где-то в эти времена международный обозреватель и японист Владимир Цветов, применялась даже в отношении импортируемых в Японию американских автомобилей.

Тем временем, Тимофей Емельянович не стал терять время даром и принялся уже в дороге посвящать своего нового партнёра в некоторую часть тех дел, о которых можно было бы без опаски рассказать мало знакомому человеку, поскольку, что бы там он не говорил, но полностью довериться тому он пока ещё не мог.

— Были у меня и помощники, Ванюша, и партнёры, да вот перешёл я видать как-то дорогу одному нехорошему человеку и, с тех пор как чёрная кошка дорогу перебежала. Партнёры меня избегают, напарники да помощники разбежались, будто запугал их кто-то конкретно. Нет, откуда ноги растут у этого чёрного козла, я-то отлично понимаю, а вот предъявить ему что-то такое же конкретное, как это в их среде полагается, я ничего не могу. Фамилия, кстати, у него тоже под стать его делам — Козлицкий, представляешь?

— Козлицкий, Козлицкий..., — быстро забормотал Марк, силясь припомнить нечто до боли знакомое, — Где-то я уже слышал эту не так уж то и простую фамилию, Дядя Тимоха.

— Эх ты, маркетолох! — снисходительно отозвался Михаил, — Память-то, вроде бы, чуть ли не феноменальная, а вот такие важные мелочи никогда не запоминаешь. Пока вы сегодня с Виталием по карманам у тех горе-дружинников шмонали, в полной уверенности,

что меня Петрович отвлек, я запомнил все данные из их красных корочек. Так вот, Гебельса утрешнего звали Серёга, а фамилия у него, между прочим, Козлицкий. Вот так-то!

— М-да, — пристыжено откликнулся и молчавший до сей поры Виталий, — Лоханулись мы с тобой знатно, Марик! Опытнейшего войскового разведчика хотели развести как марке..., гм, как лоха, короче, какого-нить хотели развести.

— Может, всё-таки однофамилец? — на всякий случай решил окончательно удостовериться Марк, — Хотя, вряд ли. Даже для почти полуторамиллионного города фамилия слишком уж какая-то очень, должно быть редкая, я бы сказал, характерная...

— Дядь Тим, — обратился Марк уже к Тимофею Емельяновичу, — А ты не знаешь, нет ли у твоего нехорошего знакомого молодого родственника по имени Сергей? Ах вон оно как, даже родной сын, который тоже учится где-то в НЭТИ?

— Да-да, Ванюша, но этим в нынешнее время уже никого не удивишь, а тем более уже и не зацепишь. Воры в законе, каковым является и этот Козлицкий по кличке Козлодёр, всё больше и больше отходят от своих старых воровских традиций. Нет, семьи они, конечно, по-прежнему не заводят, какая ж нормальная женщина выдержит частые и многолетние отсидки своего, хм, благоверного, но иметь детей на стороне вору никто не запрещает. И, ради бога, не спрашивай меня, почему этот Козлодёр заработал такую кличку, всё равно тебе не скажу, потому как ни к чему тебе в твои годы про такую мерзость знать!

— Хм, — хмыкнул уже сам Марк, насмотревшийся в интернете и не таких мерзостей в ходе собственного полового созревания и непосредственно связанного с этим занимательным процессом непомерного подросткового любопытства, — Но ведь поддерживать семейные связи им, дядь Тим, вроде, тоже не полагается? Да ещё и с так называемыми красными. Это же считается, если я не ошибаюсь, кажется, «западло»?

— И где ты этого только мог нахвататься? — поморщился Тимофей Емельянович, бросив на Ваньку короткий осуждающий взгляд и продолжая следить за дорогой, — Ну да, есть у них такое, Ванюша. Если докажут, что вор с «красными» активно якшается, то такого сами же воры и замочат, им же даже в армии служить нельзя. Только бесполезно всё это, Ванюша! Никто ещё пока ни разу Козлодёра ни в чём подобном даже не заподозрил.

— Многое бывает в жизни в первый раз, дядь Тим! — загадочно сказал Марк, отворачиваясь к пассажирскому окну и резко меняя тему в пользу уже начатой ранее, — А что ты можешь сказать мне про реализуемый тобой ассортимент, дядь Тим? Насколько он у тебя широк?

— Ха-ха-ха! — искренне развеселился Тимофей Емельянович, — Ну ты скажешь тоже. Вань, ассортимент! Да какой же это ассортимент, так, до десятка марок джинс, несколько типов батников, три-пять наименований французских духов, какая-нибудь модная помада, тушь, несколько марок обуви и прочая мелочёвка разная по типу жвачки, сигарет и пакетов. Ну а по технике ты кое-какое представление уже имеешь, сам же переводил мне сегодня. Вот музыкой всякой, пластинками и бобинами, я опасаясь заниматься, не разбираюсь я в этих ваших молодёжных течениях и направлениях! Взял как-то партию из сотни дисков, а они, несмотря на все заверения забугорного продавца, у нас не пошли! Разве с ними угадаешь, с этими роками и попами, что люди будут слушать завтра? Тут машина времени нужна...

— Машина времени, дядя Тима? — как-то странно глянул на него Марк, — Будет и машина времени! А по поводу ассортимента, Джинсы у тебя по два-три размера на фирму, так? То же и с батниками, обувью, марками сигарет, вкусами жвачки. Сотня позиций есть?

— Ну-у-у, около того! — удивлённо протянул фарцовщик, с уважением взглянув на Ваньку.

— Джинсы в финансовом выражении у тебя, небось, по группе «А» проходят? — продолжал напирать «товарищ маркетолог», — Ну, самый большой доход приносят? А что бы ты ещё рядом поставил по аналогичной джинсам финансовой значимости?

— Ну да, джинсы — это наше всё! — охотно признал Тимофей Емельянович, — Беру я их у брательника, а что ты хочешь, ему тоже как-то надо жить! Так вот, беру я их у него от ста до полтораста рублей, отдаю людям от двухсот до трёхсот рублей. В общем, накручиваю до ещё одной цены сверху, а иначе просто нельзя, риск уж очень большой в нашем деле, Ваня. Что рядом бы поставил? Ну тут у кого как, а у меня, например, кроссовки хорошо пошли. Ты вот сегодня поздно приехал и чеховские «Ботасы» у меня взял, а с утра я шесть пар бундесовских «Адидасов» толкнул. Слыхал про «Адидас»? Впрочем, прости, откуда ты там в своей деревне мог про «Адидас» слышать, который только-только появился у нас в Союзе. А шесть пар таких кроссовок по прибыли почти как пара американских штанов!

— Ясно, дядь Тима, я так и думал, — кивнул Марк своим мыслям, — С категорией «Б» мы с тобой без компа, гм, то есть, я хотел сказать, без калькулятора сразу не разберёмся, а потому скажи-ка мне вот что, дядь Тим. В хвостах у тебя, скорее всего, жвачка, сигареты и бабская косметика? Или я что-то пропустил?

— Да нет, Ваня, — утвердительно кивнул Тимофей Емельянович, заставив Марка неволью улыбнуться от воспоминания о неизменном ступоре впервые слышащих подобный ответ иностранцев, — Всё именно так и есть! Только я бы в эти хвосты, как ты их называешь, добавил бы носки и нижнее бельё. Но опять же, Вань, у кого-то они неплохо расходятся, а у меня вот как-то с самого начала не задалось. Убрать надо бы это всё из продажи, Ваня.

— Ни в коем случае, дядь Тим! — горячо возразил Марк, — Мы же собираемся развивать твоё дело, а не прикрывать, ведь так? А ты собственными руками хочешь избавиться от женского покупательского сегмента! Наоборот, надо расширить ассортимент женской парфюмерии и косметики в сторону более широкого набора тонов и запахов, а также чётче отслеживать малейшие колебания модных тенденций. Как только уловил падение спроса, связанное со сменой моды, тут же распродавай перестающий быть модным товар, опускаясь в цене вплоть до его себестоимости и даже ниже!

— Да как же так можно, Вань? — заволновался Тимофей Емельянович, — Каждый товар себя окупить должен, прежде всего, это закон коммерции, а иначе ты просто в трубу можешь быстро вылететь! Я, Ваня, почитай, уже лет десять в этом худо-бедно, но кручусь!

— А не надо худо-бедно крутиться, дядя Тима! — улыбнулся Марк, — Крутиться надо жирно и богато. Вот ты сколько можешь вышедший из моды тон помады продавать потому, что она просто французская? Целый год до следующего Восьмого Марта или Нового Года? А если ты скинешь её за полцены в следующее же воскресенье тому, кому этот тон на самом деле идёт? И если ты на эти же деньги закупишь более модный тон, то как быстро ты его толкнёшь? За месяц точно? А сколько в году таких месяцев, а, дядь Тим? Ну-ну-ну-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у!

— Приехали, Ванюша! — ошарашено выпалил Тимофей Емельянович, неожиданно ударя по тормозам, — Это ж сколько я денег за эти годы потерял, а? Вот до чего жадность может глаза застить![i] Пошли, Ваня, мы ведь и в прямом смысле приехали. Вот мой дом!

Ванька, как и его симбионты, всего лишь неделю проживший в Новосибирске и, точно так же как и его симбионты, никогда доселе не видевший Новосибирского Академгородка, с

каким-то восторженным удивлением уставился из глубины своего левого василькового глаза на буквально утопающий в зелени коттедж.

Марк, вынужденный смотреть на окружающий мир только правым васильковым глазом, попытался окинуть это чудо своим более критическим взглядом, но добился в результате только того, что от подобной десинхронизации управляемый им глаз нервно задёргался, словно новейший американский дрон, попавший под раздачу мощнейшей российской системы радиоэлектронного подавления.

— Батя у меня академиком был, царствие ему небесное, — с гордостью пояснил Тимофей Емельянович, по-своему расценивший поведение Ванькиных васильковых глаз, — Вот и оставил в наследство. Кое-кто хотел поначалу отжать хоромину после его смерти, мол, не положено, получите жильё равноценной площади и всё такое, да не тут-то было! Матушка до самого Брежнева в Москве дошла, а тот батюшку ещё с войны помнил по Малой Земле. В общем, этому кое-кому тогда крепко досталось, а нас в покое оставили.

После того как новоявленный Ванькин работодатель сам открыл ворота и заехал во двор, по-деревенски стеснительный Ванька вновь забился подальше в уютную нишу за левым глазом, предоставив Марку почётное право мучительно вспоминать правила советского этикета из немалого количества просмотренных им фильмов этой поры.

— Папа Тима, — донёсся откуда-то из глубины дома слабый девичий голосок, — Это ты?

— Я это, доча, я! — откликнулся Тимофей Емельянович, — Но я не один, Машенька, у нас сегодня очень интересный гость. Представляешь, он три языка знает и в джинсе понимает!

— Подумаешь, — пробормотал Марк, — Я ещё и вышивать могу, и на машинке... тоже...[ii]

Как бы тихо ни произнёс это Марк, но, тем не менее, Тимофей Емельянович, судя по его брошенному на Ваньку мимолётному дикому взгляду, всё-таки как-то расслышал того, но, по всей видимости, не читал известной книги Эдуарда Успенского и не смотрел снятого по ней замечательного советского мультфильма.

В отличие от заменившей ему родную дочь семнадцатилетней племянницы, кажущейся четырнадцатилетней из-за своего от природы небольшого роста и болезненной худобы, затронувшей не только тело, но и впалые щёки и резко обострившиеся скулы на её до сих пор симпатичном, несмотря на страшную болезнь, лице.

Опирающаяся о дверной косяк своей выходящей в гостиную комнаты девушка стояла в дверях и тихонечко, как, наверное, по ночам звенят только майские ландыши, смеялась невольно вырвавшейся у Ваньки шутке о его умении вышивать.

— Папа Тима, — не прекращая своего серебристого смеха выговорила девушка, — Это же из мультика! Ну помнишь, когда вы с мамой Олей меня пару месяцев назад в Дом Учённых возили на закрытый просмотр какой-то дурацкой американской комедии, а перед этим там показали новый мультик про мальчика со странным именем Дядя Фёдор?

— Тебе же нельзя вставать, Машуля! — с укором выдавил из себя плотающий ком в горле Тимофей Емельянович, — И куда, кстати говоря, смотрит мама Уля? Вот я вам всем задам!

— Солнце светит, шепчут листья, — не сдержавши нахлынувших вдруг на него чувств, взяв Машу за обе руки и глядя ей прямо в по-кошачьи жёлто-зелёные радужки глаз, всё так же тихо, но уже нараспев начал декламировать Марк.

На полянке я один.

Под кустом в траве росистой

Кто звенит динь-динь?

Это ландыш серебристый

Смотрит в ласковую синь.

Колокольчиком душистым

Он звенит: динь-динь... [iii]

— Точно! — смущённо кашлянул в кулак Тимофей Емельянович, — Как с Машиного смеха списано. Так ты, Ванюша, ещё и стихи пишешь? Ой, да что же это я, Маша, познакомься, это — Ваня! Ваня, это — Маша! Ладно, молодёжь, вы тут пока чирикайте, а я разогрею что-нибудь к обеду и минут через десять-пятнадцать жду вас на кухне, договорились?

— Маркуха! — неожиданно и взволнованно закричал вдруг высунувшийся из подсознания Петрович, — Ради бога, поддержи её руки хотя бы ещё минут пять! Только ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах не разжимай своих ладоней. Это очень важно, Марк!

Впрочем, ни сам Марк, ни, тем более, Маша, этих слов так и не услышали, а разомкнуть их сомкнутые вместе ладони в эти минуты не смогла бы ни одна материальная сила ни в одном из обоих параллельных миров, настолько эти двое молодых людей были сейчас вне всякого физического времени и пространства.

— Хм, — недоверчиво хмыкнул Петрович, срачивая их ладони крохотными кровеносными капиллярами, — Ну да, всё верно, как я и думал, Федот да не тот, то есть, я хотел сказать, мужики, это не просто рак, это рак кроветворной системы или, другими словами, острый лимфобластный лейкоз. Проще говоря, лейкемия или, чтобы уж совсем было понятнее, белокровие. Вот видите, впрочем, вы-то как раз и не видите, но белые кровяные тельца, то есть лейкоциты почему-то не могут созреть до конца и дорасти до полноценных рабочих клеток, вместо чего быстро и бесконтрольно делятся. Больные клетки активно вытесняют здоровые и занимают их место в костном мозге, в результате чего работа кроветворной системы всё чаще и чаще даёт сбои. А поскольку кровь питает весь организм, сейчас у девушки поражены уже практически все жизненно важные системы! Всё, Марк, можешь с ней расцепляться и не строить из себя влюблённого Деда Мороза, ибо ей не суждено стать твоей Снегурочкой, потому как До Нового Года она просто не доживёт!

— Эй вы там, Иван да Марья! — донёсся из столовой преувеличенно бодрый голос Тимофея Емельяновича, — Кушать подано, прошу к столу! Маш, мне сегодня твою любимую печень трески удалось достать через дядю Рафика и немного гранатов, так я тут тебе свеженького сока навывжимал! Ванюша, проходи к столу, давай-давай, не стесняйся!

— Петрович! — звенящим от волнения голосом взмолился очнувшийся Марк, — Помоги! Ты же теперь всё что угодно можешь сделать с любым человеческим организмом, я же знаю!

— Всё может только Господь Бог, Марк! — мрачно изрёк эскулап, — А её болезнь уже дошла до крайней стадии. И, пожалуйста, не забывай, что я всё-таки не онколог и не гематолог, а всего лишь хирург! Ладно, не кипешуй! Попробовать-то можно, дай мне время подумать.

— Мама Уля! — слабо улыбулась Маша вошедшей в гостиную красивой, несмотря на уже немолодой возраст статной женщине с грустными глазами, — Познакомься, это мой

новый друг Ваня, которого привёз папа Тима и, который как тот кот Матроскин всё может.

— Ульяна Васильевна! — с улыбкой представилась женщина, убедившись, что с девочкой всё в относительном порядке, — Но лучше тётя Уля, меня так мои маленькие пациенты в детской поликлинике зовут, где я работаю. Сегодня тоже, кстати, пришлось подежурить до обеда, людей-то не хватает, все в отпусках. Ну а ты как себя чувствуешь, доченька?

За большим и почти квадратным обеденным столом, наверное, по заведённому невесть с каких времён порядку, все ели почти молча, изредка обмениваясь короткими просьбами что-либо подать или, наоборот, взять и попробовать что-то особенно вкусное.

— Марк, — обратился к нему принявший какое-то решение Петрович, — Попроси Машу съесть побольше печёнки, а Ульяну Васильевну — положить ей больше мяса. Да знаю я, что она почти ничего не ест, но ты всё-таки попроси! И пусть выпьет побольше жидкости, можно и гранатового сока, хотя толку от него сейчас... А лучше передай мне управление телом! Осторожнее, я ещё не перехватил, сейчас у тебя вилка из пальцев вывалится!

Все сидящие за столом, включая и самого Ваньку с его камарильей, невольно вздрогнули, когда всё-таки неудержавшаяся в руке вилка оглушительно звякнула о край пирожковой тарелки, а нанизанный на зубья кусочек тресковой печёнки вылетел и, описав красивую дугу, плюхнулся, как нарочно, прямо в Машину тарелочку.

— Кушай, Машенька! — подмигнул Петрович как ни в чём не бывало, — Тебе сегодня будут нужны белки, очень-очень много разных белков. И сока постарайся выпить побольше! А по поводу тошноты не беспокойся. Дай-ка мне на минуточку свою руку. Всё, по крайней мере, сегодня ты уже не будешь испытывать тошноту. Ешь давай, пожалуйста, ешь!

— Кто ты? — испугано отшатнулась Маша от Ваньки, — Ты же не Ваня! У тебя глаза совсем другие какие-то, хоть и васильковые, но всё одно другие! Я уж не говорю про твой другой голос, но он тоже стал какой-то совсем чужой! Не Ваня ты, не Ваня!

— Машенька, — шепнул ей выскочивший ненадолго Марк, — Я потом тебе всё-всё объясню! Ты только пожалуйста, поверь этому человеку, его зовут Николай Петрович и он может реально помочь с твоей бедой, вот честное-пречестное комсомольское!

— Точно как Матроскин! — рассмеялась понявшая всё по-своему Ульяна Васильевна, — Всё может, и даже другими голосами говорить. Ваня, ты в самостоятельности участвуешь?

— Участвую! — с готовностью кивнул уже вновь перехвативший управление Петрович и картинно схватился за голову, — Зачем я соврал, я же не участвую! Зачем же тогда меня тётя Уля об этом спросила? Ясен пень, зубы заговаривает![iv]

— Балабол! — рассмеялась Ульяна Васильевна и с удовольствием взлохматила Ванькины вихры, — Мы тоже любим эту комедию. А ты, Маша, ешь! Правильно Ваня говорит, что тебе нужны белки. Постойте, а зачем это вам понадобилось так много белков, молодые люди? Учти, Ваня, Маше можно только в сад выходить ненадолго, а длительные прогулки куда-то в городок ей категорически противопоказаны!

— Так мы ведь как раз и собрались пару часов в саду посидеть, тётя Уля! — на васильковом глазу почти не соврал Петрович, — Ну, может быть, и до самого ужина, не дольше!

— А когда же тогда мы с Ваней о наших делах поговорим? — растерянно спросил Тимофей Емельянович, — Я же специально для этого его к нам сегодня и привёз! Дело в том, что на нашей Болотнинской швейной фабрике скоро начнут шить джинсы из новой

советской ткани «Орбита» и здесь у нас с Ваней будут возможны разные интересные варианты!

— Ты хоть сам-то понял, что сказал, Тимоша? — скептически воззрилась на мужа Ульяна Васильевна, — Шить джинсы в Болотном, это всё равно, что собирать, к примеру, «Форд» где-нибудь в Елабуге! Почему в Елабуге? Да откуда ж я знаю, так просто ляпнула первое, что в бабий ум взбрело. А о делах поговорит ещё всегда успеете, ты бы лучше о Машеньке подумал, «интересный вариант»! Когда к ней последний раз друзья заходили, а? Вот то-то же! Так что, иди и помоги девочке устроиться, вечера-то холодные пошли...

Пристыженному Тимофею Емельяновичу только и оставалось, что послушно вынести в сад по настоятельным просьбам Петровича и Ульяны Васильевны пару шезлонгов, столик, несколько бутылок минеральной воды, а также заботливо укрытую полотенчиком корзину с ещё горячими ливерными и ягодными пирожками.

— Я бы, Машенька, конечно, лучше бы лёг с тобой «валетом», — деловито разъяснял той Петрович некоторое время спустя, — Или даже лучше в шестьдесят девятой позе, чтобы охватить как можно больший круг кровообращения, но тогда, может статься, нас с тобой могут неправильно понять. А потому давай-ка сядем бок о бок, протянем внахлест друг другу наши ручки, закроем глазки и глубоко расслабимся. Вопросы есть?

— Есть, Николай Петрович! — подняла руку Маша, — А что это за шестьдесят девятая поза?

[i] В этом месте автор вынужден заметить, что подобная ситуация с неликвидными товарами во многих российских торговых компаниях происходит сплошь и рядом и это, к великому сожалению, отнюдь не авторский вымысел стороннего дилетанта. На совести автора, как минимум, три таких случая, когда ему так и не удалось убедить руководство торгующих организаций снизить цены на неликвиды до предельного уровня. В одном случае это были морально устаревшие плазменные панели, в другом, вышедшие из моды солнцезащитные очки, в третьем, продукты с истекающими сроками хранения. Во всех случаях не глупые владельцы компаний так и не смогли разобраться в оборачиваемости товарных запасов...

[ii] Фраза из советского мультипликационного фильма «Трое из Простоквашино», снятого в 1978 году режиссёром Владимиром Поповым по мотивам повести Эдуарда Успенского «Дядя Фёдор, пёс и кот».

[iii] Стихи Н. Френкель «Ландыш». Более подробных сведений об авторе и об этом произведении найти, к сожалению, не удалось. Буду признателен за любые достоверные сведения с указанием их источников.

[iv] Слегка перефразированная цитата из советской эксцентрической кинокомедии «Бриллиантовая рука», снятой в 1968 году режиссёром Леонидом Гайдаем.

Отступление о джинсовой проблематике семидесятых годов Советском Союзе

Правда или нет, но считается, что джинсы, рабочие штаны из плотной хлопчатобумажной ткани с проклёпанными стыками швов на карманах, которые Ливай Штраус придумал в 1853 году как спецодежду для фермеров, появились в Советском Союзе только спустя сто лет, во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 года,

К описываемому книгой временному периоду, рабочие штаны американских колхозников превратились для многих советских граждан в объект самого что ни на есть настоящего вещественного культа, повод для сторонней зависти и предмет личной мечты, имеющий скорее демонстративно статусный, чем практически утилитарный характер.

Носить джинсы в СССР, разумеется, никто из власть предержащих никогда официально не запрещал, хотя и не поощрял, а борьба с подобным «вещизмом», если только где-то и велась, то всегда имела сугубо показушный характер, поскольку одевать их не чурались и работники партийно-комсомольской номенклатуры.

С другой стороны, важно отметить и тот факт, что вопреки распространённому в статьях о советской джинсовой революции мнению о каком-то мифическом «духе свободы», якобы олицетворявшим данное изделие американских швейников, для счастливых обладателей синих штанов всё это едва ли носило какой-то идеологически наполненный смысл.

Другое дело, что, за исключением валютных магазинов торговой сети «Берёзка», купить настоящие «штатовские» джинсы, а превыше всех остальных ценились именно они, было, действительно, невозможно по причине их отсутствия в прочей советской торговле.

Не заметить столь остро ощущаемый в стране неудовлетворённый спрос, перешедший в подлинную джинсовую лихорадку, мог бы, наверное, только слепоглухонемой, и в конце семидесятых годов в страну завезли хотя и довольно большие, но всё же ограниченные партии индийских джинсов под торговыми марками Miltons, Avis и Majestic, уступающих джинсам американских брендов по многим потребительским качествам.

Разными путями завозились в страну и ещё менее ценные с потребительской точки зрения джинсы социалистических стран — немецкие Boxer и Vizant, болгарские Рила, венгерские Trapper, польские Odra и прочая подобная продукция.

Однако, «фирмой» всё же считались наиболее известные западные марки джинсов Levi's», Wrangler, Lee, Rifle, Montana и Texas, а к началу восьмидесятых годов появились и менее известные SuperPerrys, Weekend, KitCarson, Riorda и многие другие.

Одним из главных признаков фирменных джинсов считалось их свойство «тереться», что проверялось непосредственно при покупке с помощью наклюявленной спички, которую тёрли по джинсовой ткани, и которая слегка окрашивалась в синий цвет в том случае, если брюки, как считали такие «эксперты», имели фирменное происхождение.

Более искушённые «народные» эксперты определяли соответствие джинсов не только по таким очевидным атрибутам как надписи на ярлыках или упомянутая стойкость окраски, но и по таким более мелким деталям как цвет лейблов или ниток, расположению заклёпок, рисунку строчки на карманах, графике логотипов, скрытым заклёпкам и закрепкам и т. д.

«Фирму» завозили в страну возвращающиеся из заграницы специалисты и дипломаты, члены экипажей морских и воздушных судов, члены спортивных команд и творческих

коллективов, после чего продавали знакомым, часто перепродававших её затем на так называемых толкучках и барахолках с оправдывающей любой риск торговой наценкой.

Норма личного провоза составляла при этом только две пары, поэтому третья одевалась на себя, но, разумеется, многие на этом не останавливались и напяливали на себя столько драгоценных фирменных штанов, что, говорят, один из лётчиков международных рейсов не смог после этого влезть в своё кресло пилота.

А в 1978 году старший тренер сборной СССР по горнолыжному спорту Леонид Тягачёв был задержан на таможне в международном московском аэропорту Шереметьево-2 при попытке контрабандного провоза около двухсот (!) пар джинсов, которые он спрятал в коробках от горнолыжных ботинок...

Однако, спрос рождает предложение, а потому неудивительно, что на Малой Арнаутской улице либо где-то ещё, но таки точно в портовом городе Одессе, в середине семидесятых годов появились первые в СССР подпольные цеха по пошиву контрафактных джинсов на основе контрабандной ткани и фурнитуры.

Качество джинсов подпольного производства варьировалось в широких пределах, начиная от приёмого у знаменитых одесских портных и заканчивая сомнительным у цыганских мошенников, но в основной своей массе они более или менее приближались к оригиналу, а их стоимость была демократично доступной для простых советских тружеников.

Итак, правдами или неправдами в страну завозились джинсы известных мировых брендов, поставлялись менее привлекательная продукция из Индии и социалистических стран, не покладая рук трудились подпольные цеха, но джинсов всё равно не хватало.

И тогда, в 1977 году на Родниковском меланжевом комбинате «Большевик» в Ивановской области, взяв за основу американский деним, из которого шили легендарный Levi's, наконец-то начали выпускать джинсовую ткань с претенциозным названием «Орбита».

По воспоминаниям многих советских потребителей того времени, основным недостатком отечественной джинсовой ткани стало отсутствие ярко выраженного у крашенных индиго тканей красивого эффекта специфичной линялости потёртости, проявляющегося в местах сгибов штанин и выпуклых частях швов после непродолжительной носки.

Применение такого нестойкого натурального красителя как индиго было категорически запрещено соответствующим советским ГОСТом, а потому сшитые из «Орбиты» брюки так же категорически отказывались линять и стойчески выдерживали самые садистские ухищрения с кирпичной крошкой и лучшими отбеливателями.

Кроме того, отечественные ткацкие автоматы были плохо приспособлены для выработки тяжелых джинсовых тканей и, если по прочности продольной нити «Орбита» была близка к американскому прототипу, то поперечная нить уступала ему в этом отношении вдвое, из-за чего джинсы растягивались в одном направлении и пузырились в коленках.

И, наконец, набивший уже всем оскомину фактор той самой «культуры производства», над которой отечественные производители с переменным успехом бьются и до сих пор и из-за которой ткань не всегда проходила через специальную усадочную машину либо же это осуществлялось крайне небрежно, а брюки очень сильно «садились» после стирки.

Первыми джинсами, пошитыми из первого отечественного денима стали джинсы

«Веря», которые выпускались в Московской области на Верейской швейной фабрике с конца 1977 года с плетёным ремешком на пряжке, были удостоены государственного Знака качества и стоили от 18 до 40 рублей за пару.

Примерно в этот же период (?) джинсы стали производить и в Новосибирской области на Болотнинской швейной фабрике, но, несмотря на личный опыт ношения, автору так и не удалось найти непротиворечивых друг другу сведений о происхождении применённых в этих изделиях ткани, лекала и фурнитуре.

Тем не менее, без зазрения совести воспользовавшись законами жанра и, особенно, тем, что описанные в романе параллельные вселенные не имеют никакого отношения к нашей реальности, автор вольно поступил с некоторыми фактами истории джинсов в СССР...

Глава седьмая, в которой главный герой продолжает лечить, калечить и учить

КТО Я? ГДЕ Я? И НАКОНЕЦ КОГДА Я? НЕТ, КАК МЕНЯ ЗОВУТ, Я ЕЩЁ ПОМНЮ МОЁ ИМЯ — НИКОЛАЙ, ВПРОЧЕМ, НУ ЧТО Я ЭТО ГОВОРЮ, МЕНЯ ЖЕ МАРИЯ ЗОВУТ! ИЛИ ВИТАЛИЕМ? МИХАИЛОМ? КАК ТАКОЕ ВОЗМОЖНО, РАЗВЕ МОЖНО БЫТЬ НЕСКОЛЬКО ИМЕН У ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА? А ЧЕЛОВЕК ЛИ Я ВООБЩЕ? ЕСЛИ Я НЕ ЧЕЛОВЕК, ТО КТО? ВОТ ЧТО ЗНАЧИТ ПРАВИЛЬНО ЗАДАТЬ ВОПРОС МНЕ СЕЙЧАС НЕСКОЛЬКО ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ МЕНТАЛЬНЫХ ПОТОКОВ И ВСЕ ОНИ КАКОМ-ТО ВОСТОРЖЕННОМ УПОЕНИИ КРИЧАТ, ЧТО МЫ — ОДНО ЦЕЛОЕ!

— Больной Шкворин Иван Ильич, возраст — семнадцать лет. Поступил восемь дней назад из токсикологического отделения, куда попал после, как там полагают, змеиного укуса, сильнейшей интоксикации и последующего анафилактического шока.

— Можно подумать, уважаемая Софья Борисовна, что ядовитые змеи в Западной Сибири попадают на каждом шагу. Интересно, гадюка, полоз, или щитомордник? Хотя, полоз и щитомордник, вроде как южнее должны обитать, нет? Впрочем, это абсолютно неважно, поскольку я и так со всей определённой уверенностью могу заявить, что никаким змеиным укусом здесь, пардон, даже и не пахнет. Анафилактический шок? Да! Токсическая кома? Тоже, знаете ли, да! Но вот вопрос, что вызвало такой сильнейший анафилактический шок?

— В его анамнезе, Натан Моисеевич, отмечены похожие на укусы множественные мелкие нарушения анатомической целостности кожных тканей на внутренней поверхности обеих ладоней, зарегистрированные прибывшим по вызову дежурным врачом «скорой помощи» при первичном осмотре. Однако, на следующее утро врачи токсикологического отделения не подтвердили наличия этих нарушений, о чём и сделали соответствующую запись.

— А я, разлюбезная Софья Борисовна, всегда говорил, говорю и буду говорить, что наши врачи, дежурящие на станции скорой помощи давно уже, пардон, мышей не ловят и что хорошо умеют делать, так это только пить и есть! Или наоборот, сначала есть, а потом уже только пить. Как один их лысый, но усатый коллега из Ленинграда. Впрочем, это тоже не имеет значения, потому как гадюка в Академгородке — это уже нонсенс какой-то, нет? Где вы такое ещё видали, чтобы гадюка многократно на людей бросалась, словно какая собака бешенная? Множественные укусы, ха! Её что, науськивали на молодого человека?

— Скажете тоже, науськивали, Натан Моисеевич! Больной ведь во время предполагаемого укуса находился в гостях у нашей Ульяны Васильевны из педиатрического отделения. Да-да, у той самой, у которой дочь непонятным образом от острого лейкоза излечилась...

— Хм, а и впрямь, как-то не очень понятно, милейшая Софья Борисовна. У нас ведь от чего лечатся, тем и калечатся! Да шучу я, голубушка! Никуда не денешься, профессиональная деформация, так сказать. Подождите, наш больной очнулся! Или, по крайней мере, он, заметьте, без нашей просьбы открыл глаза, а это уже даёт ему целых четыре балла по шкале комы Глазго. А потому, попробуйте-ка освободить его от вентиляционной маски под мою ответственность. Тэк-с, прекрасно, больной, а теперь, если вы меня слышите и понимаете, то попробуйте-ка трижды подмигнуть мне каким-нибудь своим глазом!

— Доктор, я дико извиняюсь, ясен пень, но готов подмигивать только для

прекраснейшей Софьи Борисовны и сколь угодно раз, особенно, если вы мне поясните, чем я мог бы ещё ей подмигивать, кроме своих собственных васильковых глаз? Или, неужто, м-м-м...

— Хе-хе, голубчик, ну хорошо-хорошо, не голубчик, а просто больной, шутить изволите? Тогда, дражайшая Софья Борисовна, добавьте-ка ему ещё шесть баллов за двигательные реакции и пять за осознанную речь. Сколько там у него набежало, пятнадцать? Отлично, больной, полагаю, реабилитационные мероприятия в вашем случае не затянутся. А если вы и дальше намереваетесь подкатывать свои зелёные помидорчики к лучезарнейшей Софье Борисовне, то я готов вас выписать уже сегодня, нет, в течение часа, немедленно!

Вот таким образом мне удалось выписаться из реанимационного отделения почти сразу же после того, как я сам же и вывел себя из искусственно вызванного мною коматозного состояния, находившаяся все эти дни рядом мама подписала необходимую форму отказа, а ревнивый и старомодный зав отделением необычайно шустро оформил всё остальное.

Думаю о себе в первом лице единственного числа и становится как-то уж очень одиноко, хоть волком на луну вой, ибо давно отвык от эгоцентрической модели мира. В последнее время больше мнил о себе в первом лице множественного числа, сам себе напоминая при этом какого-нибудь завязтого самодержца. Мы, Бурухтан второй второй, поскольку просто Бурухтан второй был мой папа, а так, в нашей Бурухтании всё очень хорошо, хи-хи-хи![i]

Но случилось то, что и должно было в конце концов случиться с душевно здоровым и полным сил молодым человеком, Бурухтан побери этот гребанный гомеостазис! Помню, как та моя часть, которая прежде звалась Петровичем... Итак она звалась Петрович, ха-ха!

Ой, да не обращайтесь внимания на мою временную неадекватность, ненаглядная Катерина Матвеевна, это у меня от избытка антител и гормонов, которыми я до сих пор ещё пичкаю свой молодой организм, дабы окончательно очистить его от попавших в кровь Машкиных химиотерапевтических агентов, свободных радикалов и прочих продуктов расщепления.

О чём это я? Ах да! Так вот, помню, как та моя часть, которая прежде звалась Петровичем, орала Виталию, что возникли, гм, серьёзные проблемы с производительностью стволовых клеток, что Петрович в, гм, очень серьёзном цейтноте, что наши ментальные потоки, гм, очень серьёзно ему мешают и, чтобы, гм, очень нехороший человек Виталий немедленно переводил мозг нашего, гм, очень общего реципиента в трансное состояние.

Виталий же, осознал всю серьёзность проблемы нашего внутреннего мед обеспечения, как всегда, с высоты своей технологической колокольни и ничтоже сумняшеся перевёл наш всеобщий мозг, как он потом выразился, в некий «защищённый режим», в результате чего изнемогающий от недостаточной мощности нервных импульсов мозг навсегда объединил все наши пять разобщённых ментальных потоков в один общий мощный поток.

Скажу честно, я пока не знаю ещё, чем это мне аукнется в будущем, но освобождённый от многих необходимых для активной жизни процессов организм за подаренную ему неделю довольно таки основательно почистил отравленную кровь, что в конечном итоге вылилось для него в ещё большую и откровенно болезненно выглядящую худобу.

Кто ж знал, что в крови уже привычной ко всему больной, находящейся на крайней стадии лейкемии, окажется так много ядовитой химии, от которой даже крепкий и молодой, но не привыкший к ней организм Ваньки Шкворина просто чуть не загнулся и ради сохранения собственной жизни использовал все доступные ему ресурсы.

Кто ж знал, кто ж знал... Вот кто-кто, а я-то уж должен был знать, медицинское светило двадцать первого века, мля! Ну да ладно, главное, девчонку спас. Сидит сейчас рядом со мной, чудо синеглазое, положив голову мне на плечо, и никуда одного не отпускает. Ну, или почти никуда, хе-хе. Времени для восстановления ей было отпущена целая неделя, и её прекрасный метаболизм воспользовался этим сполна, трансформировав болезненную худобу в изящную и стройную миниатюрность.

Мы опять, как и более недели тому назад, сидим в саду, но уже в несколько расширенном составе, дополнительно включающем на сей раз и супружескую чету в виде необычайно серьёзного Тимофея Емельяновича с преданно глядящей на меня Ульяной Васильевной, собирающихся, по их словам, сделать какое-то важное заявление.

Что касается мамы, то она уехала сразу, как только хорошенько выплакалась и убедилась, что её сыну более ничего не угрожает, ибо надолго оставлять без надлежащего присмотра полный гадящей живности деревенский двор было бы, с её точки зрения, большим злом, нежели довериться благоразумию своего не по годам самостоятельного балбеса.

— Ванюша! — как-то по-особенному торжественно начал Тимофей Емельянович, — Мы тут с Ульяной Васильевной посоветовались и пришли к единодушному мнению, что не к чему тебе ютиться в студенческом общежитии. Не перебивай, пожалуйста, Ванюш! Ты даже не представляешь, как мы благодарны тебе за спасение самого дорогого для нас человека, а предложить разделить общий кров будет самым малым выражением этой благодарности! От денег ты категорически отказываешься, не перебивай, пожалуйста, но, в таком случае, ты не сможешь отказать нам стать для тебя родными людьми!

— Хм, дядь Тим, тётъ Уль, — тяжело вздохнув, начал я, — Как вы это себе представляете? Простите, но сыном я вам стать не смогу, у меня мама есть! За предложение разделить общий кров, как бы это пафосно ни звучало, я по любому вам искренне благодарен, но, даже и в этом буду вынужден отказать, поскольку жить в студенческом общежитии для студента на первом курсе обучения более предпочтительно, поймите меня правильно!

— Да понимаем! — ответно вздохнул Тимофей Емельянович, — Сами ведь тоже студентами когда-то были. Но ты понимаешь, Вань, пока ты лежал сначала в токсикологии, а потом и в реанимации, Маша заставила нас подать её документы в приёмную комиссию твоего же электротехнического института, на тот же факультет и специальность, что и у тебя. И, как ты тоже, надеюсь, понимаешь, не хочет расставаться с тобой ни на минуту!

— Ну что ж, — расплылся я в широкой улыбке, — Значит, будем жить с ней в одной общаге!

— И даже в одной комнате! — довольно мурлыкнула трущаяся своей розовой щёчкой о моё верное дружеское плечо Маша, сгоняя дебильную улыбку с моего враз охреневшего лица.

— Мы, Ваня, уже подумали и о таком варианте развития событий, — вздохнула уже Ульяна Васильевна, — У меня, как у человека, заменившего Маше родную мать, честно говоря, по этому поводу двойственное чувство, но соображения Машиного здоровья перевешивают всё остальное, мелкое и обывательское. Я ведь, как медик, могу организовать Машеньке соответствующую справку, и наша хорошая знакомая в ЗАГСе вас быстренько распишет.

Я сидел среди утопающего в летней зелени сада своих новых знакомых, кругом

чирикала какая-то мелкая птичья сволочь, благоухала какая-то жимолость или что там ещё, короче, что-то источало свои назойливые ароматы, а я продолжал тихо охренивать, уставившись на особо наглую жёлтую синицу, подползшую особо близко к тазику с моими любимыми жареными пирожками. Ливерными, между прочим. И картофельными тоже. А с капустой я как-то не очень. После капусты меня обязательно пучит по-взрослому. Или это кого-то из моих альтерэгов пучило? Ваньку точно не пучило. Может быть, Петровича пучило?

— До зачисления я могу, конечно, и у вас пожить, — ушёл я от окончательного ответа, ибо в ситуации перманентного охренивания от предложения, некоторым образом расходящегося с нормами морали даже толерастного двадцать первого века, никак не мог определиться со своим отношением к сложившемуся положению, — Ну а там и обсудим всё остальное!

Идиллию по-летнему ласкового летнего вечера внезапно нарушила серия длинных и явно требовательных звуков автомобильного клаксона, донёсшихся из-за высоких ворот вместе с не менее требовательным тарабанящим стуком в приворотную калитку. Или как там она ещё называется? Разве приворотным может быть только некое зелье или же калитку рядом с воротами тоже можно назвать приворотной? Короче говоря, кто-то настойчиво требовал внимания хозяев сразу по двум альтернативным каналам звукопередачи. Нет, с этим надо что-то делать — после слияния ментальных потоков я, то откровенно туплю, то извергаю подобные псевдоинтеллектуальные перлы. Вот такой умный, но до сих пор бедный.

— Один серьёзный человек срочно хочет меня увидеть, — хмуро пояснил вернувшийся от калитки Тимофей Емельянович, — Так что, ребятки, придётся продолжить нашу беседу как-нибудь в другой раз, сегодня я, скорее всего, вернусь очень поздно.

— Впиши-ка и меня в протокол встречи, дядя Тима! — как-то вдруг неожиданно вырвалось у меня в то время, как сам я уже вставал и набрасывал на себя джинсовую куртку, — Мы же с тобой, кажется, договаривались, что я сопровождаю тебя на всех подобных встречах!

Тимофей Емельянович на это только быстро взглянул мне прямо в глаза, кивнул и, резко развернувшись, молча пошёл по направлению к калитке. Двинулся за ним и я, освободив свою руку из цепких Машиных рук, каждую секунду ожидая каких-то лишних слов или, не дай бог, даже возможной в таких случаях женской истерики. Не дождался и понял, что последнее слово в этой патриархальной сибирской семье всегда остаётся за мужчинами.

Ехать нам с Тимофеем Емельяновичем пришлось в этот раз уже не на его «буханке», а на заднем сиденье прибывшей по его душу новенькой серой «Волги», но, несмотря на более мягкую подвеску и относительно роскошный по этим неизбалованным временам салон, комфортнее от этого поездка для нас по понятным причинам ничуть не стала

Никак не способствовали повышению комфортности этой поездки и молчаливо сидящие впереди слоноподобный водитель с нашим чрезмерно татуированным сопровождающим, с самого начала лениво процедившим, что, мол, на месте нам всё объяснят, если, конечно, только сочтут это нужным. На меня, то есть, худющий после недельной комы организм семнадцатилетнего Ваньки Шкворина, при этом вообще посмотрели как на пустое место.

Дачный домик на берегу какой-то речушки, к которому мы наконец подъехали, против моего ожидания отнюдь не выглядел мрачным и, более того, был со всех сторон хорошо

подсвечен стоящими по его периметру импровизированными садовыми фонарями, скорее всего, мастерски переделанными из обычных автомобильных подфарников.

— О, какие люди! — распахнул руки в наигранном приветствии вышедший нам навстречу худощавый тип ничем не примечательной наружности, типичный жилистый работяга-обыватель и даже без специфичных татуировок, по крайней мере, на открытых участках тела, — Коша, э-э, Николай Александрович, ты посмотри какой проклятый расхититель социалистической собственности к нам пожаловал! Хотел сказать, и без охраны, но нет же, телохранителем таки собственным обзавёлся. Только, видать, и правда дела у тебя, Тимофей Емельянович, не слишком-то и ладно идут, коль Геракла своего сушённого совсем не кормишь, ха-ха-ха! Ну ничего, если будет себя хорошо вести, бог даст и его сегодня голодным не оставим! Ох, какой же вы к тому же и неуклюжий, молодой человек!

И, правда, видно от ещё не до конца прошедшей телесной слабости после недельной комы меня качнуло к левому краю бетонной дворовой дорожки, левая нога уже почти привычно заплелась за правую, и, я довольно неловко упал на усеянную отборной речной галькой поверхность ухоженного двора, едва только успев вытянуть перед собой обе руки.

— Опять ты за своё, Фёдор Степанович! — без малейшего намёка на осуждения в голосе отвечивший «работяге» появившийся рядом с ним высокий седоватый мужчина более примечательной наружности, выделяющийся к тому же изысканной элегантностью в его одежде и интеллигентностью в пытливом взоре, — Доброго вечера, Тимофей Емельянович! Вы сегодня, смотрю, не один? Не представите ли нам своего неосторожного спутника?

После того, как мой компаньон довольно расплывчато представил меня своим будущим зятем и единственным оставшимся у него помощником, наша разношёрстная компания прошла в дом, где нас сразу же пригласили к богато накрытому столу, усадив спиной ко входу, что очень уж не понравилось моей боевой ипостаси, но оставило снисходительно равнодушным к этой детской уловке сверхчувствительного инвалида по зрению.

— Будь впредь осторожнее и следи за словами, — успел шепнуть мне дядя Тимофей, пока, отвлечённые каким-то телефонным звонком и вежливо извинившиеся хозяева на минуту нас покинули, — Который в галстук, так это сам Коша Ладный и есть, а который нас встречал, так это Козлодёр! Короче, Ванюша, я, честно говоря, и сам пока не знаю, что и как, но ты, главное, не волнуйся и запомни три правила при общении с такими людьми...

— Не верь, не бойся, не проси! — усмехнулся я, произнося это одними губами, поскольку в гостиную уже вернулся один из самых известных в воровской среде Новосибирска за всю его историю авторитет по кличке Коша Ладный, к которому я, благодаря воспитанию психически здоровых родителей всех моих ипостасей, не испытывал ничего кроме лёгкого брезгливого любопытства к музейному экспонату в токийском музее паразитов.

Хотя, отношение к этому уголовному авторитету у меня было несколько двойственным. Из Мишкиного спецкурса, записанного ему по всё той же технологии Хемисинк, я хорошо запомнил, что Коша Ладный помимо своих воровских дел, кои он исполнял не за страх, а, если так можно выразиться о закоренелом преступнике, за совесть, был к тому же ещё и получившим некоторое воспитание умным человеком чуть ли не с дворянскими корнями.

Однако же, ненароком отмеченная в себе двойственность чувств совершенно не означала какую-либо их противоречивость. С одной стороны, новый ментальный агломерат

уже не испытывал какого-то фанатствующего пиетета к дворянской интеллигенции в отличие от фантомной субличности Петровича, а, с другой стороны, не писался кипятком от блатной романтики в противовес Ванькиным подростковым бредням.

— Надеюсь, — с оскалом, должно быть означаящим обаятельную улыбку, произнёс хозяин, приветственно поднимая свою запотевшую хрустальную рюмку, эффектно сверкнувшую в ярком свете хрустальной же многорожковой люстры, — Вы тут без меня ещё не успели соскучиться? Давайте выпьем, закусим, а потом и к делу перейдём. Ваше здоровье!

Совершенно неумело интеллигентствующий Коша Ладный, совершенно не понятный его сподручный Фёдор Степанович и по-прежнему совершенно мрачный компаньон Тимофей Емельянович дружно выпили, а я совершенно индифферентно продолжал сидеть, ни к чему не притрагиваясь и по мере своих скромных актёрских способностей изображая из себя буквально сегодня ушибленного деревенского дурачка с приоткрытым ртом.

— Не будем долго размусоливать, граждане барыги-спекулянты-фарцовщики, нужно сами можете подчеркнуть, — продолжил Коша Ладный, на миг сверкнув желтками своих глаз в мою сторону и тем самым показывая, что моя любительская игра его ничуть не обманула, — Буквально только что уважаемыми людьми было принято, не побоюсь этого слова, историческое решение о том, что этот беспредельный, простите за выражение, бардак с фарцовщиками и цеховиками на просторах нашей необъятной Родины пора прекращать!

— Как же это так, прекращать, Николай Александрович?! — враз отвисла от неожиданности челюсть у простодушного Тимофея Емельяновича, — Да что же вы такое нам говорите?

— Итак, — снисходительно щерясь белоснежными фарфоровыми имплантами, начал Коша Ладный плести свои словесные разводы уже пойманному в эти коварные сети Тимофею Емельяновичу, — Если по поводу беспредельного бардака с вашей фарцой нет никаких возражений, то, так уж и быть, перейдём к вопросу о мотивах подобного прекращения. Но, дорогой Тимофей Емельянович, один вы ничего не решаете, а потому мы пригласили вас как одного из наиболее адекватных и уважаемых в вашей среде, дабы вы договорились меж собой о составе вашей делегации на следующий год для сходняка в Кисловодске[*ii*].

— Ладно уж, — сдался Тимофей Емельянович, желающий как можно скорее покинуть этот «гостеприимный» дом, — И что же тогда я должен передать остальным, гм-гм, коллегам?

— Да ничего особенного, дорогой вы наш Тимофей Емельянович, — примиряющее поднял руки Коша Ладный, — Ничего особенного! Скажете им только, что так, мол, и так, но бог велел делиться, а некие уважаемые люди этот благородный почин только поддерживают и хотят от вас, опять же, чисто по-божески, всего лишь десятую часть всех ваших доходов...

— А с какого это хрена мы с блатными должны делиться?! — взвился со своего места будто ужаленный компаньон, — Вы что ли стоите на барахолке в любую жару и в стужу? Вы что ли рискуете расстрельной валютной статьёй, наменивая доллары и расплачиваясь ими за товары с малознакомыми моряками, дальнобойщиками и работниками «Интуриста»? Вы что ли как проститутки пристаёте к иностранцам и унижаетесь перед ними? Вы что ли...

Договорить Тимофей Емельянович не успел, поскольку в это время один за другим будто зёрна из перезревших пшеничных колосьев за нашими спинами рухнули на паркетный

пол двое непонятных типов вполне понятной кавказской наружности, до последнего момента державшие руки на наших плечах, а потом попытавшиеся ухватиться и за шеи.

— О, оливка! — довольно ощерился я, аккуратно выуживая чайной ложечкой из своей почему-то отнюдь не хрустальной рюмки, отскочившую от мандибулы своего уже теперь лежащего за моей спиной охранника, полновесную светлую гальку. Мандибула, если кто не знает, это такая нижняя челюсть у всех, даже несознательных, позвоночных, а масса одного каменного окатыша, в просторечии именуемого галькой, при диаметре чуть более трёх сантиметров составляют около полусотни небезопасных в умелых руках граммов.

— А мне так даже маслина попалась! — кисло ощерился в ответ Коша Ладный, выуживая из своего чудом уцелевшего гранёного под бриллиант бокала для минералки, чёрный речной окатыш, — Или я должен расценивать это как чёрную метку? Я уверен, что человек столь несомненных талантов знаком с творчеством английского писателя Роберта Стивенсона!

— Вообще-то, шотландского, а не английского! — машинально поправил я вора и тут же, насколько это было возможно в данной ситуации без потери лица, отыграл обратно, так как неприятности с криминальным миром всего Советского Союза не нужны были ни мне, ни моему возрастному компаньону, — Что вы, Николай Александрович! Расценивайте это как некий аванс от бедного студента в дело нашего будущего сотрудничества! Не пройдёт и трёх месяцев, как эта чёрная галька превратится в драгоценнейшую чёрную жемчужину!

— Красиво сказал, студент, я это запомню! — с угрозой глянул на меня Коша Ладный, пряча окатыш в карманчик своего жилета, — Но и ты запомни, ты сам это сказал, никто тебя за язык не тянул! Ровно через три месяца, то есть, на ноябрьских праздниках, если только, конечно, меня за это время опять не пошлют к хозяину по очередному этапу, мы с тобой опять встретимся и прикинем, насколько выросла в цене твоя «жемчужина», лады? И я искренне надеюсь, студент, что твоя чёрная жемчужина не окажется такой же дешёвой стекляшкой, как та, которую подарила хорошему человеку одна нехорошая фрау у Лиона Фейхтвангера или такой же ядовитой, как та, которой отравилась одна египетская царица!

— Ну а теперь и с вами, дорогой вы наш Тимофей Емельянович, — повернулся вор к моему компаньону, демонстративно больше не обращая на меня внимания, — Мы великодушно простим вам, Емельяныч, сегодняшнюю горячность, ибо вы, слава богу, пока ещё нигде и ни за что не сидели. Вы же зрелый человек, Тимофей Емельянович, а не полный блатной романтики блаженный вьюнош со взором горящим, которые даже на обычной зоне только на роль, прости господи, заднеприводных девочек и годятся! Вы знаете, сколько ваших сейчас по этим зонам чалится? Вы знаете, чего стоит нам, поддерживать там, хотя бы и такой порочный, но порядок? Считайте нас профсоюзом, если вам так больше нравится, но взносы рано или поздно вам придётся платить! И лучше рано, пока вы ещё на воле, чем поздно, потому как иначе ТАМ вам придётся расплачиваться уже своим задним мостом!

Никем больше не удерживаемый за плечи Тимофей Емельянович снова вскочил со своего места и, если бы я не удержал его, повиснув на нём всеми отощавшими килограммами, то тот ринулся бы на воровского авторитета, обострив своё и без того неважное положение.

— Поймите правильно, Тимофей Емельянович, — как ни в чём ни бывало проникновенно продолжил вор, — Может быть, вам не так будет обидно, если вы от меня узнаете и другим передадите, что так или иначе, но платить вобщак придётся всем! Подо всеми я имею в виду не только вас, фарцовщиков, но и уже упоминавшихся сегодня

цеховиков, а также всех остальных представителей так называемого чёрного рынка, кои, как я уже говорил, рано или поздно, но попадутся к нам в места не столь отдалённые!

— Ни одного цеховика, Николай Александрович, я никогда не знал, не знаю и вряд ли когда узнаю. Да и на тех, кого вы называете представителями чёрного рынка, знаете ли, тоже не висит на груди табличка, как у одной несговорчивой партизанки во время казни!

— Короче, Тимофей Емельянович, передайте всем, что Коша Ладный в такого рода делах всегда придерживается одной мудрой, хе-хе, народной мудрости: «Любишь кататься, так люби и саночки возить»! И очень не любит, это тоже передайте слово в слово, когда особо умные хотят и рыбку съесть и на... Впрочем, про это я уже сегодня упоминал и это им на любой зоне завсегда обеспечат, если такие академики на воле платить не согласные...

— Николай Александрович, — вынужден был вмешаться я, — Предлагаю внести конкретику в ваше, хм, ежегодное послание, а для этого чётко классифицировать всех должников не по их довольно спорным самоназваниям типа фарцовщики, цеховики, валютчики и прочие там всякие путаны, а по их будущим статьям уголовного кодекса...

— Ты гений! — восхищённо выпалил Коша Ладный, схватил первый подвернувшийся под его руку сосуд с какой-то мутноватой жидкостью, выпил одним махом, слегка сморщился и, выскочив из-за стола, взволнованно заходил по натёртому паркету, — Это ж, ха-ха! Это ж менты всю работу за нас, урок, делать будут, Ты представляешь, Козлодёр, а?!

— А в зависимости от назначенного срока, — продолжил я ковать пока горячо по мемуарам некоторых несимпатичных мне олигархов, отсидевших различные сроки как раз где-то в эти времена, — То есть, соответственно тяжести совершённого преступления или сумме расхищенной ими социалистической собственности, можно варьировать и ставку налога!

— Вот-вот, самое то! — чуть ли не подпрыгнул от охватившего его восторга Коша Ладный, нацеливая палец на Фёдора Степановича и забывая весь свой лощённый политес, — Пиши, Козлодёр, всё пиши! Так и отпишем центровым, слово в слово, что, мол, «соответственно тяжести совершённого преступления или сумме расхищенной ими социалистической»... Э, нет, убери «социалистической», неправильно поймут! Без того еле отбрехали от этой красноты в пятидесятые, сыт по горло! Ну а остальное пиши по тексту, как Ваня говорит.

— А как же тогда быть с теми, кто ни разу у хозяина не был? — недоумённо спросил Фёдор Степанович, обращаясь больше ко мне, чем к смотрящему, — Нет дела, нет тела, что ли?

— Презумпция невиновности! — важно изрёк я, поднимая к потолку два пальца с зажатыми меж ними ещё двумя гальками, — «Нуллум кримен сине леге» или «Не пойман — не вор»!

[i] Бурухтан Второй Второй — персонаж советской кинокомедии "Неисправимый лгун", снятой режиссёром Вилленом Азаровым в 1973 году.

[ii] Имеется в виду июньская сходка 1979 года, состоявшаяся в одном из пригородных ресторанов Кисловодска и на которой была достигнута договорённость о том, что цеховики будут платить ворами 20 % от всех своих доходов за защиту их интересов перед криминальным миром Советского Союза.

Страшное отступление о чёрном-пречёрном рынке СССР и его теневой экономике

Эпоха застоя получила своё название не только в силу наличия определённых застойных явлений в пояснично-крестцовой области членов дряхлеющего советского руководства, точно так же как и джинсы в это время не являлись единственным примером дефицитного товара народного потребления, а источники добычи столь вожаденного дефицита далеко не ограничивались одними лишь воскресными барахолками.

В самом деле, незаконная торговля тем, чего нигде и ни у кого нет, но очень уж надо или просто хочется, в эпоху тотального дефицита в Советском Союзе семидесятых годов шла в отличие от государственной розничной торговли безо всякого преувеличения и днём и ночью, не останавливаясь ни на минуту даже в выходные и праздничные дни, выбирая для этого самые неожиданные и экзотические места.

Незаконность такой торговли была обусловлена, прежде всего, её сугубо спекулятивным характером и зачастую контрабандным, контрафактным, а то и откровенно криминальным происхождением реализуемых товаров, а также неизбежно связанными с этой торговлей незаконными валютными операциями, осуществлявшимися для последующих закупок товаров широкого потребления в заграничных поездках.

Перечисленные обстоятельства, усиленные несомненной системностью их проявления в СССР, позволяют с уверенностью относить их к так называемому чёрному рынку, обычно определяемому как часть теневой экономики, связанной с оборотом тех товаров и услуг, которые по тем или иным причинам не могут являться предметом законной торговли или оборот которых ограничен в данной стране.

Оправдывая определение чёрного рынка, в его оборот вовлекались дефицитные продукты питания, сигареты, жевательная резинка, виниловые пластинки и магнитофонные кассеты (с записями как зарубежных, так и советских исполнителей), мебель, ковры, хрустальная посуда и изделия из хрусталя, ювелирные украшения (в том числе и обручальные кольца) и бижутерия, импортная бытовая техника и сантехника, парфюмерия и косметика, одежда, обувь и многие другие дефицитные товары отечественного и зарубежного производства.

Причём, обращающиеся на чёрном рынке упомянутые продукты питания включали в своём составе не только такие безусловные пищевые деликатесы как, например, красную или чёрную икру, но и самое обычное мясо, тушёнку и колбасные изделия, многие виды рыбы и рыбных консервов, сгущёнку, импортные сыры, а к началу восьмидесятых годов и сливочное масло, многие виды конфет и растворимый кофе.

С нарастанием кризисных явлений в советской экономике, в теневой оборот вовлекается даже отечественная книжная продукция и подписка на целый ряд наиболее популярных периодических изданий, распространение которых было строго лимитировано, то есть ограничена некоторым кругом избранных лиц, в то время как не пользующаяся спросом среди населения политическая макулатура издавалась многомиллионными тиражами.

Ну и, само собой, подчёркивая незаконный характер чёрного рынка, на нём обращались также и иностранная валюта, многие виды антиквариата, оружие, наркотики, угнанные автомобили и другие ворованные товары, поддельные документы, услуги квартирных

маклеров и уже тогда промышлявших проституток, хотя незаконной можно было бы назвать любую торговлю, осуществляемую вне рамок государственной системы.

Ещё больше незаконность теневого оборота усугублял тот факт, что зачастую он системно вовлекал в свой круг государственные предприятия лёгкой и пищевой промышленности, а также государственные структуры оптовой и розничной торговли, которые придерживали дефицитные товары и организовывали такие ныне забытые форматы торговли, как «через забор», «с черного хода», «из-под прилавка», «по блату» или «по звонку».

Промежуточным, с точки зрения социалистической законности, вариантом выступали уже ранее описанные вещевые рынки или же, проще говоря, барахолки, торговать на которых разрешалось, за редким исключением, только подержанными вещами или же изделиями народных промыслов, но именно здесь как раз и осуществлялся основной оборот товаров чёрного рынка в эпоху тотального дефицита.

Одной из немногих альтернатив чёрному рынку для простого советского гражданина, если он только не входил в какую-либо льготную категорию, было и малопривлекательное длительное отстаивание в огромных очередях официальной государственной торговли, где он изредка мог в ограниченном количестве приобрести заветный дефицитный товар по фиксированной государством розничной цене.

Другой альтернативой были произведённые в личных хозяйствах и покупаемые на рынках или с рук продукты, составлявшие до четверти потребляемого в стране продовольствия.

Однако, торговцы колхозных и вещевых рынков, впрочем, как и ремонтники, строители, портные, сапожники, репетиторы, парикмахеры, фотографы, ювелиры, шашлычники, таксисты и многие другие категории занятых в сфере частных услуг советских граждан никогда не отчитывались по своим скромным доходам, если только не привлекались к уголовной ответственности по статье о нетрудовых доходах.

В теневом частном секторе было задействовано до 10–12 % всей рабочей силы страны или, иными словами, каждый десятый трудоспособный гражданин работал на себя или какое-либо частное предприятие, а доходы от незаконной трудовой деятельности составляли до трети всех доходов советских граждан, то есть, каждый зарабатываемый в СССР третий рубль, приходился на частный сектор экономики.

По вполне правдоподобным оценкам некоторых экспертов, сегмент чёрного рынка в СССР семидесятых годов охватывал до тридцати процентов всего потребительского рынка страны, а оборот теневого сектора экономики в целом в 1986 году оценивался согласно явно заниженных данных отчётного доклада Михаила Горбачёва на уровне около десяти миллиардов рублей.

Бесподобная живучесть чёрного рынка в СССР даже в годы его экономического расцвета семидесятых годов объясняется тем, что, несмотря на продолжавшийся рост жизненного уровня, развитие стандартов престижного потребления и связанных с ними стереотипов потребительского восприятия, а значит и самих потребностей, советская промышленность и розничная торговля были просто неспособны их адекватно удовлетворять.

Экономика СССР представляла собой вторую в мире систему общественных отношений в сфере промышленного производства, объёмы которого составляли около 20 % от мирового уровня, но при всём этом она оставалась мобилизационной, административно-командной, с

высоким уровнем милитаризации, монополизации, автаркии и разрыва между уровнем экономического развития и уровнем личного потребления его населения.

К середине семидесятых годов на потребительскую экономику СССР уходило всего лишь до 30 % промышленного производства, но даже и это относительно небольшое количество товара зачастую страдало низким качеством, отчего в стране начал ощущаться огромный зазор между спросом и предложением, который заполнялся благодаря деятельности тысяч спекулянтов, оперировавших на многочисленных теневых рынках.

К середине восьмидесятых годов, в условиях продолжавшегося ухудшения социально-экономической ситуации расширение чёрного рынка сделало его повсеместным явлением в бытовом укладе большинства советских граждан. На протяжении многих десятилетий в государственный бюджет не поступали огромные суммы, которые могли бы взиматься в качестве налогов с частных предпринимателей, что в дальнейшем стало одной из причин ещё большего углубления социально-экономического кризиса.

Глава восьмая, в которой главный герой теперь учит фарцевать фарцой фарцовщика

— Кажись, сработало! — довольно заметил я Машке, откладывая в сторону ворох газет за последние два месяца, — Вот смотри, сообщение ТАСС о, по всей видимости, взрыве на якутской скважине «Кратон-4»: «9 августа 1978 года на территории Советского Союза в соответствии с планом использования атомной энергии в мирных целях, был осуществлён подземный атомный взрыв, мощность которого составила 22 килотонны».

— И что? — непонимающе уставилась на меня Машка, подняв голову от выданной ей для проверки кипы других газет, — Они ведь там пишут, что у них всё идёт в соответствии с планом их работ, а ты говоришь, что у них после твоих анонимок что-то изменилось!

— Ну как же ты, Маш, не понимаешь, — улыбнулся я, глядя на то, как она забавно морщит свой маленький носик, собираясь чихнуть от газетной пыли, — Сегодня уже какое число? Правильно, Машенька, сегодня уже пятнадцатое сентября! Пятница, между прочим! А про подземный атомный взрыв на третьей скважине, то есть, тот самый печально известный «Кратон-3», который должен был быть осуществлён ещё двадцать четвёртого августа и натворить туеву хучу бед, у них в газетах, слава богу, до сих пор ничего нет, Машка! [1]

— Ванька, ты у меня опять не по-здешнему выражаешься?! — накинулась на меня Машка с притворным гневом в лукавых глазах, в которых снова засветилось ненасытное желание, — Вот тебе, вот тебе, вот, ага, вот так, так... Да-да, и мне тоже, и не, и мне... Вот а-а-а!!!

— Слушай, Шкворин, — томно спросила Машка, по-хозяйски закинув голое бедро на мой живот некоторое время спустя, — У тебя вообще совесть есть? Когда мы с тобой будем колхозную картошку окучивать-то? Где обещанная романтика навозных полей, Шкворин? Где героическая битва за невиданный урожай на корню погибающих корнеплодов, а? А?!

— Да ты что, Машка? — удивлённо возрился я на свою чересчур совестливую молодую супругу, с трудом разворачиваясь к ней лицом на узкой хозяйской кровати, — Мы же с тобой народ тут спасаем! А чернозём под дождём на колхозных полях пусть мои бичи месят. Наёмный труд, для нашей пользы, он, знаешь ли, нас объединяет!

— Ах ты, мой Матроскин! — вновь с готовностью потянулась ко мне растроганная Машка.

— Стоп, Машка, стоп! — в ужасе отпрянул я, вскакивая с нашей общей постели, — Машка, я же уже напоминал тебе, что сегодня пятница, а это значит, что мы с тобой должны уехать к тебе домой на выходные. Нормальной пищи хотя бы поедим и, потом, я обещал дяде Тиме помочь составить заказ товаров для его фарцы на следующие три месяца...

— Ух ты! — обрадовалась Машка, также вскакивая с кровати — А меня научишь?

— Тебе-то это, Машка, зачем? — искренне изумился я, — Мы же с тобой теперь студенты первого курса факультета электронной техники, будущие инженеры-электронщики!

— Всё, что делаешь ты, Ванька, — веско заметила Машка, — Должна уметь делать и я! На мне ведь все наши сетевики! А кроме того, ты, я надеюсь, ещё не забыл, что «и в горе и в радости, богатстве и бедности, в болезни и здравии пока смерть не разлучит нас»?

— Вот же память! — восхитился я с известной долей досады, — Прямо почти как у меня!

И какой же это дурак придумал про длинный волос и короткую память? Или там сказано про ваши умственные способности? Ладно-ладно уж, научу, только не лезь, а то не уедем!

Быстренько осуществив в специально оборудованном нами для подобных целей закутке за полотняной ширмой все необходимые интимно-гигиенические процедуры, о которых авторы даже эротической литературы в абсолютном большинстве почему-то стыдливо умалчивают, мы похватили ещё с вечера забытые рюкзаки с отобраным для домашней стирки грязным бельём и ринулись к ближайшей станции загородных электричек.

— Ты знаешь, Ванька, а я ведь только сейчас поняла, что впервые в жизни покидала своих родных больше, чем на неделю, — тихо произнесла Машка, задумчиво глядя в окно вагона, когда наш электропоезд, рассерженно прошипев какое-то традиционное неразборчивое ругательство выпущенным из тормозной системы сжатым воздухом, только-только начал набирать свой стремительный и неумолимый как время ход.

— Зырь, Лимон, — раздался сразу показавшийся неприятным голос за лязгом расходящихся вагонных дверей, — Какая тёлочка нарисовалась на нашем трудном жизненном пути! А ты, бычок-переросток, быстро взбрыкнул отсюда в соседний загон, пока тебя не выхолостили!

— А ты скажи «чеснок»! — попросил я одного из двух угрожающе склонившихся надо мной здоровенных подвыпивших парней, заговорщицки подмигивая второму, — Тогда подумаю!

— И чё? Тебе сразу легче станет, переросток, гы-гы-гы! — заржал первый, — Ну, чеснок!

— По хлебалу хлоп! — радостно рявкнул я, смахивая сибирского крепыша с ног увесистым кофром от полупрофессиональной шестнадцатимиллиметровой кинокамеры, — Понимаю, что не складно, чувачок, но одна маленькая девочка из «ютуба» это так задорно верещала, отвешивая аналогичного леща по мордасам своей сестрицы, а я так давно хотел это так же весело повторить, что сегодня просто не удержался! Сестры-то у меня раньше не было...

— Ты там, случайно, ничего не сломал? — деловито поинтересовалась Машка, кровожадно провожая хищным взглядом второго крепыша, спешно уволакивающего за собой мешком висящего на его надёжных дружеских плечах первого.

— Навряд ли! — ответил я с уверенностью в голосе, которой на самом деле в душе совсем не испытывал, — Парень-то крепкий, а значит и челюсть у него должна быть крепкая. «Менс сана ин корпоре сано», Машка, «в здоровом теле здоровый дух»!

— Да я, вообще-то, не о челюсти его пекусь, милый, а, как всякая нормальная женщина, о нашем почти совместно нажитом семейном имуществе, чтобы ты никогда не посчитал меня неэкономной транжирой! Камера-то наша, небось, очень дорогая?

— Самая дорогая у меня — это ты! — чмокнул я Машку в её изящно очерченные губки, — А с нашей семейной кинокамерой ничего не случится, потому как «Красногорск-4» в мире киносъёмочных аппаратов — это всё равно что автомат Калашникова в мире автоматов, м-м-м, ну, в общем, просто, надёжная, как автомат Калашникова!

— Понятно, — вздохнула Машка, — А папа Тима сказал бы, что, мол, прочная, как джинсы «Левис». Нет-нет, Вань, я-то прекрасно понимаю, что правильно говорить «Ливайз», а не «Левис», но тогда его перестанут понимать большинство собственных клиентов.

— Существует такая старинная легенда, — заунывно начал я, — Которую мне рассказал

мой отец, а ему рассказал его отец, будто бы последними словами расстрелянных за фарцовку джинсами были слова о том, что лучшие в мире штаны — это джинсы! [ii]

— Дурак! — непонятно для меня за что обиделась Машка, — Папа Тима, между прочим, знал этих несчастных ребят. Их расстреляли в год моего рождения, а до того он несколько раз встречался с ними и сохранил о них самые хорошие воспоминания.

Я как сидел с дурашливой улыбкой, так и замер с по-идиотски приоткрытым ртом. Впору было и мне самому это поганое хлебало начистить, благо, было за что. Чеснок! Всё верно, шестьдесят первый год, когда после трёхкратного пересмотра в нарушение юридических норм был приведён в исполнение смертельный приговор по делу Рокотова, Файбишенко и Яковлева. Правда, судили их вообще-то за валютные преступления, а не за фарцовку и про джинсы в материалах дела нет ни одного слова, но легенда, конечно, красивая. Для меня, родившегося в конце двадцатого века, рассказ моего деда и в самом деле был выслушан в качестве очередной легенды прошлого века, а для Машки эти люди были ровесниками её родителей, и судьба их воспринималась ею не в пример ближе к сердцу.

— Прости меня, Маш! — повинился я, — Твой молодой муж, и правда, циничный дурак!

— Ага! — шмыгнула носиком довольная моей покладистостью Машка, но верная себе, не удержалась и тут же очень похоже спародировала моё любимое выражение, — Ясен пень!

Оставшиеся два с половиной часа до конечной станции Новосибирск Главный прошли в весёлой Машкиной трескотне и моём едва успевающим за ней, но всё же периодически вставляемом перманентном согласии. Да, Машка! Ясен пень, Машка! Да что ты, Машка?!

Чтобы не стоять в порядочной очереди на стоянке такси, отошли за квартал от вокзала и уже спокойно поймали, несмотря на ворчания фантома Мишкиной субличности, первую же приветливо сверкнувшую нам табличкой «В парк!» машину родного отечественного производства с чёрными шашечками на светло-салатовых дверях.

Впрочем, ничего удивительного, было бы наоборот слишком уж странно, если бы простой и, пусть даже возвращающийся в родной автопарк по окончании смены советский таксист в 1978 году не остановился бы, завидев голосующих у обочины дороги молодых людей, с ног до головы экипированных в сплошные заграничные шмотки.

Расплатившись с действительно несколько уставшим после четырнадцатичасовой смены, а потому на его счастье и нескрываемое Машкино разочарование всю дорогу молчавшим водителем, я галантно помог жёнушке выбраться из машины и, сжалившись над шофёром, самостоятельно выгрузил из багажника наши объёмистые рюкзаки.

То, что нас никто не встречает с распостёртыми объятиями и не спешит открывать мою любимую приворотную калитку, Машка перенесла как-то по-советски индифферентно, но я закусил губу и взял себе на заметку, что давно уже мне пора было бы смастрячить пару, а ещё лучше, пяток мобильных радиостанций на подобные случаи.

Однако, не прошло и четверти часа, как наш неожиданный приезд наконец-то заметили, дёрнули за верёвочку, распахнули калитку и наша молодая чета получила свою законную порцию обнимашек и прочих телячьих нежностей, правда, преимущественно от Ульяны Васильевны, поскольку Тимофей Емельянович только мужественно улыбался, регулярно смахивая рукавом замшевого пиджака периодически набегавшую скупую мужскую слезу.

Слёзки слёзками, но, тем не менее, воспользовавшись тем, что Машка с тёщей убежали на кухню накрывать на стол и секретничать, компаньон тут же уволок меня в свой кабинет, где на его рабочем столе уже были наготове разложены убористо исписанные тетради с

записями о движении товаров, калькулятор и прочая милая моему сердцу канцелярщина.

— На самом деле, дядь Тим, всё достаточно просто, — торопливо пояснял я, расчерчивая на листках писчей бумаги неровные фигуры алгоритмических блоков, корявые надписи на них и кривоватые стрелки, — Для того, чтобы оценить необходимое количество товаров, которые нам нужно заказать, мы должны составить как можно более правдивый прогноз на планируемый период и сопоставить его с имеющимися у нас товарными остатками.

— Слушай, Вань, а линейный тренд, построенный по методу наименьших квадратов, для прогноза подойдёт? — спросил у меня компаньон, закончивший в своё время мехмат НГУ.

— Только в том случае, дядь Тим, — покачал я головой, — Если у вас слишком мало данных для суждения об адекватной форме функциональной зависимости или же в том редком случае, если при достаточном объёме данных среднеквадратическая ошибка простейшего линейного тренда получается приемлемо незначительной. Но в любом случае, дядь Тим, по-хорошему надо бы каждый раз и на существование всего и вся проверять.

— Ну а если линеаризовать более сложные зависимости, а, Ванюш? Логарифмированием, к примеру? Мы ж тогда практически любую форму кривой сможем смоделировать на основе этого самого простейшего в вычислительном плане линейного тренда!

— Специалисты западных компаний именно так и поступают сейчас, дядь Тим! Вот только ограничиваются при этом относительно небольшим набором таких функций. Для наших целей будет вполне достаточно линейной, экспоненциальной и логарифмической формы функциональной зависимости. Но одной только основной тенденции развития зачастую бывает недостаточно, ведь сезонность вносит более высокую ошибку прогнозирования, а потому надо рассчитывать и средние сезонные коэффициенты для каждого месяца...

Как всегда, важные мужские разговоры на самом интересном месте были бесцеремонно прерваны женским сообществом, в нарушение принципов демократического централизма посчитавших праздничный стол, накрытый по случаю внезапного приезда представителей младшего студенческого поколения, более важным мероприятием, чем какие-то досужие и абсолютно непонятные мужские посиделки.

Всё проходит, как, говорят, было многозначительно выгравировано на наружной стороне одного из колец царя Соломона, мир его праху! Пройдёт и это, уже однозначно развивала эту мысль надпись, выгравированная по внутренней стороне того же кольца. Подтверждая нравоучительный смысл библейской притчи и во утешение нетерпеливо ёрзающего весь вечер Тимофея Емельяновича, в конце концов закончился и этот ужин с бесконечными безалкогольными тостами под свежавыжатые фруктово-ягодные соки нового урожая.

— Попробуйте только начать без меня! — с нешуточной угрозой в голосе, пробравшей до самых печёнок даже фантом моей спецназовской ипостаси, крикнула нам вслед Машка, — Ванька, я надеюсь, ты не забыл, что сегодня мне клятвенно пообещал? Сейчас помогу с мытьём вами же уханьконой посуды маме Уле и сразу же вас найду!

— Где хошь, говорит, найду и горло перережу! — пробормотал я, зябко передёрнувшись.

— Век воли не видать! — продемонстрировал знание предмета Тимофей Емельянович.

[iii]

Дабы не огрести заслуженных люлей в ожидании юной фурии, пришлось сесть со своим старшим компаньоном, а теперь по совместительству ещё и тестем, за игру в шахматы, по которым, как он меня с самого начала честно, но несколько самоуверенно предупредил, у него имелся аж целый первый разряд.

В противовес новому родственнику с неплохим математическим образованием, ни одна из моих прежних субличностей дебютной теорией, к превеликому сожалению, не владела, а потому объединённый ментальный поток, обладавший оптимизированными скоростными характеристиками, попросту включил примитивный перебор ходов, в той или иной мере применяемый практически всеми компьютерными шахматными программами.

К тому времени, когда в кабинет наконец-то вошла освободившаяся от добровольной кухонной повинности Машка, роскошная шахматная доска из ценных пород древесины с поверженным на ней белым тестевским королём уже была отодвинута в одну сторону, а обиженный в своих лучших чувствах родственник сидел, отвернувшись в другую сторону.

Быстренько повторив, к приятному удивлению понятливой, в силу многочисленных побед на всевозможных школьных математических олимпиадах, девушке предыдущую лекцию по основам прогнозирования, я продолжил тему управления товарными запасами уже для двоих благодарных слушателей.

— Итак, мои дорогие товарищи родственники и начинающие маркетологи, сопоставив меж собой полученные значения прогноза и имеющихся у нас в наличии товарных остатков, мы с вами можем рассчитать потребное нам количество товара на планируемый период...

— Фантастика! — восхитился тесть, — Ну, Машка, с таким котом мы теперь вдвое больше капусты накосим! А теперь, Ваня, пошли пивка попьем, у меня там карасиков насушено...

— Опять ты, папа Тима, всё перепутал! — заразительно расхохоталась Машка, — Давайте-ка лучше включим видик, вставим кассету с этим мультиком и пересмотрим его ещё раз!

— Сидеть, товарищи менеджеры!!! — грозно рявкнул я, — Звонок только для учителя, чтобы с утра надевать его на свежую голову! Тем более, что я пока ещё никого не отпускал! А что если прогноз не оправдается, спрос намного превысит ваши ожидания и вам не хватит товара, что при подобной методике расчёта будет происходить ровно в половине случаев?

— Вообще-то, да, Маш, — смущённо пробормотал компаньон, озадаченно почёсывая свой коротко остриженный затылок, — Если погрешность прогноза продаж на планируемый период для каждой товарной единицы будет носить случайный характер, а это, скорее всего, так и будет, в силу тогда вступает центральная предельная теорема, что, в свою очередь, означает нормальное распределение этих ошибок.

— Я ничего не поняла! — обиженно надула губки Маша, — Мы в школе этого не проходили!

— Проще говоря, Машка, — постарался пояснить я в доступных для вчерашней школьницы понятиях, — При близком к нормальному распределении случайной величины, а в данном случае — ошибки прогнозирования количественного объёма продаж, половина её значений будут положительными, а другая половина — отрицательными. Так понятнее?

— То есть, — медленно проговорила Машка, пальчиком вырисовывая в воздухе только ей одной видимые формулы, — Ровно в половине случаев наш прогноз ошибётся не в сторону некоторого избыточного затоваривания, а в сторону товарного дефицита, и джинсов

или, к примеру, жвачки на папиной барахолке будет катастрофически не хватать! Так что ли?

— Ну, не так драматично, Машка, — усмехнулся я, очень живо представив себе, как каждое второе воскресенье люди панически мечутся по всей Гусинобродской барахолке в поисках внезапно пропавших американских штанов и жевательной резинки, — Но в целом верно! А для того, чтобы избежать проявления таких нежелательных ситуаций, чреватых не только и не столько потерей части недополученной прибыли, сколько потерей ушедших к другим продавцам покупателей, вводят дополнительный страховой запас.

— А-а, — понимающе протянул компаньон, — Какое-то постоянное количество товара сверх рассчитанного прогноза? К примеру, на уровне предельной ошибки прогнозирования?

— Зачем же так много, дядь Тим? — неподдельно удивился я, — А если у вас торговлю по каким-то причинам лихорадит так, что эта предельная ошибка иногда даже превышает прогноз продаж? Никаких денег у вас не хватит на поддержание такого страхового запаса, если только вы не торгуете всего лишь одним видом товара! Нет, достаточно и страхового запаса на уровне, например, одной — двух среднеквадратических ошибок прогнозирования.

— Как же я сразу об этом не подумал! — гулко стукнул себя по лбу Тимофей Емельянович.

— Чеснок! — тихонько хихикнула в ладошку Машка, однако, под непонимающим взглядом своего родного дяди и осуждающим взглядом своего родного мужа тут же принимая вид самой воплощённой ангельской невинности.

— На участке по одной стандартной ошибке по обе стороны от оси ординат, — лихорадочно бормотал компаньон, как бы иллюстрируя свои мысли, бегая взад-вперёд по кабинету, — В соответствии с теорией вероятности ляжет примерно две трети всех случаев. А на участке по две стандартные ошибки от оси ординат — уже около девяносто пяти процентов, что, в практике прикладной статистики считается нормой. До чего же интересно получается...

— Пошли! — кивая на дверь, едва слышно шепнула Машка, — Папе Тиме сейчас не до нас.

— Вот и славно, — тихо пропел я, обнимая податливо прижавшуюся ко мне Машку уже за пределами дядиного кабинета, Трам-пам-пам! Может быть, всё-таки вернётся наконец к преподавательской работе? Меньше чем через десять лет, Машка, нам понадобится очень, ну очень много, не ограниченных идиотскими идеологическими шорами преподавателей самых различных экономических, управленческих и прикладных дисциплин. А сегодня, Машка, в условиях тотального дефицита всего и вся, отсутствия какой-либо серьёзной конкуренции и относительной неразвитости системы советской розничной торговли, мой маркетинг нужен дяде Тиме примерно точно так же, как и той собаке пятое колесо. Пока я лежал целую неделю в коме, Машка, я ведь очень много о чём тогда передумал!

— Ты считаешь нашу систему торговли неразвитой? — удивилась Машка, чисто по-женски выхватывая из моего импровизированного спича наиболее волнующую всех особ её пола, причём во все времена, нездоровую тему всевозможного шопинга, — У нас ведь столько огромных современных магазинов! ЦУМ, «Детский мир», «Культтовары» и всякие там «Универмаги» в каждом районе города. Я уж молчу про твои любимые книжные, «Юный техник» или «Аккорд», а про продуктовые универсамы и гастрономы даже не вспоминаю!

— А сама ты, Машка, в каких из этих магазинах одеваешься? — ехидно задал я вопрос,

что называется ниже пояса, как в прямом, так и в переносном смысле, ибо нижнее бельё она в советских магазинах не покупала, — Да, Машка! Наша советская торговля никогда не была особо развита даже по сравнению с восточноевропейскими социалистическими странами, не говоря уже о загнивающих как колхозная картошка, странах капиталистического мира.

— Вань, ну а если внедрить в наших магазинах систему управления товарными запасами?

— Машка, ты же прекрасно понимаешь, что это невозможно сделать сегодня даже только из-за уже неразвитости нынешней электронно-вычислительной техники. А даже если бы академик Глушков наконец добил бы свою ОГАС... Что такое ОГАС? Ты что, книжки из серии «Эврика» не читаешь? Всё-всё-всё, только не лезь со своими глупостями! ОГАС — это Общегосударственная автоматизированная система учёта и обработки информации, которая у нас так и не будет никогда внедрена. Слушай, Машка, как страшно осознавать, что множество подобных интересных, хотя и не бесспорных, проектов уже никогда так и не будет завершено. Впрочем, я отвлёкся. Так вот, Машка, даже если бы ты смогла каким-то образом внедрить управление запасами, наше производство, ориентированное больше на самое тяжёлое в мире машиностроение и бесплатную военную технику для людоедов, всё равно не смогло бы заполнить полки наших магазинов. Но, если даже каким-то чудом удалось бы заполнить эти полки, к примеру, импортными товарами, то система советской розничной торговли имеет ещё и серьёзные недостатки в институциональной структуре, основу которой составляют крупные организации, не способные удовлетворить различные запросы простых потребителей. Так что, Машка, деятельность твоего папы Тимы и других фарцовщиков, а также развёрнутая нами в институте система сетевого маркетинга только компенсируют институциональные недостатки социалистической системы распределения!

— Ты это серьёзно, Вань? — уставилась на меня Машка недоверчиво изумлённым взглядом.

— Абсолютно, Машка! — на васильковом глазу отвечивал я боевой подруге и для пущей убедительности веско добавил, — Честное комсомольское, вот не сойти мне с этого места!

— Эх, жаль только, что партийно-комсомольские органы этого не понимают! — вздохнула Машка, — А то ведь они только и знают, что постоянно папу Тиму с его, как ты говоришь, добровольными товарными распределителями гоняют в хвост и в гриву по всем вещевым рынкам Сибири, Урала и Дальнего Востока. Кто бы объяснил им, что ребята всего-навсего компенсируют инстицу... инстити... Тьфу на тебя, Ванька с твоими умными словечками!

— Компенсируют институциональные недостатки системы распределения! — подсказал я с улыбкой, — Ну слава богу! А то я уж испугался, что мне попалась шибко умная жена! А по поводу того, кто им будет всё это на пальцах пояснять, так это кто угодно, но только не я!

— И не я! — грустно улыбнувшись, сказал стоящий в дверях Тимофей Емельянович, — Меня ведь в своё время с кафедры примерно за это и попёрли. Нет, был шанс остаться, но я...

Тимофей Емельянович безнадёжно махнул рукой и, с сомнением глянув на прильнувшую ко мне Машку, с надеждой повторил недавнее предложение, — Так как насчёт пива, Бекас?

— Я так припоминаю, дядь Тим, что по сценарию фильма, который ты имеешь в виду,

кто-то из нас после этих слов должен передать другому какую-то фляжку и какую-то банку? [iv]

— Ты предлагаешь заполировать содержимое купленной сегодня банки содержимым моей заветной фляжки? — с одобрением глянул на меня Тимофей Емельянович, — А почему бы и нет, мой верный компаньон! И заметь, не я это предложил! Хотя, одобряю, одобряю...

— Папа Тима, Ванечка, а может лучше не надо? — не без оснований заподозрила неладное своей женской интуицией и вещим бабьим сердцем Машка, — Я маме Уле всё расскажу!

— Ябеда! — с осуждением дружно взглянув на Машку, слаженным дуэтом выпалили мы с Тимофеем Емельяновичем, отчего у меня почему-то защемило сердце и защипало глаза.

— Ладно уж, — сжалилась над нами Машка, — Я ничего не слышала! Пойду-ка рассчитаю товарные запасы для сетевиков в общаге. Представляешь, папа Тима, Викины девчонки уже закупаются только на свои заработанные деньги, а не под товарный кредит! А Сашка с Маликом даже подумывают купить жигулёвскую «двойку для развозки товара!

Как только Машка удалилась, гордо вскинув свою прелестную головку, мы с тестем облегчённо выдохнули, радостно пожали друг другу руки и поднялись в остеклённую мансарду, где и наконец уселись пить местное разливное пиво под загодя насушенные, навяленные и накопчённые карасики, коих тестюшка заготовил к приезду любимого зятя.

— Дядь Тим, — обратился я к тестю, пока не притронулся к любимым вонючим карасикам и, тем самым, пока ещё не исключил руки из возможного рабочего процесса, — Ты комп, тьфу ты, прошу прощения, калькулятор, надеюсь, не выключал? А то ведь все шестьдесят команд программу для расчёта линейных трендов придётся Машке заново набивать!

— Боже упаси! — понизил голос Тимофей Емельянович, — Я ж не самоубийца какой, сынок!

— Слушай, дядь Тим, а неплохое пиво! — приятно удивился я после первого же изрядного положенного глотка, — И даже, на сколько я в этом понимаю, почти неразбавленное, а?

— Дык неразбавленное и есть! — степенно заверил компаньон, — После того, как один мой хороший знакомый, а по совместительству ещё и заведующий пивной, Рафик начитался подсунутых ему мной твоих лекций по маркетингу, он по нему только всё отныне делает и разливает теперь три сорта пива на основе одного «Жигулёвского». Лёгкое разбавленное, среднее неразбавленное и крепкое добавленное. Продуктовая дифференциация, однако!

[i] «Кратон-3» — условное название объекта, на котором 24 августа 1978 года на глубине 577 метров в 40 км восточнее алмазодобывающего поселка Айхал по заказу Министерства геологии СССР был произведён промышленный ядерный взрыв мощностью 19 килотонн с целью глубинного изучения земной коры методом сейсмического зондирования.

Ядерное взрывное устройство было заложено в скважине, пробуренной с грубыми нарушениями первоначального проекта, с изменением координат на 50 км, т. е., с неизученными геологическими, тектоническими, гидрогеологическими, мерзлотными условиями.

На пятой секунде после взрыва произошел выброс радиоактивных веществ с образованием облака, которое, двигаясь по ветру, накрыло буровую площадку, пункт

дистанционного подрыва и жилой поселок с участниками работ с общей численностью 80 человек. Уровень радиации в поселке во время прохождения облака превышал 200 Р/час. Моросящий дождь во время взрыва вызвал вымывание радиоактивности из облака и обусловил заражение местности. На корню погиб лиственный лес на 100 га.

Сотрудники ВНИПИпромтехнологии Минатома СССР после аварии покинули объект не предупредив население поселка Айхал и жителей поселков, расположенных вдоль реки Марха. Об аварии местное население узнало только спустя 12 лет...

[ii] Имеется в виду легенда, в соответствии с которой Ян Рокотов, расстрелянный в 1961 году по делу Рокотова, Файбишенко и Яковлева, обвинённых в незаконных валютных операциях, после вынесения приговора в последнем слове сказал: «Прошу суд обратить внимание, что джинсы бывают только марки "Левис", все остальное — просто штаны!».

[iii] Цитаты из советской кинокомедии «Джентльмены уда́чи», снятой в 1971 году режиссёром Александром Серым на киностудии «Мосфильм».

[iv] Сцена из советского двухсерийного фильма «Ошибка резидента», снятого на Центральной киностудии детских и юношеских фильмов имени М. Горького в 1968 году режиссёром Вениамином Дорманом.

Отступление, в котором красивые мифы о фарцовке отделяются от её скучной реальности

Во многих современных источниках утверждается, что фарцовка возникла в среде так называемых стилиг, а их колыбелью стал шестой Всемирный фестиваль молодежи и студентов, проходивший всего лишь пару недель в Москве летом 1957 года, когда в столицу одновременно понаехали 34 тысячи делегатов из 131 страны.

Однако, это всего лишь очередная красивая легенда, поскольку в гигантскую барахолку столицу тех дней превратили сами гости фестиваля, которые самым активнейшим образом торговали мужскими рубашками и женскими кофточками, капроновыми и нейлоновыми чулками, бельевыми гарнитурами, шерстяными свитерами и обувью.

Бойкая торговля шмотками на фестивале приняла такие масштабы, что власти вынуждены были взять её под свой контроль, открыв при гостиницах «Ярославская» и «Заря», а также в общежитии студентов МГУ на Ленинских горах, то есть, места расселения участников фестиваля, специальные скупочные пункты, куда и сдавали вещи для продажи молодые люди преимущественно из Польши, Финляндии и Швеции.

Да и после завершения фестиваля в поле зрения советских правоохранительных органов чаще всего попадали не стилиги, а приглашённые на учёбу в военные академии офицеры арабских стран, сотрудники посольств и студенты из стран Ближнего и Среднего Востока, туристы из Польши, Финляндии, Западной Германии, Италии и Франции, а также моряки из некоторых средиземноморских стран.

Кроме того, дополнительным опровержением распространённого мнения, превозносящего влияние московского фестиваля 1957 года на появление советской фарцовки, может стать и принятое Советом министров СССР 7 июня 1956 года, то есть, за год до молодёжного фестиваля, Постановление «Об усилении борьбы со спекуляцией товарами иностранного происхождения в СССР и советской валютой за границей».

Таким образом, уже к середине пятидесятых годов в Советском Союзе уже достаточно активно функционировал чёрный рынок товаров широкого потребления зарубежного производства, хотя его расцвет пришёлся только на середину семидесятых годов.

Как показывает официальная статистика, с 1954 по 1974 год пропуск грузов через границу СССР увеличился примерно в семь раз, транспортных средств — в три раза пассажиров — в пять раз, их багажа — в шесть раз, а международных почтовых отправок — в двадцать раз. Соответственно, неизмеримо возросла и деловая активность фарцовщиков.

Примечательной является и развёрнутая в рунете полемика по поводу происхождения слова «фарцовка», которое связывают с немецким словом *forsch* (бойкий), мол, похожим словом «фарц» ещё в Одессе девятнадцатого века называли наиболее бойких базарных торговцев, а другие ссылаются на писателя Бориса Тимофеева, связывавшего этимологию слова «фарцовка» с английским *forsale* (для продажи).

Одесская версия, несмотря на всю свою правдоподобность и привлекательность, пока не находит никаких документальных подтверждений, а версия Бориса Тимофеева которую писатель приводит только в вышедшем в 1963 году втором издании книги «Правильно ли мы говорим?», выглядит несколько сомнительно и к тому же не выдерживает серьёзной критики специалистов в области языкознания.

Вот что в этой связи высказывал в 1972 году первый номер научно-популярного

журнала «Русская речь», выпускавшийся с 1967 года Институтом русского языка Академии наук СССР в московском издательстве «Наука» (ныне издаётся Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина и Российской академии наук):

«Б. Тимофеев в книге "Правильно ли мы говорим?" ошибочно связывал происхождение этих слов с английской фразой-обращением "Have you anything for sale?" (Есть ли у вас что-нибудь для продажи?). Из конца фразы — "for sale" — было образовано, по мнению Б. Тимофеева, сначала "форсэльщик", а затем "фарцовщик". Эта этимология, конечно, произвольна. Не говоря уже о том, что "фарцовщик" образован от "фарцовка" (а не наоборот), оба слова находятся в сложной фонетико-смысловой связи со старыми жаргонными словами "фартить" и "фарт" (удача), "форс", "форсы" (деньги), "фартовка" (спекуляция вещами) и некоторыми др. В конечном итоге "фарцовка" восходит к старому арготическому заимствованию из польского, где и сейчас в разговорном сниженном стиле есть слова "szwarcowac" (заниматься контрабандой) и "szwarcowka" (контрабанда) — с их производными. От фарцовки (контрабанды) до современного жаргонного "спекуляция импортными вещами" путь семантического изменения или применения совершенно ясен».

Вряд ли можно что-то возразить или добавить к мнению профессиональных лингвистов: столь исчерпывающий ответ давно уже поставил точку в набившем оскомину вопросе и просто больше не оставляет возможности для продолжения ненужной полемики.

Кстати, эта же статья журнала «Русская речь» очень просто и точно определяет фарцовку как «спекуляцию импортными вещами», без упоминания о приставании к иностранцам.

Действительно, с одной стороны, нельзя отрицать тот факт, что были и те фарцовщики в основном из числа молодых людей, которые поначалу выпрашивали или выменивали, а потом и покупали у приезжающих в страну иностранцев предметы широкого потребления зарубежного производства, после чего реализовывали их уже среди советских граждан по более высокой, то есть, спекулятивной цене.

Однако, на более регулярной и, самое главное, можно сказать, профессиональной основе непосредственной скупочной деятельностью в среде иностранных граждан занимались, прежде всего, работники гостиниц, где останавливались заграничные гости — швейцары, администраторы, дежурные по этажу, горничные, бармены, официанты, уборщицы и прочие представители гостиничной obsługi.

Наиболее мощным и стабильным каналом поставок были члены экипажей морских судов торгового флота, способные осуществлять не только ориентированные на конъюнктуру спонтанные закупки отдельных товаров, преимущественно в странах Северной Европы, но и выполнять индивидуальные заказы своих знакомых или поставлять мелкооптовые партии товаров для распространения среди фарцовщиков.

В несколько меньших объёмах осуществляли поставки товаров для фарцовки и водители-дальнобойщики, работавшие в отделениях созданного в шестидесятых годах Главного управления международных автомобильных сообщений «Совтрансавто» Минавтотранса РСФСР, которое потом ещё долгие годы оставалось крупнейшим оператором в сфере международных перевозок Советского Союза.

Своеобразным был ассортимент товаров, поставляемый военными ограниченными контингентами советских войск, дислоцированных в странах Варшавского договора и Демократической Республике Афганистан, имевших широкие возможности для

провоза контрабанды, но, необходимо отметить, и довольно часто попадавших на этом.

Ну и, разумеется, потихонечку фарцевали и возвращавшиеся из туристических поездок простые советские граждане, а также уже ранее упомянутые специалисты и дипломаты, члены экипажей международных авиалиний, члены спортивных команд и творческих коллективов, гиды и другие сопровождающие туристических групп.

Окончательно потеряла всю свою актуальность фарцовка только к концу восьмидесятых и даже к началу девяностых годов, когда в стране узаконили частное предпринимательство.

Глава девятая, в которой главный герой откладывает, закладывает и накладывает

— Ванька, закладку проспали!!! — истошно заверещала Машка, спешно сдирая с меня такое мягкое и тёплое стёганое одеяло в цветастом пододеяльнике, на краешек которого за ночь набежало мокрое пятнышко моей сладкой сонной слюны, — Ну вставай же ты, соня!!!

— Какую ещё такую закладку? — пробормотал я сквозь до конца так меня и не покинувший сон, — Ты же знаешь, Машка, я закладками никогда не пользуюсь, потому как запоминаю номер крайней прочитанной мною страницы! И, вообще, товарищ Шкворина, дай поспать сегодня же воскресенье... Что, воскресенье?! Машка, мы же с тобой закладку проспали!!!

— Слава богу! — облегчённо закатила глазки жёнушка, — Кажись, допёрло, прости господи! Давай, пидай в темпе венского вальса, окунай мордашку, одевайся и вперёд ловить такси! Потрапушки и пожирушки лучше отложим на потом, а почистюшки зубов пока как-нить заменим зубным эликсиром, мятной жвачкой или взлётной карамелькой, да простит меня зубная фея и Нина Григорьевна, которая, кстати говоря, тоже ведь сегодня будет у нас!

— Да ты что! — в ужасе завопил я, путаясь в штанинах джинсов, — И замдекана тоже у нас?!

— Все у нас! — басовито прорычала комсорг факультета с нарочитым кавказским акцентом, воспроизводя сцену из «Кавказской пленницы» и словно рог с вином радушно протягивая мне стаканчик с эликсиром, — Прокурор у нас, весь город уже у нас, только вас ждём![i]

Сборы, как водится у настоящих комсомольцев в обычных для них авральных ситуациях, были относительно недолги даже, несмотря на отдалённость Кубани и Волги, а если быть совсем точным, то уже через четыре минуты мы под привычное ворчание одной из моих фантомных субличностей усаживались в первое же пойманное у самого дома такси.

— Если захотят взять, то в любом случае повяжут! — вслух попытался я как-то успокоить фантом безопасника нашей группы специального назначения и её с некоторых пор общую совесть под понимающее похлопывание ладошки своей молодой супруги и перепуганным взглядом потянувшегося к монтажке тщедушного пожилого водителя.

— Всё нормально, товарищ! — пришлось мне успокаивать уже и нашего водителя, легонько прижимая ногой так и оставшееся лежать на полу оружие водилового пролетариата, — Да комсомольцы мы! Разве ты не видишь наших красных комсомольских значков?

— Ох, ребята! — как ни странно, сразу успокоился таксист, для которого ношение красных комсомольских значков стало самым весомым аргументом, — А я-то невесть что подумал!

— Ну да, товарищ водитель, я же всего лишь свою сучку имел в виду! — охотно подтвердил я нашу полную безвредность, но заметив, как этот потенциальный камикадзе покосился на мою законную супругу, поспешно зашипел, пока до Машки не дошла суть казуистической ситуации, — Эй-эй, дядя, вообще-то, я про свою собаку, которую никак не хотят брать на внеплановую вязку! Зато, если возьмут, говорят, то тогда обязательно повяжут!

Стараниями ли окончательно замороченного таксиста, постаравшегося как можно

быстрее избавиться от своих весьма подозрительных пассажиров, либо по причине выходного дня, но к четвёртому корпусу, где преимущественно располагался наш факультет электронной техники, и у входа в который и намечалось проведение мероприятия, мы успели вовремя.

Это октябрьское сибирское утро выдалось на диво солнечным и почти безветренным, хотя и достаточно холодным, поэтому едва только выбравшись из прогретого нутра машины, мы с Машкой, как по команде, передёрнулись, дружно вжикнули повыше молнии своих японских курток и стали озирать скопившуюся толпу в поисках знакомых лиц.

К счастью, наши беспомощные поиски надолго не затянулись, потому как вынырнувшая из плотного и неразборчиво гомонящего скопища пробивная толстушка Зина, радостно обнялась с Машкой, приветливо кивнула мне и словно ледокол потащила нас за собой к отдельно стоящей у крыльца группке факультетского студенческого актива.

— Где вы ходите? — с ходу набросилась на нас Машкина палочка-выручалочка Вика, — Вам сейчас капсулу времени с нашим комсомольским посланием закладывать, а вы чуть ли не срываете мне такое важное мероприятие нашего пиаровского прикрытия! К нам же даже съёмочная группа Центрального телевидения приехала со своими гримёрами, которые уже искали вас и жутко при этом ругались, что не успеют Ваньку вовремя наштукатурить! И собкор «Комсомольской правды» с фотографом тоже обещала сегодня прийти!

— Собака с милицией обещала придти! — тихонько пробормотал я себе под нос, однако же, моё вольнодумство и так никем не было бы услышано, поскольку в это время, над толпой разнёсся многократно усиленный звук в неизвестных целях продуваемого микрофона, вой слегка возбуждённых колонок и наконец голос нашего замдекана Нины Григорьевны.

— Сегодня, дорогие товарищи, двадцать девятого октября 1978 года, когда авангард нашей коммунистической партии — Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи отмечает своё 60-летие, мы с вами собрались у входа в здание нашего родного факультета, чтобы заложить послание от комсомольцев 1978 года комсомольцам 2018 года! Года, в котором советский народ и всё прогрессивное человечество отметят столетие комсомола!

Ни больше ни меньше как «всё прогрессивное человечество»! Аут Цэзар, аут нихиль![ii] М-да, Нина Григорьевна, мечтать оно, конечно, не вредно, но я на всю жизнь запомнил, как один из моих родных отцов в этот день 2018 года напился в одиночку как свинья, а потом долго сидел и неумело плакал, размазывая слёзы огромными мозолистыми руками, пока так и не заснул за кухонным столом рядом с уже пустой, но всё понимающей бутылкой...

А ещё я хорошо запомнил многочисленные и будто списанные друг с друга репортажи со всех концов нашей когда-то необъятной Родины, в которых важные люди, собравшиеся из числа бывших коммунистов и комсомольцев по случаю выемок заложенных сегодня капсул времени будут весело смеяться при зачитывании этих посланий. Особенно, когда в текстах будут встречаться слова о до сих пор не наступившем у нас коммунизме ...

Так и хочется нежно взять за грудки подобных оборотней со сверкавшими когда-то на этих раскормленных грудках красными значками, хорошенько их встряхнуть и вслед за инопланетными героями одного замечательнейшего советского фильма ласково так выдохнуть прямо им в лицо, мол, родной, это же последний выдох, могила, кладбище...[iii]

А владелица одного из кинотеатров в одном из южных регионов России, отнюдь не ею и даже не её южными предками построенного и названного в честь крейсера, возвестившего

о заре новой эры, вообще отказалась извлекать такую капсулу, дабы не портить нажитое непосильным трудом имущество, и умотала от журналюг отдыхать куда-то на Кирибати.

В общем-то, я, конечно, человек не злопамятный, но несколько злой на таких люденов, да и память у меня очень хорошая, а потому сделаю всё возможное и невозможное, чтобы приватизация государственного имущества в моём варианте истории прошла по другим правилам игры. Или не быть мне Тёмны Власте... тьфу ты, Товарищем Маркетологом!

— Почётное право осуществить сегодняшнюю историческую закладку предоставляется супружеской паре лучших комсомольцев нашего факультета, организовавших первую в истории советского комсомола первичную ячейку абитуриентов и добившихся лучших результатов во время проведения сельскохозяйственных работ при осуществлении помощи нашему подшефному колхозному хозяйству, Ивану и Марии Шквориным!

Ну что ж, коли народ единогласно доверил, а партия единолично одобрила, придётся, как говорится, соответствовать и уважить обчество. Скажете, мы лицемерим? Ну ясен пень, лицемерим, но не более, чем прочие представители нынешней партийно-комсомольской номенклатуры, которые завтра высунув языки, сначала будут стоя аплодировать развалу великой страны, а потом выхватывать из пламени её пожара лучшие куски.[iv]

Едва успели замуровать в стену под мемориальной доской наше прочувствованное до слёз послание комсомольцам 2018 года, хе-хе, как меня очень вежливо отозвал в сторонку тип почти гражданской, несмотря на обилие татуировок, наружности и сначала просто молча сунул мне в руку чёрный речной окатыш, в просторечии именуемый галькой.

— Пресекаешь бульгу? — сипло спросил тип, но тут же, словно спохватившись, извинился вполне нормальным голосом, — Прошу прощения, у меня временные проблемы социально- психологической адаптации после недавней отсидки. Я просто хотел у вас спросить, не узнаёте ли вы этот, как заверил меня один наш общий знакомый, драгоценный камушек?

— Как это вы меня здесь нашли? — недоверчиво спросил я вместо ответа, — Даже мой тесть с моей родной тёщей не должны были знать, по идее, где я сегодня собирался находиться!

— Тёшенька-то родная, может, могла и не знать, — осклабился урка, — Зато во всех местных газетах об этом чёрным по белому и огромными буквами прописано! Мол, так мол и так, такого-то числа, там-то и там-то комсомольский активист Иван Шкворин со товарищи осуществят закладку послания далёким потомкам. Вот я и подумал, а зачем мне переться в Академгородок в восьмом экспрессе или, прости господи, в простом двадцать втором, да ещё и место своей же жопой согретое попутавшим все рамсы наглым бабулькам уступать?

— Ну узнал я камушек, дальше что? — хмуро поторопил я посланника криминального мира.

— Не запряг — не нукай! — сверкнув яростным взглядом, окрысился тип, но, с в видимым трудом взяв себя в руки, снова перешёл на более вежливую форму общения, — Николай Александрович просил вас подъехать к нему, как только, гм, освободитесь.

Бли-и-ин! А ведь за калейдоскопически сменяющейся со скоростью кинокадров чередой промелькнувших с той первой злополучной встречи дней я как-то уже и позабыл про своё опрометчиво выданное воровскому авторитету обещание по поводу невиданного размера дивидендов в обмен за не мной спровоцированный нокаут его шестерящих бакланов.

Хотя, волноваться мне, собственно, не о чем, поскольку развёрнутая за эти три месяца под нашим чутким руководством сетевая маркетинговая структура, как оказалось, прекрасно

подходит не только для эффективного распространения дефицитных товаров в условиях неусыпной борьбы со спекуляцией карающих органов, но и для не менее эффективного сбора самой интересной и разнообразной информации.

Так что, по здравому размышлению я понял, что мне есть чем ответить за свои слова, а потому с чистой совестью заверил посланника о своей готовности, как только, так сразу.

Тем не менее, вырваться из липких лап журналистской братии удалось только уже ближе к вечеру. Забросив Машку домой и захватив с собой кое-какие вещи, которые, по моему глубокому убеждению, сегодня должны были мне обязательно понадобиться, я сел за руль освободившейся после воскресной барахолки тестевой «буханки» и, с тревожным сердцем срывая непослушные передачи, покатил к домику заждавшегося меня Коши Ладного.

— Тот же лес, тот же воздух и та же вода, — нервно промурлыкал я себе под нос, оглядывая обступившие пристанище криминального авторитета мрачные кроны лиственной опушки и призрачно мерцающую в лунном свете излучину одного из многочисленных притоков Оби, — Только он не вернулся из боя... Типун мне на язык, если живой останусь, конечно!

В этот раз Коша Ладный принял меня во всё той же гостиной комнате, но без накрытого его любимой хрустальной посудой и дефицитными деликатесами стола. Хотя сам стол так и остался стоять на своём прежнем месте, играя поляризованными бликами от света всё так же висевшей под потолком многорожковой хрустальной люстры.

— А где же... — недоумённо оглядел я безлюдное, не считая самого хозяина, помещение.

— Отпросились! — усмехнулся тот, — Как узнали, что едет мечущий чёрный жемчуг карась!

— Нет уж, оставь её у себя! — хмуро бросил мне вор, когда я с кривой ухмылкой протянул ему ту самую памятную чёрную гальку, — Знаешь, я часто бываю, э-э, по делам в Средней Азии, а у одного из тамошних народов есть такой красивый обычай, по которому долговая расписка хранится у должника, а не у кредитора. Ты представляешь, какое чувство долга?

— Мне это довольно таки трудно себе представить, Николай Александрович, — отозвался я с лёгкой иронией на уровне дозволенного известными обстоятельствами стёба, — Я ж ведь, вообще-то, русский и, более того, как бы урождённый сибиряк, а не туркмен!

— Ладно, Иван, оставим этот ни к чему и никого не обязывающий трёп! — впервые назвав меня по имени, решил перейти сразу к делу авторитет, — Это правда, что ты дочь Тимофея Емельяновича от острого лейкоза исцелил? Ей ведь, говорят, лепилы напутали там что-то с химиотерапией, печень с почками насадили, из-за чего пересадка костного мозга была абсолютно противопоказана. Только, ради бога, не спеши отнекиваться, Иван, твой ответ для меня и ещё одного человека очень и очень важен!

Вняв совету не спешить и одновременно с этим сообразив, что мою фирменную обувь, по крайней мере, сегодняшним вечером никто не собирается менять на тазик с бетонным раствором с целью превращения меня в подводного, хе-хе, Ваньку-встаньку, я задумался.

С одной стороны, всё было предельно ясно и понятно, а то, что Коша Ладный употребил в своей обычно свободной от фени речи блатной жаргон, назвав врачей лепилами, говорило о крайней степени испытываемого им во время разговора со мной волнения.

Но, с другой стороны, становится всеобщим народным целителем, как бы это почётно, а, то, может быть, и выгодно, ни звучало со стороны многочисленных героев попаданческой литературы, не взирая на клятву Гиппократата, мне ну очень уж, почему-то, не хотелось бы.

Мир наш ведь не так-то прост, если только не сказать больше, и абсолютное большинство людей в этом непростом мире болеют, расплачиваясь, если и не за свои собственные, то за какие-то чужие общечеловеческие грехи, пусть даже само понятие греха у них разнится ...

— Где больной? — неожиданно услышал я с удивлением свой собственный голос.

— Больная! — с радостно воодушевлённой суетливостью поправил Коша Ладный, — Сюда, пожалуйста, в соседнюю комнату. А руки можно помыть за той дверью, если необходимо.

Окинув сомневающегося в неукоснительном исполнении элементарных правил врачебной гигиены варнака уничижительным взглядом навеки уснувшего во мне Петровича, я молча прошёл в указанную дверь, где, обнаружив всё необходимое, принялся намыливать руки

— Николай Александрович! — обратился я к хозяину дома только для того, чтобы нарушить воцарившееся тягостное молчание, — Вы не могли бы удовлетворить моё любопытство по поводу происхождения вашего, скажем так, второго имени? Впрочем, если не хотите...

— Ну почему же, — снова усмехнулся криминальный авторитет, — Обучать зелёную поросль тоже входит в кодекс неписанных законов моего мира! Ну-ну, не напрягайся так, студент, ты ведь по любому уже никогда не станешь его частью, коли уж нацепил красный значок. Нет-нет, сесть-то ты сможешь, если дурака сваляешь, от сумы да тюрьмы, как говорится, но вот из «мужиков» тогда тебе выбратся не светит... А по поводу моей клички, так всё очень просто. Коша, потому что Никоша, то есть Николай, а Ладный, потому как в карты очень хорошо, говорят, играю. А хорошо играть в карты у нас это и есть «ладить»!

— Хм, — разочарованно хмыкнул я, тщательно стряхивая с рук капли влаги. Мало ли какая зараза гнездится в пусть даже на вид и чистом полотенце человека, сидевшего при всех советских вождях, кроме Ленина, — И в самом деле, просто, Николай Александрович! Нет про Кошу, который Никоша я-то сразу сообразил, а вот про «Ладного» я думал, что это из-за, редкого для человека вашей среды, безукоризненного внешнего вида. Вот только, когда слишком часто начинаешь повторять вашу кличку, то язык легко срывается на...

— Не стоит часто повторять это! — холодно оборвал меня Коша Ладный, — Идём к больной!

Моей сегодняшней пациенткой оказалась лежащая на софе в соседней комнате девочка, лет так двенадцати, фамильное сходство Николая Александровича с которой отрицать было бы просто не столько глупо, сколько невозможно, настолько они были похожи.

— Привет! — просто сказал я девчонке, не скатываясь до граничащего с елеем притворного дружелюбия профессионально деформированного врача с многолетним стажем, потому как и сам в этом теле по возрасту не очень-то и далеко от неё ушёл, — Чего это с тобой?

— Неоперабельная форма рака позвоночника, — очень серьёзно ответила мне девочка с не по возрасту умными, хотя и несколько усталыми глазами после того, как, взглянув на своего родственника, увидела его разрешающий кивок, — Ой, привет, а меня Катей зовут!

— Ну а меня зовут Ваней! — ещё раз приветливо кивнул я девочке и повернулся к

Николаю Александровичу, — Какая у Кати группа крови? Третья положительная? Прекрасно, это во многом упрощает дело, но обнадеживать вас пока не могу даже на один процент успеха. И, вот ещё что, Николай Александрович, я с утра ничего не ел, а сил даже при одинаковой с вашей дочерью группе крови... Уберите пистолет, здесь только слепой не догадался бы, тоже мне тайны мадридского двора! Короче, вы мне дадите чего-нибудь пожрать или нет, выискался тут, понимаешь, сибирский профессор Мориарти на мою голову...

— А мне папа не разрешает говорить «жрать», — тут же пожаловалась Катя, уже не обращая никакого внимания на предостерегающие жесты своего отца, — Ты представляешь, Вань? И, кстати, ты там что-то про кровь говорил, тогда, может быть тебе гематоген подойдёт с шоколадом? Папа мне им всю тумбочку забил, грит, сам в детстве недоел, так хоть ты...

Ехидно, ну прямо как наш технарь Виталий, глянув на враз покрасневшего криминального авторитета, я по-хозяйски распахнул приткнутую к софе тумбочку и высыпал содержимое обнаруженных бумажных кулчков прямо на её широкую столешницу, вызвав нешуточный восторг подобным небрежением к дорогой дефицитной продукции в подростковых глазах.

— Учись, папа! — откусывая огромный кусок гематогена, не упустил я удобного случая съехидничать ещё раз, — Ваш ребёнок, ну хорошо-хорошо, Катюша, не ребёнок! Так вот, папаша, ваша, не по годам развитая во всех отношениях дочь, сразу въехала в ситуацию и поняла насущные потребности прискакавшего спасти её рыцаря! Что такое «насущные», Катенька? Да откуда ж я знаю! Наверное, которые насыщают, нет? Но ведь, прискакал? А теперь раздевайся, Катя... Так надо, папаша! Да не волнуйтесь, я ведь тоже разденусь...

КТО Я? ГДЕ Я? И НАКОНЕЦ КОГДА Я? НЕТ, КАК МЕНЯ ЗОВУТ, Я ЕЩЁ ПОМНИ МОЁ ИМЯ — НИКОЛАЙ, ВПРОЧЕМ, НУ ЧТО Я ЭТО ГОВОРЮ, МЕНЯ ЖЕ МАРИ ЗОВУТ! ИЛИ ВИТАЛИЕМ? МИХАЙЛОМ? КАК ТАКОЕ ВОЗМОЖНО, РАЗВЕ МОЖЕТ БЫТЬ НЕСКОЛЬКО ИМЕН У ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА? А ЧЕЛОВЕК ЛИ Я ВООБЩЕ? ЕСЛИ Я НЕ ЧЕЛОВЕК, ТО КТО? ВОТ ЧТО ЗНАЧИТ ПРАВИЛЬНО ЗАДАТЬ ВОПРОС МНЕ СЕЙЧАС НЕСКОЛЬКО ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ МЕНТАЛЬНЫХ ПОТОКОВ И ВСЕ ОНИ КАКОМ-ТО ВОСТОРЖЕННОМ УПОЕНИИ КРИЧАТ, ЧТО МЫ — ОДНО ЦЕЛОЕ!

Господи, опять мне приснился этот дурацкий сон! Который уже раз, интересно знать, он мне снится, занудливо повторяясь во всех своих мельчайших подробностях? И кто такие эти Николай, Марк, Виталий и Михаил? Вот говорила мне мама, что чрезмерная любовь к антинаучной фантастике не доведёт меня до добра! Ну ладно, с эти мы потом разберёмся, а сейчас надо оценить своё состояние и, самое главное, проверить состояние пациентки.

Какой ещё пациентки? Я что, врач? Ну да, врач! А ещё крутой боец, каких поискать, а ещё маркетолог... А это кто такой? Ах да, Котлер-шмотлер и Рафиковское пиво, разбавленное по всем канонам продуктовой дифференциации. И ко всему прочему я ещё и Самоделкин какой-то... А какого фига, спрашивается, я тогда на инженера учусь? Ну да ладно, это всё потом, всё потом! Сначала, врачебный долг, что бы это там не значило...

— С Днём Рождения, Катюха! — весело приветствую я только что открывшую удивлённые глаза девочку, — Как спалось, что снилось и, самое главное, как ты себя чувствуешь?

— Спалось мне сегодня очень хорошо, — по-детски обстоятельно, но всё ещё с выражением некоторого радостного удивления на лице начинает отвечать на все мои

вопросы девочка, — Снилось мне, как будто мы с тобой полностью разделись, легли «валетом» и... Ой!

— Всё хорошо, доча, я здесь! — заботливо прикрыл наготу моей пациентки подскочивший к нашей софе непутёвый родитель, — Как ты себя чувствуешь, Катенька? Где у тебя болит?

— Хорошо я себя чувствую, папка! — недовольно отозвалась девочка, кося на меня своим любопытным глазом из-под накинутого на неё одеяла — И нигде у меня не болит! Вот только запястья побаливают и другие места, где Ваня руки на меня накладывал, немного щиплют ещё. И, вообще, мужчины, выйдите, пожалуйста, мне надо одеться, я жрать хочу!

— Катенька, так говорить нельзя... — начал было своё обычное родительское занудство вор, которому по его же воровским законам было запрещено не столько иметь детей, сколько поддерживать с ними родительские отношений, — Что?! Жрать?! Доченька, да я мигом!!!

Мягко, но настойчиво криминальный авторитет вытянул меня из комнаты с его желающей одеться дочерью, вновь красноречиво кивнул мне на дверь в каморку с удобствами, а сам принялся шумно и бестолково хлопотать где-то, по всей видимости, на кухне.

За окнами уже всюю занимался рассвет рабочего понедельника, надо было бы поспешать, и, с удовлетворением обнаружив на полке в санузле нераспечатанную упаковку с зубной щёткой и накарябанной фломастером надписью «для Ивана», я в первую очередь наконец-то осуществил отложенную ещё со вчерашнего утра чистку зубов. Во жизнь пошла, блин!

Кстати, а самочувствие-то на удивление прекрасное. Нет, жрать, как сказала сегодня Катя, тоже очень уж страшно хочется, но в остальном-то всё пучком! Вероятно, в этот раз мой организм просто не тратил силы на борьбу с последствиями ядовитой химиотерапии и односторонней совместимостью крови, что и вызвало в прошлый раз недельную кому.

— Запястья не смей мочить! — строго крикнул я вслед проскользнувшей в освободившуюся туалетную комнату угловатой фигурке, садясь за стол с аппетитно дымящейся чашечкой кофе и горячими гренками, поджаренными до обожаемого мной золотистого состояния.

— А то я бы не догадалась! — язвительно мявкнула было выглянувшая из-за двери хитрая мордашка с высунутым язычком, но тут же мгновенно исчезнувшая в притворном испуге после шлёпнувшегося о косяк рядом с её щекой точно брошенного тапка с моей ноги.

— Проси у меня что хочешь! — дрогнувшим голосом сказал наблюдавший за этой семейной идиллией вор, — Поверишь ли, вчера она даже вставать не могла, а сегодня... Я как в своё детство окунулся, Ленинград вспомнил, папу, маму и сестрёнку. Всё, что в моих силах!

Интересно, почему же мне ничуть не жаль этого расчувствовавшегося урку? Может быть, так сказывается моя профессиональная деформация? Стоп! Какая ещё профессиональная деформация? Помог паре девчонок и уже профессором медицины себя почувствовал, да?!

— Да, нам есть о чём поговорить, Николай Александрович! — вздохнул я, выходя с ним на террасу широкого крыльца, чтобы не помешать спокойному завтраку его дочери, — Вчера вечером вы заверили меня, что обучать зелёную поросль есть чуть ли не священный долг и почётная обязанность любого вора в законе, так?

— Передёргиваешь! — с усмешкой отозвался Коша Ладный, — Я всегда говорю конкретно и, если ты помнишь, то речь шла о моём мире, а там обучают людей конкретных талантов и, соответственно, конкретным наукам, которые вряд ли смогут заинтересовать тебя и твоё непосредственное законопослушное окружение. Или я чего-то о тебе не знаю, студент?

— Всё так, Николай Александрович, да не так! — ухмыльнулся и я, — Теперь уже и вы мои карты передёргиваете? Сами ведь понимаете, что как фарцовку ни обзываете, она будет проходить как спекуляция! Кто три месяца назад захотел окружить нас своей неусыпной заботой и вниманием? Так что, назвать нас законопослушными вы просто поторопились!

— Поторопился, — с лёгким недовольством вынужден был признать Коша Ладный, — Но с твоими комсомольскими делами, которые ты печёшь как жаренные пирожки без отрыва от производства. Кстати, по поводу производства, джинсовый цех в Болотном потянешь?

— Если только подарите, — согласился я, — А так нафиг бы он сдался! Но вы, не уходите от темы, Николай Александрович! Вы можете помочь мне организовать в местах лишения свободы, где это возможно, обучение одному интересному и многообещающему делу? Интересуют только «мужики», для всех остальных оно не подойдёт по признаку наличия доли труда, который в вашей среде, насколько мне известно, не очень то и приветствуется.

— Скажу больше, — заговорщицки подмигнул вор, — Категорически не приветствуется! Но видишь ли, Иван, в чём беда, ты помнишь, был тут летом Фёдор Степанович, в моём мире больше известный как Козлодёр? Так вот, слил он тут многих, как мне шепнули, пошёл на сделку со следствием, уехал в Москву и надул там на уши самым уважаемым людям, мол, это всё Коша Ладный слил. Многие знают меня и не верят, но заправляет там грузинская группировка. Я как в детском саду объясняю, но всё тебе знать и не нужно, просто хочу до тебя донести, что дни мои сочтены и ещё раз спрашиваю, что я могу для тебя сделать?

— Вы, Николай Александрович, уже ведь поняли на примере своей дочери, что я хотя и крещённый, но немного шаман? Так вот, сорока мне на хвосте принесла вести про ваши временные трудности. Почему временные? Да потому что эта же сорока принесла мне в своём клювике одно интересное любительское кино, снятое с большого расстояния при помощи телеобъектива и остронаправленного микрофона. Кадры уже смонтированы, а звук наложен на звуковую дорожку. Какая порнуха, я же комсомолец?! Хотя, в некотором смысле, да, порнуха! Там племянник одного нехорошего человека, не только комсомолец, но и дружинник, сначала прикрывается именем своего дяди, а потом в пьяной компании на природе хвастается другим дружинникам его крутыми делами, да ещё и конкретные имена при этом называет. Я в прошлый раз видел у вас подходящий кинопроектор, он как, фурычит? Вот и славно! Тогда, предлагаю зайти обратно в дом и посмотреть эту порнуху!

— И куда катится молодёжь? — проворчал старый вор, — Видать, наступают новые времена!

[i] Слегка перефразированная цитата из советской комедии «Кавказская пленница, или новые приключения Шурика», снятой режиссёром Леонидом Гайдаем по сценарию Якова Костюковского и Мориса Слободского в 1966 году на киностудии «Мосфильм».

[ii] *Aut Caesar, aut nihil* — латинское крылатое выражение, дословно переводимое как «Или Цезарь, или ничто».

[iii] Цитата из советской трагикомедии «Кин-дза-дза!», снятой режиссёром Георгием Данелия по сценарию Резо Габриадзе и Георгия Данелия на киностудии «Мосфильм» в 1986 году.

[iv] Эти слова, кстати говоря, не простое стандартное для подобных сюжетов брюзжание автора, а, если можно так выразиться, даже свидетельские показания. Несколько лет тому назад, когда маркетинговая деятельность автора только-только начиналась, один из рязанских олигархов, в советские годы бывший к тому же и одним из руководителей рязанского комсомола, показал мне большой старый стол для совещаний.

— Ох, Маркел, — как-то ностальгически вздохнул этот олигарх, — Ты даже не представляешь, что творилось за этим столом во время так называемых комсомольских собраний, а в особенности, после них! Каких только комсомолочек мы на этом столе...

Эпилог с фрагментом всесоюзного голомарафона от 29.10.2018, ведущий — Андрей Махов

— Всем добрый вечер, я — Андрей Махов и мы в прямом эфире всесоюзного голомарафона, посвящённого столетию со дня рождения Ленинского комсомола! В честь этого события в стране сегодняшний понедельник объявлен выходным днём, комсомольцы всех городов и сёл Советского Союза выходят веселиться на празднично украшенные улицы, а ветераны комсомольского движения сидят сейчас у экранов голографизоров и со светлой грустью вспоминают былые дни боевой комсомольской молодости. Но не будем о грустном, пусть даже и светлом, а давайте посмотрим, как сегодня по всей стране вскрывали и зачитывали адресованные нашему поколению послания комсомольцев прошлого, заложенные в так называемых капсулах времени. На очереди у нас теперь закладки, э-э-э, сорокалетней давности, то есть, отправленные грядущим потомкам аж в 1978 году. Внимание на экран!

На голо-экране появляются объёмные и красиво переливающиеся строки, которые сначала движутся и крутятся во всевозможных направлениях, а потом занимают положенное им в центре место, наконец-то замирают и медленно тают: «Послание комсомольцам 2018 года, заложенное в капсулу времени в посёлке Ярега, Коми АССР, 29 октября 1978 года».

— Не печальтесь о миллионах героев из прошлого века, — дрожащим от волнения голосом зачитывает пожелтевший от времени листок с текстом послания молодая брюнетка, — Их мужество, их подвиг были исполнены великого смысла. Подтвердите, что этот подвиг не напрасен... Мы не жалеем себя, потому что знаем: вы будете лучше нас![1]

Голос девушки, громкость которого медленно снижают регуляторами звукорежиссёрского пульта, постепенно затихает где-то вдаль, а по центру голо-экрана с теми же красочными спецэффектами возникает уже следующая надпись: «Послание комсомольцам 2018 года, заложенное в капсулу времени в городе Ставрополе 29 октября 1978 года».

— Мы передаём вам эстафету небывалых свершений и грандиозных побед, — уверенным голосом читает слова отпечатанного на машинке текста широкоплечий молодой человек в зелёной униформе студенческого строительного отряда, — Вам вручается судьба Родины, судьбы грядущих поколений, судьбы всего человечества, ибо вы — хозяева нашей Великой Отчизны, активные строители нового мира, которые вот уже полвека олицетворяют самые светлые надежды трудящихся всего земного шара![2]

Только затихает голос бойца стройотряда, как степное Ставрополье сменяют на голо-экране Волжские просторы, на фоне которых всплывает текст: «Послание комсомольцам 2018 года, заложенное в капсулу времени в городе Вóлжском 29 октября 1978 года».

— Мы верим вам, грядущим, и надеемся, что вы совершеннее нас духовно и физически, — слегка запинаясь и от этого едва сдерживая смущение, читает послание девушка с ярко выраженной спортивной внешностью, — Ведь это мы — ваши предшественники, старались раздвинуть границы возможного![3]

Голоэкрэн вдруг озаряется пламенем дюз стартующего космического корабля «Восток-1», режут преодолевающие земное тяготение ускорители первой ступени, звучит знаменитое гагаринское «Поехали!», быстро сменяют друг друга кадры с фрагментами побед СССР в космическом пространстве и, как апофеоз, появляется серебристая громада многоразового

межпланетного корабля с термоядерной энергетической установкой «Заря коммунизма».

— Мы немного завидуем вам, встречающих столетний юбилей Ленинского комсомола, но знаем, что и вы немного завидуете нам! — гремит над толпой, собравшейся у Сибирского государственного аэрокосмического университета, голос седого профессора, — У нас ясная цель, прекрасное будущее, много дел, есть где приложить ум, сердце, руки, энергию. И в этом наше счастье... И вы, далекие потомки, когда оглянетесь назад, поймете, жмурясь от исполоха, пронзающего толщу тьмы, что это светит та эпоха, которую творили мы![4]

Умолкает вдали и голос старого профессора, а его фигура на фоне списанного для учебно-экскурсионных целей космического корабля сменяется на межкадровую перебивку, после которой на голо-экране вновь появляется лицо задумавшегося ведущего Андрея Махова.

— Ох, простите! — спохватывается ведущий, очнувшийся только после раздавшегося почти через минуту окрика за кадром, напомнившего о том, что он уже в эфире, — Не правда ли, очень трогательно и, действительно, незабываемо? Сегодня у нас в студии руководитель управления организации и использования документов Архива Президента СССР, доктор исторических наук Борис Абакумович Касьянов. Борис Абакумович, а вот расскажите, пожалуйста, нашим голозрителям, как давно появилась традиция закладывания капсул времени? Или же это исключительно наша, то есть, сугубо советская традиция?

— Ну что вы, коллега! — снисходительно посмеиваясь и поправляя очки, отвечает маститый советский историк, — С определённой точки зрения подобными капсулами времени можно ведь считать многие древнейшие захоронения, к наиболее известным из которых относят египетские пирамиды. Но видите ли, коллега, параллели здесь можно проводить только по форме, а не по содержанию. На фоне услышанных сегодня посланий, каждое из которых проникнуто верой в нашу молодёжь, древние записи просто так сочатся ядом безверия!

— Это, конечно же, очень интересно, — вежливо пытается уйти от избитой темы ведущий.

— О, вы даже не представляете, коллега, насколько это интересно! — с жаром подхватывает любимую тему пожилой историк, — К примеру, на гробнице одного из древних египетских фараонов, жившего около пяти с половиной тысяч лет тому назад, начертано следующее: «Молодые строптивы, без послушания и уважения к старшим. Истину отбросили, обычаев не признают. Никто их не понимает, и они не хотят, чтобы их понимали. Несут погибель миру и станут последним его пределом!». Нет, вы представляете степень пессимизма, коллега? А вот на найденном в древнем Вавилоне пять тысяч лет назад ночном горшке[5]...

— Спасибо за исчерпывающий ответ, Борис Абакумович, — с явным облегчением тараторит скороговоркой ведущий, шарахаясь от не на шутку увлечёвшегося историка, — А на связи у нас первый секретарь ЦК компартии Литвы Дарья Карповна Грибановская!

На главном голографическом экране студии появляется хорошо сохранившаяся крашенная блондинка с эффектной стрижкой и несколько искусственной улыбкой, обладательнице которой довольно трудно дать её действительный шестидесятидвухлетний возраст.

— Добрый вечер, Дарья Карповна! — приветливо щерится в ответ ведущий, отзеркаливая ей абсолютно такую же искусственную улыбку, — Это правда, что вы были одной из первых, кто в том далёком 1978 году поддержал начин Ивана Ильича Шкворина по

организации первичных ячеек среди комсомольцев, временно оторванных от мест своего учёта?

— Да-а-а! — с типично прибалтийским акцентом акает высокопоставленная эфирная гостья, продолжая всё так же ненатурально улыбаться и уставившись на ведущего немигающим взглядом своих голубых глаз, — Здра-а-австуйте, Андрэй!

— Но ведь вы, Дарья Карповна, — пытается добиться подробностей в рамках оговоренного с такой важной персоной сценария ведущий, — Вы в это время уже учились на вечернем отделении экономического факультета Ленинградского государственного университета!

— Да-а-а! — всё так же мило акая, отвечает ему бывшая комсомолка, — Так и было, Андрэй!

— А вы точно в Литве живёте, а не в Эстонии? — уже не выдерживает известный ведущий.

— Да-а-а! — охотно подтверждает товарищ Грибановская, — Будэтэ у нас в Литвэ-э-э...

— Нет уж! — торопливо открещивается ведущий с нервным смешком, — Лучше вы к нам! Я глубоко убеждён, уважаемые голозрители, что, возможно, только благодаря активной деятельности таких энтузиастов первых маркетинговых сетей в Прибалтике, как товарищ Грибановская, нам и удалось в своё время уберечь от развала Советский Союз!

— Ха-ха-ха! — впервые появляется что-то человеческое в лице гостьи, — Ну что вы, Андрэй! О каком развалэ можно говорит, эслы это повлэкло бы за собой и разрыв многих и многих тысяч с таким трудом налаженных маркетинговых связэй?! У мэня одной толко в то время было около тысячи распространитэлэй помады с блиосткамы по всёму Совэтскому Союзу!

— Поблагодарим нашу гостью за её любезное участие в нашем голомарафоне, — поспешно сворачивает голосеанс с Литвой Андрей Махов, — А на связи у нас теперь Новосибирский государственный технический университет, закладку капсулы времени в котором сделал в год шестидесятилетия Ленинского Комсомола сам Иван Шкворин. Внимание на экран!

Перекачанное ботоксом женское лицо с искусственной улыбкой сменяет вид планеты из космоса. Земная поверхность величественно прокручивается и в определённый момент объективы голокамер устремляются к её какому-то размытому зеленоватому участку с сибирской тайгой. На фоне окаймляющего таёжного моря проявляется крупная городская агломерация, по мере снижения плавно переходящая в университетский комплекс НГТУ.

У длинного пятиэтажного здания четвёртого учебного корпуса толпятся люди различного пола и возраста. Слышен неразборчивый гомон толпы, то и дело звучит смех, а кое-где и комсомольско-молодёжные песни всех лет. Дрон с установленной на нём голокамерой подлетает ко входу, смещается чуть правее и крупным планом показывает мемориальную доску с горящей золотом надписью «В этом здании в 1978–1983 гг. отсыпался на лекциях по электровакуумным и ионным приборам первый маркетолог СССР Иван Шкворин».

— Комсомольский привет, друзья! — машет рукой появившаяся на голо-экране моложавая женщина лет за пятьдесят, на лице которой светится искренняя, хотя и несколько усталая улыбка, — Добрый вечер, Андрей! У нас здесь небольшая заминка, связанная с довольно таки странным фактом обнаружения двух одинаковых капсул вместо одной, которую, как я помню совершенно точно, мы с Ваней закладывали в этом месте сорок лет

назад. Сейчас вскрыют обе капсулы, и только тогда мы сможем объяснить вам этот удивительный казус!

— Две капсулы? — неподдельно изумляется ведущий, но тут же спохватывается и запоздало приветствует собеседницу, — Здравствуйте, Мария Ерофеевна, и, ради бога, простите меня за мою невежливость, но я и в самом деле немного растерялся, поскольку при подготовке телемарафона мы по понятным причинам тщательно изучили сведения о содержимом всех закладок, дабы избежать непредвиденных, а потому и не желательных для прямого эфира случайностей. Даже если бы вторая капсула у вас была бы заложена как дублирующая, это было бы отражено в протоколе комсомольского собрания. Впрочем, так даже интереснее!

— Да, Андрей! — согласно кивает Мария Шкворина, представлять всем известную личность которой ведущему даже не приходит в голову, — Две абсолютно идентичные капсулы, как два яйца из одного птичьего гнезда. Не знаю, возможно, эту загадку нам мог бы прояснить Ваня, вместе с которым мы тогда осуществляли эту закладку но, как вы все знаете, он...

Женщина быстро отворачивается в сторону, но при этом уголки её жёлто-зелёных глаз в лучах заходящего солнца успевают сверкнуть бриллиантами непрошенных слезинок, и голорежиссёр тактично переключает голокамеры на ведущего в студии Андрея Махова.

— Да, Мария Ерофеевна, — скорбно опускает голову ведущий, — Мы до сих пор не знаем, куда на шестом году вашей совместной жизни исчез Иван Шкворин. Но мы все помним, какой неоценимый вклад ваш муж внёс в дело Великой Реформации, благодаря которому наша страна в короткий срок опередила в своём развитии все капиталистические страны!

Несмотря на то, что никто не объявлял минуту молчания, освещение студии на некоторое время слегка приглушается, а звучащие фоном бравурные комсомольские марши сменяет минорная мелодия. Гости студии, сидящие полукружием амфитеатра вокруг сцены, разом встают и сурово молчат, а чуть погодя, по сигналу машущего руками за кадром помрежа, так же дружно степенно присаживаются, поудобнее устраиваясь в неудобных креслах, красные спинки которых стилизованы под комсомольские значки с дырой в виде Ленина.

Голокамеры вновь показывают серую коробку четвёртого учебного корпуса НГТУ, где наконец-то начинается какое-то осмысленное, хотя и не совсем понятное движение. К Марии Шквориной подбегает один из сотрудников университета, который, склонясь к её уху и неистово жестикулируя, что-то весьма эмоционально той объясняет.

— Андрей! — взволнованно обращается к ведущему товарищ Шкворина, — Вы не поверите, но во второй капсуле обнаружено личное послание моего мужа, то есть, Ивана Шкворина, которое он тайно заложил рядом с первым почти сразу же после своего исчезновения! И, кроме того, по содержащейся в его послании инструкции, рядом с капсулами найдена ещё и герметичная бобина с киноплёнкой, которая, говорят, неплохо сохранилась. По счастью, в нашем корпусе есть научно-образовательный центр цифровых систем и телевидения, а также научно-исследовательская лаборатория обработки изображений. Так что, Андрей, через несколько минут наши ребята перешлют вам уже готовый к демонстрации файл.

— Вот честное комсомольское, уважаемые голозрители и голозрительницы! — прикладывая руку к сердцу, отчаянно клянётся ведущий, — Этого нет в сценарии, а потому

не считайте за роуль в кустах наличие столь релевантных лабораторий в техническом университете! [6]

Режиссёра голомарафона, по всей видимости, тоже напрягает возникшая на пустом месте в высшей мере непонятная ситуация, а потому, прежде чем собрать на своей съёмочной площадке срочное совещание, он не находит ничего лучшего, как перебить творящееся в прямом эфире безобразие первым попавшимся под руку рекламным блоком.

Повинуясь сигналу разрешающей кнопки, второпях нажатой шаловливой ручонкой уже выкатившегося из затемнённой режиссёрской каморки маленького бородатого толстячка с всклокоченной шевелюрой, звучит предназначенная для подобных случаев музыкальная отбивка, одновременно с которой на голо-экране вспыхивает логотип рекламного блока.

По завершении музыкальной отбивки рекламный логотип сменяется ночным видом какой-то автолётной площадки, за пределами сетчатой ограды которой бредёт хмурый угонщик в чёрной лётной куртке и хрипловатым голосом недовольно бормочет: «Да я американцев не люблю. И японцев не люблю. И французов. Шведы, финны... не люблю!» Неожиданно замирает и, всматриваясь в темноту, восхищённо хрипит: «Я узбеков люблю, они зимой при взлёте не обледеневают!» Знак Ташкентского автолётного завода, звук захлопываемой дверцы, вой стартующих турбин и завывание сирен преследующей госаэроинспекции ... [7]

— Приветствуем тех, кто только сейчас присоединился к нам, — вновь появляется на голо-экране ведущий после окончания последнего ролика рекламного блока, — И напоминаем, что мы в прямом эфире всесоюзного голомарафона, посвящённого столетию Ленинского комсомола! Итак, только что к нам в студию поступила сенсационная запись последнего обращения пророка Великой Реформации Ивана Шкворина, сделанная им через несколько дней после своего таинственного исчезновения тридцать пять лет назад. Мы и сами пока, честно говоря, не знаем, что же в нём содержится, но заранее приносим извинения за, не очень хорошее качество записи, изначально осуществлённой на любительской киноплёнке тех нелёгких для нашей страны лет, когда любая советская женщина в целых колготках под джинсами считалась уже обеспеченной. Господи, о чём это я? Внимание на экран!

Объёмный голографический кадр сверхвысокого разрешения с напряжённо застывшим в ожидании привычных, но не очень желательных неприятностей ведущим сменяется на плоский белый экран, невнятное шипение и хаотично мельтешащие значки служебных пометок, нанесённых на стандартный ракорд начального участка старой киноленты.

Однако, через несколько секунд на месте белого экрана неожиданно появляется хотя и по-прежнему двумерное, но достаточно сносное и узнаваемое изображение Ивана Шкворина, сидящего на тюремных нарах и жадно поглощающего макароны из большой миски.

— Уже снимаешь? — недоумённо поднимает голову молодой человек, с неохотой отставляя в сторону посуду с недоеденным перекусом, — Предупредил бы, что ли, Батон! Ничего не могу с собой поделать, до чего ж я люблю этот двойной макаронный гарнир! Вот как с корешем порубали как-то с голодухи в какой-то привокзальной столовке одну тарелку на двоих, так и прёт меня с этих макарон! А ещё яичницу тоже очень уважаю, но в тюрьге её почему-то не дают... Впрочем, я отвлёкся. Всем привет! Если кто не знает, то меня зовут Иваном Шквориним, по батюшке, хе-хе, Ильич, но обойдёмся как-нить без отчества, ибо, во-первых, не по чину мне такое дважды известное отчество носить, а, во-вторых, молод ещё, в

сентябре только двадцать три стукнуло. Слышь, Батон, плесни-ка мне чефирку, а то что-то в горле пересохло! Чего ржёшь? Это, видать, от волнения, а не после вчерашнего...

Недовольно насупившись, товарищ Шкворин берёт протянутую ему из-за кадра чьей-то исколотой портаками рукой закопчённую алюминиевую кружку с какой-то исходящей паром тёмно-бурой субстанцией, в которую воткнута чайная ложка. Шумно отхлёбывает из кружки пару глотков, блаженно выдыхает и с сожалением отставляет её в сторону.

— Вот скажи мне, Батон, — обращается товарищ Шкворин к кому-то за кадром, — Почему у тебя получается такой изумительный чефир, а какой-то банальный SWOT-анализ у тебя выходит, ну, к примеру, как та бурда, которую в вашем котлопункте называют чаем?

За кадром слышится смущённый смех и чьё-то невнятное оправдывающееся бормотание, в ответ на что товарищ Шкворин только безнадёжно машет рукой в сторону объектива и, укоризненно покачивая головой, с досадой отворачивается в другую сторону.

— Да забей ты на него, Молох! — слышится за кадром другой приглушенный голос, — Батон просто ещё не знает, что на последнем сходняке самые уважаемые авторитеты приравнивали маркетологов к мошенникам, каталам и прочей подобной элите воровского мира, потому как деньги им лохи, простите, потребители, несут безо всякого там насилия и гипноза!

— Так вот, — продолжает прерванную речь товарищ Шкворин, одобрительно кивая кому-то за кадром и вновь поворачиваясь к объективу, — Цель моего сегодняшнего обращения или, если так хотите, послания, состоит в разъяснении причин моего внезапного исчезновения накануне 29 октября 1983 года. Подробности вам расскажет моя жена Мария Шкворина, да, Машка, теперь уже можно, а если вкратце, то случилось так, что несколько дней назад меня пригласил к себе лично Юрий Владимирович Андропов и в ультимативной форме потребовал дать бессмертие ему и другим одряхлевшим политическим руководителям нашей страны. Представляете маразм? Короче, мне пришлось уйти в подполье, кхе-кхе...

Товарищ Шкворин заходит в надсадном кашле, и кто-то из-за кадра заботливо подаёт ему кружку с горячим чефиром, на что он только благодарно кивает своему благодетелю, отхлёбывает пару поспешных шумных глотков и снова продолжает вещать в камеру.

— Простите, это я просто недавно лечил весьма запущенную стадию туберкулёза у одного здешнего обитателя и не успел пока ещё полностью восстановиться, но скоро всё пройдёт. Вы, конечно же, давно уже поняли, что я сейчас нахожусь, скажем так, в местах не столь отдалённых и вправе меня спросить, за что, хотя правильнее было бы спросить, почему?...

— Да потому что Молох у нас в авторитетных маркетологах ходит! — неожиданно врывается в кадр чья-то помятая небритая харя, — И, ва-а-аще, Молох у нас правильный мужик! ...

Не совсем трезвого сидельца спешно выхватывают из кадра чьи-то жилистые руки и под протестующие вопли волочат, судя по утихающему шуму, куда-то в другой конец камеры.

— Как только прочухается, — раздаётся за кадром зычный властный голос, — Так сразу же передайте этому уроду, что за ним сразу два косяка и одно запаadlo! Как это, какие? Он сказал «маркетолох», во-первых, а это по всем нашим маркетинговым понятиям самый страшный косяк! Во-вторых, он назвал маркетолога мужиком, а это уже косяк по любым понятиям! Но самое главное, он прервал маркетолога, а это уже откровенное запаadlo!!!

— Ну всё! — смеётся в объектив товарищ Шкворин, — Я уверен, вы уже и без моих нудных объяснений поняли, что мне здесь нравится, меня здесь никто не продаст и, вообще,

место лишения свободы является лучшим местом для маркетолога! Может быть это и шутка, но во всякой шутке есть только доля шутки, и здесь меня никому не придёт в голову искать. А Молохом меня стали кликать, чтобы некоторые люди, к примеру, из Рязани или южных регионов страны не произносили слово «маркетолог» с применением столь ненавистного мне фрикативного звука «г», которое больше похоже на «х». Я маркетолог, чёрт возьми, а не маркетолох! А, кроме того, Молохом было некое языческое божество, которому люди в древности приносили человеческие жертвы. Так вот, что касается человеческих жертв, то у меня с ними тоже всё в полном порядке, потому как вы просто даже представить себе не можете, сколько у меня появилось учеников, сначала ещё на воле, а теперь и здесь! Кстати говоря, преподаю я им не только основы маркетинга, в частности, и предпринимательства, вообще. Давайте спросим у моего самого нерадивого ученика про самые перспективные направления развития технологий конца двадцатого и начала следующего века! Батон?

— Персональные компьютеры, телекоммуникации, сотовая связь и, э-э, как их, мобильные технологии, Учитель? — доносится из-за объектива приглушенный голос некоего Батона.

— Да что ж ты, Батон, только вокруг информационных технологий крутишься? — с досадой выговаривает товарищ Шкворин, — Нет, спасибо, конечно, за помощь с моей кинокамерой, но тогда уж упомянул бы и про базы данных, интернет, социальные сети, корпоративные информационные системы, компьютерные игры или эгрёбанные криптовалюты, к примеру! Ну да ладно, что ж с тебя возьмёшь, если даже с этими куцыми познаниями ты лет через десять уже станешь одним из первых долларовых миллионеров в нашей стране...

В это время, захваченный историческими кадрами режиссёр в своей затемнённой камерке, спохватывается и, вспомнив о своих прямых обязанностях, подаёт указание переключить голокамеры на присутствующих в студии гостей для того, чтобы показать их реакцию.

Снабжённые искусственным интеллектом голокамеры сверхвысокого разрешения тут же выхватывают вскочившего с одного из мест и спешно удаляющегося полного пожилого мужчину с почти выведенными на руках татуировками, к груди которого приколот бейдж «Президент государственной корпорации информационных систем Антон Батонов».

— Пару слов для наших голозрительниц, товарищ Батонов! — бросается наперерез толстяку девушка с радиомикрофоном в руке, — Как вы думаете, можно ли было бы сорок лет назад избежать тотального дефицита, о котором, как и других важных для женщин проблемах, почему-то не говорилось в услышанных нами сегодня комсомольских посланиях?

— Как и многие другие специалисты в нашей стране и за ее пределами, я глубоко убеждён в том, что своевременное развитие средств вычислительной техники и соответствующих им возможностей по передаче, хранению и обработке данных помогло бы нам избежать дефицита большей части товаров народного потребления в СССР! — отвечает толстяк.

То ли от волнения, то ли от духоты в перегретой десятками мощных осветителей студии, у товарища Батонова на лысине выступают капельки пота, для устранения которых товарищ Батонов лезет в карман за старомодным батистовым носовым платком, после извлечения которого из того же кармана на пол со страшным грохотом сыплются чёрные окатыши...

Товарищ Батонов промокает лысину, тем же потным платком проходит по своему лицу,

от чего его черты вдруг расплываются, и он превращается в профессора Валентинова.

— Ну да ладно, господа студиозусы, у нас осталась буквально одна минутка, а посему вы можете потихонечку собирать свои причиндалы и по мере оставшихся сил просачиваться к выходам из лекционной аудитории. А вас, Марк, я попрошу остаться! — верный своим совковым привычкам профессор не преминул случаем и ввернул очередную киноцитату.

Проснувшись от страшного грохота, издаваемого при движении по проходам лекционной аудитории владельцев многочисленных каблучков, каблучков и каблучиц самого разного пола, возраста и комплекции, стремящихся как можно скорее покинуть ненавистный храм экономической науки, чтобы успеть занять очередь в университетском буфете или кафе, я ещё довольно долго не мог прийти в себя.

Посидел-посидел, в себя или не в себя, но куда-то, в конце концов, точно пришёл, плюнул на дурацкий многосерийный, потому как продолжавшийся на протяжении вот уже многих дней подряд сон, и уже вскочил, когда из кармана выпал чёрный речной окатыш...

Больше книг на сайте - Knigoed.net

[1] Фрагмент текста подлинного послания из капсулы, заложенной в посёлке Ярега, Республика Коми, 29 октября 1978 года и извлечённой 23 августа 2018 года.

[2] Фрагмент текста подлинного послания из капсулы, заложенной в городе Ставрополе 29 октября 1978 года и извлечённой 29 октября 2018 года.

[3] Фрагмент текста подлинного послания из капсулы, заложенной в городе Волжском Волгоградской области 29 октября 1978 года и извлечённой 29 октября 2018 года.

[4] Фрагмент текста подлинного послания из капсулы, заложенной в аэрокосмическом колледже СибГУ имени Решетнева, город Красноярск, 29 октября 1978 года и извлечённой 29 октября 2018 года.

[5] Действительно, как утверждают неподтверждённые сведения из интернета, на относительно недавно найденном при раскопках древнего Вавилона глиняном горшке было написано: «Эта молодежь растленна до глубины души. Молодые люди злокозненны и нерадивы. Никогда они не будут походить на молодежь былых времен. Младое поколение сегодняшнего дня не сумеет сохранить нашу культуру».

[6] Научно-образовательный центр «Цифровые системы и телевидения», а также научно-исследовательская лаборатория обработки изображений, действительно, имеются в Новосибирском государственном техническом университете и, действительно, находятся в здании четвёртого учебного корпуса!

[7] Приведено содержание слегка переименованного рекламного ролика узбекской компании «Уздэуавто», осуществлявшей сборку автомобилей Daewoo на территории Узбекистана.